

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

3
2019

МАЙ •
ИЮНЬ •

Содержание

СТАТЬИ

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕГИОНАХ ЕВРОПЫ В ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Робинсон М.А. (Москва). Регионы Европы в историософском трактате В.И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» 3
- Матейко Л. (Братислава). Мифы об «испорченном Западе» и «духовной чистоте Славянства» в словацком литературном дискурсе 13
- Алоэ С. (Верона). Италия в представлениях славистов XIX века 25
- Зеленка М. (Ческе-Будеёвице). Центральная Европа в представлениях чешских славистов межвоенного периода 39
- Горизонтов Л.Е. (Москва). Региональная терминология российского славяноведения 46
- Стобецкий Р. (Лодзь). Центральная-Восточная Европа в польском публичном дискурсе вчера и сегодня 56

* * *

- Станков Н.Н. (Москва). Илья Моисеевич Гейцман и его проект для Чехословакии (1920 год) 68
- Косик В.И. (Москва). СССР в донесениях хорватских дипломатов из Софии в годы войны (1941–1944) 76

СООБЩЕНИЯ

XVI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ (БЕЛГРАД, 20–27 АВГУСТА 2018).

ОБЗОРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКЦИЙ И ТЕМАТИЧЕСКИХ БЛОКОВ

- Пилипенко Г.П. (Москва). Обзор докладов на секциях по социолингвистике, интерференции, языковым контактам и диалектологии 85
- Ганенкова Т.С. (Москва). Обзор докладов на секции «Семантика и прагматика» 91
- Запольская Н.Н. (Москва). Обзор докладов тематического блока «Функциональность славянской книжности» 94
- Плотникова А.А. (Москва). Обзор заседаний секции по этнолингвистике 101
- Толстая С.М. (Москва). Обзор тематического блока «Историческая память в языке» 106
- Старикова Н.Н. (Москва). Обзор работы литературоведческих секций 111

IN MEMORIAM

- Слоистов С.М. Памяти моего учителя – Галины Павловны Мурашко (1932–2018) 114

РЕЦЕНЗИИ

- Гусев Н.С. Д.О. Лабаури. Евангелие и револьвер: Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в. 121

<i>Стрелец М.В.</i> Н.Б. Шавлинский. Первая Мировая война и национальный вопрос в деятельности белорусских партий, организаций и обществ на территории России и Украины.....	126
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Марней Л.П., Носов Б.В.</i> Дискуссия российских и польских историков о последствиях Первой мировой войны, Великой российской революции и восстановлении независимости Польши.....	128
---	-----

ЮБИЛЕИ

К юбилею Владислава Якимовича Гросула.....	137
--	-----

НЕКРОЛОГИ

<i>Каштанова О.С., Макарова Г.В., Носов Б.В.</i> Памяти Светланы Михайловны Фалькович.....	140
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕГИОНАХ ЕВРОПЫ В ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

21 августа 2018 г. в рамках XVI Международного съезда славистов в Белграде состоялся тематический блок «Представления о регионах Европы в истории славистики», подготовленный Международной комиссией по истории славистики. Инициатором и организатором дискуссии стал Л.Е. Горизонтов. Предложенная им тема получила поддержку на заседании комиссии в апреле 2016 г. в Братиславе, а затем на конкурсной основе была включена в программу съезда.

С докладами выступили ученые из шести стран: Германии, Италии, Польши, России, Словакии и Чехии (XVI меѓународни конгрес слависта. Тезе и резимеи у два тома. Београд, 2018. Т. 2: Књижевност, култура, фолклор. Питања славистике. С. 303–306). Участники научной сессии представляют различные области славистики, но всех их объединяет интерес к историко-научной проблематике. Тема блока является значимой не только для славяноведения, но и гуманитаристики в целом, затрагивая такие актуальные ее направления, как ментальная география, изучение идентичностей и история понятий.

Публикуемые статьи участников тематического блока охватывают практически всю историю славистики – от первой половины XIX в. до дня сегодняшнего. В них прослеживается, каким образом региональный дискурс утверждался в славистике славянских и неславянских стран, во всех сегментах данной дисциплины, в зависимости от понимания ее предметной области, под влиянием экстранаучных факторов и в конкуренции с другими исследовательскими подходами. Рассматривается, как это сказывалось на терминологии, институциональном развитии науки и дидактической практике. Авторы статей анализируют эволюцию представлений о месте славянства и составляющих его народов в Европе. Оценивается роль различных государств и отдельных их частей в развитии славистических исследований. Обращается внимание на особенности формирования в рамках славистики страноведческих направлений.

РЕГИОНЫ ЕВРОПЫ В ИСТОРИОСОФСКОМ ТРАКТАТЕ В.И. ЛАМАНСКОГО «ТРИ МИРА АЗИЙСКО- ЕВРОПЕЙСКОГО МАТЕРИКА»

© 2019 г. М.А. Робинсон

Д-р ист. наук, руководитель центра Института славяноведения РАН

E-mail: m.a.robinson@mail.ru

Книга В.И. Ламанского появилась в 1892 г., и ее можно назвать последним историософским сочинением славянофильского направления в русском славяноведении. Важнейшей задачей этого сочинения являлось продолжение в новых условиях развития основных теоретико-методологических концепций славянофильства и аргументированное доказательство их незыблемости. Одной из главных целей труда стало определение границ греко-славянского мира, соотношение этих границ с миром романо-германским. Ламанский, оставаясь, безусловно, сторонником разделения романо-германского (католического-протестантского) и Среднего (православного) миров, постарался увидеть не только то, что их разделяло, но и то, что их объединяло. Поставить такую новую для славянофильского направления задачу Ламанского заставляла необходимость теоретически обосновать отделение мира Среднего от окружающего его азиатского мира.

The book by Vladimir I. Lamansky appeared in 1892, and could be called the last historiosophical work of the Slavophile direction in Russian Slavic studies. The most important task of this work was the continuation of the development of the basic theoretical and methodological concepts of Slavophilism under the new conditions and reasoned proof of their inviolability. One of the main goals of the work was the definition of the boundaries of the Greco-Slavic world with the Romano-Germanic world- Lamansky as the partisan of the division of the Romano-Germanic (Catholic and Protestant) world from the Middle (Orthodox) one, strove not only to see the division lines, but also their common grounds. The need of giving theoretical foundations from the separation of the Middle World from the Asiatic surrounding made Lamansky to pose such a new task for the Slavophile direction

Ключевые слова: Ламанский, славяноведение, славянофильство, романо-германский мир, греко-славянский мир, Средний мир, Европа.

Keywords: Lamansky, Slavic studies, Slavophilism, Romano-Germanic world, Greco-Slavic world, Middle World, Europe.

DOI: 10.31857/S0869544X0004717-1

В. И. Ламанский, «патриарх русского славяноведения», на протяжении 33 лет возглавляя кафедру славянской филологии С.-Петербургского университета, создал целую школу, представители которой заняли ведущее положение в русском славяноведении и не только. Среди ученых, причислявших себя к ученикам Ламанского¹, трое стали академиками, причем двое одновременно со своим учителем, который был избран в 1900 г. Так, специалист по истории древнерусской литературы и фольклору И. Н. Жданов избран в 1899 г., византист Ф. И. Успенский в 1900 г., а историк церкви И. С. Пальмов в 1916 г.

Первым славистом, подготовленным Ламанским, был Ф. Ф. Зигель, именно ему остальные ученики доверили поднести сборник, подготовленный к 25-летию научной и преподавательской деятельности учителя [2]. В письме Ламанскому от 21 мая 1883 г. Зигель выделял то основное, что почерпнули они у учителя: «...мы обязаны Вам надлежащим пониманием отношений Романо-германской цивилизации к Славянству» [3. Л. 7]. «Действительно, — подчеркивал Зигель, — только у Вас одних можно найти ясную постановку вопроса о признаках обеих цивилизаций. Все Ваши предшественники, включая сюда и Хомякова, довольствовались каким-то мистическим отношением к Славянству, а о православии употребляли туманные выражения вроде “высота просветительских начал православия”, и не думая заняться анализом этой высоты» [3. Л. 7–7об.]. Зигель отметил два важнейших теоретических положения славянофильства — противопоставление германской и славянской «цивилизаций», основанное на принадлежности народов, относящихся к ним, к разным христианским конфессиям.

Продолжая развивать основные постулаты славянофильства, Ламанский воплотил свои размышления о прошлом, настоящем и будущем не только славянских народов, но и мировой цивилизации в целом в книге «Три мира Азийско-Европейского материка». Эта работа, опубликованная в 1892 г., представляет собой последний историософский трактат славянофильства. В нем Ламанский, выстраивая свою систему доказательств, постоянно возвращался к ее положениям, снабжая их дополнительными аргументами, поэтому считаем необходимым обращаться к цитированию текстов ученого, дабы полнее представить его взгляды.

«Вглядываясь ближе во внешний вид, состав населения и историко-культурный характер Азийско-Европейского материка, — писал ученый, — мы заметим в нем три крупные части, три великие отдела или мира, каждый со своими, исключительно ему свойственными, географическими, этнологическими и историко-культурными особенностями» [4. С. 2]

Для Ламанского аксиома — взгляд на историю человечества как историю самостоятельно развивающихся миров и, прежде всего, романо-германского (католического и протестантского) и греко-славянского (православного). В своем труде ученый стремился применить это положение ко всем народам Евразийского континента, попытался выявить и объяснить специфику каждого из обозначенных им трех «миров»: «Европы», «Среднего мира» и «Азии»².

¹ См., например, список инициативной группы ученых, участвовавших в подготовке издания к 25-летию «ученой и преподавательской» деятельности В. И. Ламанского [1. С. 4].

² В данном сообщении мы не будем рассматривать аргументацию Ламанского о границах Среднего мира и мира Азии. См. подробно [5. С. 95–96.]

Собственно греко-славянский мир ученый определял как «Средний мир, т.е. не настоящая Европа и не настоящая Азия» [4. С. 3]. Одну из основных задач своего исследования Ламанский видел в определении границ Среднего мира. Ибо, как писал ученый: «Вступая в пределы этого Среднего мира из Азии, мы должны сказать, что тут Азия кончается, но Европа еще не начинается; точно также вступая в него из Европы, мы вправе сказать: здесь кончается Европа и еще не начинается Азия» [4. С. 3]. «По мере удаления нашего, — продолжал Ламанский, — от центров чисто европейских или чисто азиатской жизни и образованности мы приближаемся к тем странам Европы и Азии, которые, включая в себе много элементов чисто европейских и чисто азиатских, имеют, однако, в общем свой особый тип, носят на себе особый характер. Этот тип или характер довольно резко отличает эти страны от собственной Европы и от собственной Азии» [4. С. 3].

Стержнем греко-славянского Среднего мира Ламанский, безусловно, считал Россию. С географической точки зрения он видел ее особенности в том, что на «огромном просторе сплошной массы равнин высокие горные хребты встречаются, за исключением сравнительно невысокого и во всяком случае не непрерывного горного хребта Уральского, только на окраинах, а видные полуострова имеются собственно лишь на крайнем севере и востоке (Чукотская земля и Камчатка) и юго-западе (Крым). Этим отсутствием богатых расчленений Россия резко отличается от европейского запада» [4. С. 15]. Подобные наблюдения ученый относил и в целом к характеристике Среднего мира, который «в сравнении с собственно Европою [...] отличается крайнею скудостью берегового развития. Другое важное отличие Среднего мира от собственной Европы [...] состоит в преимущественном богатстве его огромными сплошными равнинами и в нахождении высоких горных хребтов преимущественно на окраинах...» [4. С. 45–46].

Ламанский задавался вопросом: «Но где границы этого Среднего мира на западе, в так называемой Европе?». Обращаясь к географическим и историко-культурным особенностям европейской части России, Ламанский писал: «Здесь на пространных равнинах между Белым, Балтийским и Черным морями, между Уралом и Карпатами сильнейшая народность славянского племени образовала и развила свою государственность, свою речь и образованность, и при всей своей относительной юности, сравнительно с Европою и с Азией, имеет тысячелетнюю непрерывную историю» [4. С. 16].

Безусловно, основной задачей, которую перед собой ставил Ламанский, было доказать единство славянства в рамках Среднего мира. Это обстоятельство заставляло ученого отодвинуть на второй план вопрос о конфессиональных различиях среди самих славян, принципиально важный в славянофильской концепции, и выдвинуть на первое место вопросы этнического родства. В качестве аргументов для отделения от Европы этого ее обширного региона ученый обращался к аргументам историческим, политическим, этническим и психологическим, утверждая, что славяне, обращенные «в западное христианство, как поляки, словаки, чехи, мораване, словенцы и хорваты, резко отделяются от своих западных соседей единоверцев, немцев и итальянцев, глубокою взаимною антипатиею, разностью языков и характеров, противоположностью национальных интересов. Напротив, с своими восточными соседями русскими, сербами, болгарамии они тесно связаны общностью исторических

судеб, культурных и национальных интересов, величайшим сходством языков и нравов» [4. С. 22–23].

Чтобы окончательно утвердить невозможность относить регионы, населенные не православными западными славянами к Европе, ученый приводил один из излюбленных аргументов славянофильства — опасность немецкой экспансии. Он утверждал, что у западных славян «...есть одно общее им всем крепко связующее их воззрение на западного их соседа немца и глубокое к нему, веками оправданное, недоверие и нерасположение». И на основании всего вышеизложенного Ламанский делал вывод: «Все эти данные и соображения заставляют все западные славянские земли, с точки зрения этнологической и историко-культурной, отделять от собственной Европы и относить заодно с Россией и с землями ей единоверными как единоплеменными, так и иноплеменными, к так названному нами миру Среднему» [4. С. 24].

В данном случае Ламанский вносил серьезные коррективы в концепции славянофильства. Традиционно считалось не только идеологами славянофильства, но и в славянофильской среде профессиональных ученых, что принадлежность к различным христианским конфессиям разъединяет даже славянские народы. На этом основании утверждалось, что католическая Польша предала свою славянскую природу. Как, например полагал А.Ф. Гильфердинг, «Польша совершила “историческую измену” славянскому делу» [6. С. 281]. Она сделалась «носителем “чуждых славянскому племени исторических начал”» [6. С. 282]. Да и сам Ламанский в начале 60-х годов XIX в. высказывал чрезвычайно резкие суждения о вредоносной роли католицизма для поляков — «католицизм растлил у них и сердце и ум» [7. С. 93]. Отрывая польские земли от романо-германского мира, ученый считал актуальным поддерживать борьбу поляков в Пруссии против попыток их онемечивания, напоминая: «... мы нередко забываем возблагодарить их за услуги, в разное время ими оказанные славянству, когда они боролись с германизмом...» [4. С. 22]. Заметим, однако, что и через два десятилетия после выхода трактата Ламанского среди славистов оставались ревностные приверженцы славянофильства прежних подходов. Так, Т.Д. Флоринский решительно отделял Польшу от греко-славянского мира. Он полагал, что чуждое влияние «усвоено и переработано поляками, так сказать, органически, в плоть и кровь. Таким образом, Польша, оставаясь славянской, сделалась в то же время членом романо-германской семьи народов» [8. С. 119].

Ламанский самым тщательным образом прочерчивал на Европейском континенте границу, которая, по его мнению, разделяла миры романо-германский и греко-славянский, при этом границам существующих государств, кроме Российской империи, он значения не придавал. Если, по его мнению, «политические границы России со Швецией и Норвегиею почти совершенно совпадают с этнологическими и историко-культурными границами Среднего мира от собственно азиатского и собственно европейского, то на прочем западе и юге эти европейские границы Среднего мира заметно и значительно расходятся с государственными границами России» [4. С. 17]. Этническая и конфессиональная принадлежность являлись для него основными признаками, на основании которых он относил народы к разным мирам. Так, в случае с Норвегией и Швецией, «по сю сторону [...] преобладает и господствует восточное православие и славянский язык, славянская народность, а по ту сторону этих границ уже нет вовсе ни славянской речи и народности, ни исповедников восточного

православия, а напротив исключительно преобладают и господствуют [...] — западное христианство, преимущественно в одном из своих учений, протестантстве, и германская (собственно шведская и норвежская) речь и народность» [4. С. 17–18]. Таким образом, Ламанский признает эти границы естественными, как бы не замечая, что с российской стороны границы в этом регионе проживает совсем не славянское и не православное население — финны.

Ученый считал, что западные и южные границы России с Германией, Австро-Венгрией и Румынией «чисто политические, искусственные» [4. С. 17]. Что за этими границами «вовсе не прекращается численное преобладание господствующей в России веры или славянской речи и расы, часто той и другой вместе» [4. С. 17]. Ламанский прямо писал: «На сухопутной границе Среднего мира между Триестом и Данцигом мы пренебрегли политическими границами и отделили от собственной Европы славянские земли, подчиненные немецким династиям и правительствам» [4. С. 42]. В результате Россия на границах с Европой оказалась «окружена прусско и австрийско славянскими, а также румынскими и далее болгарскими, сербскими, турецкими и греческими землями. В этих же землях, как и в России, господствуют численно восточное христианство, и славянская речь и народность или порознь, как в Румынии и Греции, или вместе как в Болгарии, Сербии, Черной Горе, или одна лишь славянская речь и народность, как в западнославянских землях Австро-Венгрии и Пруссии» [4. С. 18].

Более детально Ламанский перечислил регионы, входящие в состав греко-славянского мира следующим образом. Средний мир, по его мнению, «включает в себя всю русскую империю [...], часть прежних польско-литовских земель Пруссии, где еще сохранилась славянская и литовская народность, часть Силезии, значительнейшую часть Чехии, всю Моравию, южную Стирию, часть Каринтии (Хорутании), всю Крайну, Горицкое графство, Истрию, все Австро-Угорские земли короны Св. Стефана с Троединым королевством, т.е. Хорватию, Славною и Далмацию, Румынское королевство, королевство Сербию, княжество Черногорское, Боснию, Герцеговину, княжество Болгарское (с Румелиею), королевство Греческое с островами, всю европейскую Турцию со включением Константинополя, с остальными греческими островами, со всем приморьем Сирии и М. Азии и с прилежащими к кавказскому наместничеству областями азиатской Турции с населением древнехристианским» [4. С. 41–42].

Дабы оправдать включение в Средний мир регионов, населенных не славянскими и не православными народами, Ламанский обращался к своего рода исторической аргументации. Он указывал: «В течение средних веков, когда на религиозные различия и сходства обращалось такое большое внимание, западные иноплеменники немцы, итальянцы, поражаемые этим сродством славян западных и восточных, давали им безразлично одно общее название, именуя их всех общим именем чужеродцами, *варварами, сарматами, вендами, славянами*, а огромное пространство земли, занятое славянами вместе с различными инородцами албанцами, волохами, мадьярами, финнами, литовцами, прозывая одним словом, — *Славию, Славениею или Славонию*» [4. С. 23]. Как видно из текста, Ламанский включал в состав греко-славянского мира и регионы, населенные не только уже упоминавшимися финнами, но и, что особенно примечательно, венграми. Ни сам Ламанский, ни его ученик и верный последователь, К.Я. Грот, посвятивший специальную работу истории населенному венграми

региону [9], не дают каких-либо пояснений, почему приверженные католицизму венгры отделяются ими от романо-германского мира и включаются в Средний мир. Пожалуй, в качестве единственного аргумента для включения венгров в греко-славянский мир выдвигался только географический фактор. Так, Грот писал: «Широкая среднедунайская низменность роднит и связывает эти земли с главным туловищем Среднего мира, с великой восточноевропейской равниной, а через нее и с среднеазиатской: она определяет их историческую судьбу и их роль по отношению к востоку и западу» [9. С. 76].

Грот, характеризуя особенности исследуемого региона, опирался на определение основного отличительного признака Среднего мира, данное Ламанским. Он отмечал, что «карпато-дунайские земли» – это «не европейский Запад и не славянский или азиатский Восток, а пестрая полоса соприкосновения, взаимного натиска, самозащиты и вечной борьбы друг другу чуждых и по существу враждебных стихий и сил на почве племенной, культурной и религиозной» [9. С. 72]. Единственным положительным фактором, который имел для славянского населения региона «погром мадьярский», было то, что он задержал «наступательное движение романо-германского мира в эту сторону» [9. С. 88]. В остальном отношении к Венгрии и венграм у славянофилов было всегда отрицательное. Особенно в негативной характеристике венгров отличился Грот, который полагал, что венгры сохранили «еще много азиатского в своей природе» [9. С. 80], не доросли «до исторической культурности», сохранили «инстинкты азиатской дикости и исключительности» и «по натуре» склонны «к фанатизму, самомнению и кичливости» [9. С. 115].

Идеальным решением было бы «ославянивание венгров», чему, по мнению того же Грота, помешала латынь, которая способствовала укреплению «западных германских влияний и римской церкви», а католическая церковь и латынь способствовали «сохранению мадьярами своей народности» [10. С. 39].

Размышляя о месте России в мировой политике, Ламанский естественно отмечал, что «влиятельное участие России» в крупных исторических событиях XIX в. «слишком известно», и ей «в нашем греко-славянском мире принадлежит освобождение двух единоверных и двух единоплеменных России народов и образование пяти государств, из коих одно не вполне независимое (Болгария), королевств: греческого, румынского, сербского, княжеств: черногорского и болгарского» [4. С. 85]. Но далее Ламанский обращал внимание на то, что «несколько бессознательное» влияние России было, по его мнению, оказано и «на выделение в 1867 году Венгрии с Хорватией и Славонией почти в самостоятельное государство» [4. С. 85]. Ламанский даже высказывался и более определенно: «Невозможно отрицать значительной доли влияния России на образование нынешней венгерской самостоятельности» [4. С. 87]. Но венгры «не оправдали» надежд славян, «не высказали достаточного политического смысла». Они возбудили «против себя всеобщее недовольство, вражду в румынском, славянском и немецком населении Венгрии. Раздраженные, сплываемые гнетом мадьярского шовинизма, ее народности уже начинают обращаться к королю-императору с ходатайствами о высочайшей защите их от мадьяр» [4. С. 87]. Грот же считал идею «создания самостоятельной “Мадьярии”» пагубной [9. С. 128].

Однако, несмотря на подобный взгляд, Ламанский не просто относил венгров наравне с другими неславянскими православными и разноконфессиональными

народами к Среднему миру. Он утверждал: «Пусть славянство в нашем мире преобладает, но оно само распадается на несколько разновидностей, исчезновение их отнюдь нежелательно; в нашем мире имеют свое определенное место, свое призвание и разные другие племена и народности, как греки, албанцы, румыны, мадьяры [...], их сохранение и развитие в их собственных пределах точно также — дело желательное, необходимое» [4. С. 89].

Таким образом, Ламанский, включая в рамки Среднего мира народы, которые никак нельзя было причислить по этническим, конфессиональным и историко-культурным признакам к греко-славянскому миру, стремился доказать его внутреннее тесное единство.

Ученый отнюдь не ограничивался рассмотрением признаков, характерных для Среднего мира. Он предлагал читателю и свой взгляд на устройство и особенности романо-германского мира. Итак, что же представляла Европа, по его мнению, с точки зрения географической, этнической, конфессиональной и исторической?

Ламанский, «рассматривая внимательно карту восточного полушария» [4. С. 25], пришел к выводу, что западная часть континента представляет собой два полуострова. Далее он уточнял: «Два полуострова, Скандинавский и Немецко-Романский или Альпийский, с прилежащими к ним большими и малыми островами на севере и юге, при всем своем разнообразии, представляют довольно однородное целое, как бы особый мир, существенно отличный от мира собственно азиатского и так нами названного мира Среднего. Этот особый мир, по всей справедливости, может носить одно общее название западной или собственно Европы, или наконец романо-германского мира Старого Света» [4. С. 28]. Предлагал Ламанский и более дробное деление Европы на регионы. Он полагал, что «Европа так равномерно разнообразна, что довольно правильно может быть разделена на 6 почти равных между собою и самостоятельных частей: Великобритания (Англия с Шотландией и Ирландия), Франция, Испания, Скандинавия (Швеция, Норвегия, Дания), Германия и Италия» [4. С. 28–29]. О не попавших в это перечисление странах Ламанский несколько свысока заявлял: «Другие малые страны и государства, как Бельгия, Голландия, Швейцария, Португалия лишены, собственно говоря, географической, этнологической и историко-культурной самобытности и, подобно большим и малым европейским островам, Сицилии, Корсике, Сардинии, примыкают к которой-нибудь из этих больших 6 частей» [4. С. 29]. В подобном географическом характере Европы Ламанский усматривал ее отличие от греко-славянского мира. «В Среднем мире, — писал ученый, — нет вовсе той равномерности деления, как оказывается в 6 частях собственной Европы» [4. С. 46].

Далее Ламанский обращал внимание на этническое деление Европы, подчеркивая, что элементы «романский и германский, не настолько однако же смешались, чтобы совершенно слиться в однородное целое, и не настолько уже разобщены, чтобы не сходиться в множестве общих интересов и даже по частям стремиться к союзам и внешним соединениям» [4. С. 30].

Однако эти союзы не могут преодолеть глубокую этническую разделенность Старого Света. «Во все периоды европейской истории, от начала средних веков до новейшего времени, безостановочно развивается антагонизм двух главных элементов Европы, романского и германского, и двух представляемых ими

противных начал». И в результате «этот нескончаемый дуализм объясняет невозможность объединения Европы». [4. С. 30–31].

И в данном случае Ламанский в подтверждение своих выводов обращался к историческим аргументам, отсылая читателя к истории Европы средневековой и раннего нового времени. Он писал: «Долее держалось, и то отчасти, и более идеально, чем в действительности, культурное ее единство. Оно охранялось всеобщим господством римского католицизма и обязательным знакомством образованной части населения всех ее стран с языком латинским. Но с развитием отечественных языков и литератур, с восстановлением наук и особенно с реформацией, и этому культурному объединению Европы был нанесен смертельный удар» [4. С. 32].

Размышляя о современной политической жизни романо-германского мира, Ламанский утверждал, что отдельные регионы Европы склонны к еще большей разобщенности: «Все стремятся гораздо более к обособлению, чем к слиянию, и в природных условиях своих стран находят больше поддержек для партикуляризма, чем для единства». И при таких устремлениях «еще более труднее ожидать наклонности к объединению обеих половин Европы, романской и германской» [4. С. 31]. Ученый полагал, что рассмотренные им географический и этнический факторы являются определяющими для понимания особенностей развития романо-германского мира. Ламанский писал: «Только в расчлененности Европы на шесть почти равномерных и самостоятельных друг от друга частей и в господствующем в ее населении дуализме заключается истинная разгадка этой политической несоединимости Европы» [4. С. 32].

Подобному состоянию романо-германского мира Ламанский противопоставлял внутреннее устройство мира греко-славянского. И географический и этнический факторы различных регионов, объединенных в Средний мир, призваны, по Ламанскому, способствовать его сплочению. Так, для земель, расположенных на западных окраинах Среднего мира, характерны «громкая масса равнин и земель чисто материковых безо всяких почти морских берегов, горных ущелий и долин и затем ряд сравнительно небольших земель, каждая с своим самостоятельным характером, вследствие особенного разнообразия прорезающих их гор или окаймляющих их морских берегов» [4. С. 46]. И, как утверждал ученый, «в соответствии такому естественному сочетанию противоположностей и неравномерному распределению на самостоятельные части, сложилось и этнологическое и историко-культурное разнообразие Среднего мира. Своими особенностями оно столь же резко отличается от собственной Европы» [4. С. 46].

К важным отличительным особенностям греко-славянского мира Ламанский относил «два характерных этнографических явления». Он считал, что это «во-первых, множество и разнообразие инородческих элементов, входящих в состав греко-славянского мира, чего вовсе не замечается в историческое время в романо-германской Европе, [...] и во-вторых, крайняя неравномерность естественных составных частей, на которые распадается, в совершенную противоположность западу, господствующая племенная стихия на нашем востоке» [4. С. 65].

Ламанский констатировал, что «во всем этом племенном и культурном разнообразии выделяется резко и решительно один вид» – славяне [4. С. 46].

И, в отличие от внутреннего соперничества романцев и германцев в Европе, «совершенно иные отношения замечаются внутри славянского племени, которое одно составляет решительно преобладающий и господствующий этнический элемент в мире греко-славянском» [4. С. 65]. И вывод очевиден: «Русский народ и его язык преобладает численно, пространственно и духовно не только в племени славянском, но и целом греко-славянском мире» [4. С. 70].

Дабы завершить свой анализ принципиальных отличий внутреннего устройства мира греко-славянского от мира романо-германского, Ламанский представляет идиллическую картину: «Носитель начала общего и единства, славянство, особенно в лице русского народа, представляет собою как бы громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена нашего мира являются как бы его ветвями» [4. С. 71].

Итак, Ламанский подошел к изучению особенностей греко-славянского и романо-германского миров, к их внутреннему региональному делению, к уточнению границ, разделяющих эти миры, с готовой методологической концепцией, которая к концу XIX в. уже потеряла в профессиональной науке свою популярность и выглядела явно устаревшей. Анализируя материал, он встраивал его в заранее заданную схему. Выбрав несколько исследовательских приемов, он поочередно выдвигал на первый план то один, то другой, в зависимости от того, какой из них позволял уложить результаты анализа в схему. Такой подход позволял ученому утверждать не только традиционно заявляемое профессиональное отличие мира Европы и Среднего мира, но и принципиальное отличие внутренних взаимоотношений народов, населяющих оба мира, противопоставлять единое древо Среднего мира Европе, распадающейся на враждующие и внутренне не единые романский и германский миры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Робинсон М.А.* «Патриарх русского славяноведения» В.И. Ламанский: отношение к нему и его школе как отражение состояния славистики в России и Советском Союзе // *Lo sviluppo della slavistica negli imperi europei. Развитие славяноведения в европейских империях. Материалы Международной конференции Комиссии по Истории Славистики при МКС (Verona 16–17 ottobre 2007). Milano, 2008.*
2. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883.
3. Санкт Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 35. Оп. 1. Д. 629.
4. *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.
5. *Робинсон М.А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX – начала XX веков. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1986.
6. *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.
7. Переписка двух славянофилов И.С. Аксакова и В.И. Ламанского (сообщила О.В. Покровская-Ламанская) // *Русская мысль.* 1916. Кн. 12.
8. *Флоринский Т.Д.* Славяноведение. Киев, 1911.
9. *Грот К.Я.* Карпато-дунайские земли в судьбах славянства и русских исторических изучениях // *Новый сборник статей по славяноведению / Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского.* СПб., 1905.
10. *Грот К.Я.* А.Н. Ясинский. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.). Киев, 1899.

МИФЫ ОБ «ИСПОРЧЕННОМ ЗАПАДЕ» И «ДУХОВНОЙ ЧИСТОТЕ СЛАВЯНСТВА» В СЛОВАЦКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

© 2019 г. Л. Матейко

PhD, доцент Университета Коменского в Братиславе

E-mail: lubor.matejko@gmail.com

В статье рассматривается динамика восприятия славянских и неславянских литератур в словацкой среде, роль мифов об «испорченности Запада» и «духовной чистоте Славянства» в переводческой и издательской деятельности в XIX–XXI вв. Приводятся цитаты словацких славистов и статистические данные об изданиях словацких переводов с различных европейских языков в XIX–XXI вв. Особое внимание уделяется анализу тенденций в переводах произведений русской литературы.

The article deals with the dynamics of the perception of Slavic and non-Slavic literatures in Slovak milieu, the role of myths about the «depravity of the West» and the «spiritual purity of the Slavs» in translation and publishing from the nineteenth to the twenty-first centuries. Quotations from the Slovak Slavists and statistical data on the publication of Slovak translations from various European languages in the period under scrutiny are presented. Particular attention is paid to the analysis of trends in translation of works by Russian writers.

Ключевые слова: славяноведение, история перевода, словацкая литература, мифы об «испорченном Западе» и «духовной чистоте Славянства».

Keywords: Slavic studies, translation studies, Slovak literature, myths of the «depravity of the West» and the «spiritual purity of the Slavs»

DOI: 10.31857/S0869544X0004725-0

Корни представлений об упадническом и испорченном Западе в словацком литературном дискурсе обычно ассоциируются с «литературным» консерватизмом Яна Коллара, а именно с его отрицанием Байрона и идейных принципов западноевропейского романтизма. В данной связи принято цитировать трактат Коллара «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими», в котором он пишет, что «байронизм есть лихорадочный бред и отупление естественных чувств, отсутствие добродетели» и «роскошь бытия в чувственно-духовном исступлении» [1. S. 148].

В неприятии Колларом Байрона можно видеть и нечто большее. Несомненно, при написании «Дочери Славы» Коллар вдохновлялся, как минимум,

композиционным приемом странствия, который использовал Байрон в «Чайлд Гарольде» [2. S. 184], но не меньшее значение имеет и вдохновение идейным планом поэмы Байрона. В «поэтическом путеводителе» Байрон воспевал красоты Португалии, выражал симпатии испанцам, скорбел над поработанной Грецией, бросал взгляд на живописную долину Рейна, Альпы, прославлял города Италии и величественную историю этой страны..., а славяне оставались обойденными стороной. Не удивляет, что Коллар почувствовал потребность дополнить то, чего не хватало в «Чайлд Гарольде», доказать, что и «варварскому» Востоку есть что показать и, таким образом, исправить «несправедливость». Свою «миссию» прославить славян в качестве народа, имеющего такую же великую историю, как и прославленная Италия, Коллар завершил в произведении «Староиталия славянская» («Staroitalie slavjanská»), в котором он предьявил «открытия и доказательства славянских элементов в географии, истории и мифологии особенно в речи и в литературе древних итальянских и соседних племен, из коих следует, что среди первых поселенцев и жителей этой страны славяне многочисленнее многих были». Далее в введении он писал, что «наступают уже времена, когда не будет стыдно за принадлежность свою к славянам и в прошлом, и в будущем [...]». Европа! Сказать позволю тебе: открой глаза, взгляни на славянство, верь, что не будет твоя история полной и правдивой, пока ты этого не сделаешь!» [3. S. IX]¹.

Штур лишь следовал за Колларом, когда он принципиально отверг поэзию Байрона, которая была для него апофеозом «упрямства, подходящая для людей, разочарованных в себе, людей странных и отчаянных, но не для тех, для кого звезды светятся ярче». Согласно Штуру, «Байрона не заботят моральные идеи, не нужны ему человеческие стремления [...], ему необходимо блеснуть чем-то новым и необычным, и поэтому везде и всегда ему нужно представить деяния и победу духа в самых необычных, выдуманных, странных и противостественных положениях [4. S. 293].

Что же было сущностью возражений Штура по отношению к западноевропейскому романтизму? Ответ дал сам Штур в сочинении «О народных песнях и повестях племен славянских», где он описал романтическую поэзию как упадническую и объяснил свое отношение на примере «Фауста» Гете следующим образом: «Упадок этот виден в самом продуманном произведении Гете, в его Фаусте [...]. Как Фауст [...] из тяжелейшего напряжения и стремления проникнуть в непостижимую бесконечность впадает в болото чувственности и роскоши и думает, что он уже нашел истинный путь. Современное искусство этого мира несет на себе явные и очевидные знаки этого упадка и испорченности» [5. S. 17].

«Болото чувственности и роскоши», признаки упадка и испорченности Запада еще ярче выразил К. Кузmani во вступительном слове к изданию трактата Коллара «О литературной взаимности» в журнале «Hronka»: «Если славяне привыкнут к славянским литературам, они перестанут читать французские и немецкие книги и отвернутся от книг, которые портят нравы и которых за границей становится все больше и больше» [6. 1836. Ч. 1. Т. 2]. В этих словах чувствуется недоверие и антипатия по отношению ко всему иностранному и «современному», типичные для патриархального уклада общества, живущего на периферии и почти незатронутого последствиями промышленной

---

¹ Похожее желание показать «забытую» славу и заслуги славян в Европе усматривается уже в первых сочинениях представителей хорватского славизма эпохи Ренессанса и Барокко.

революции как в техническом, социальном, политическом, так и культурном измерении.

Отрицание Байрона, Гете и «их» романтизма – это лишь один из элементов в общей картине консерватизма Коллара и Штура. Более комплексно он прослеживается в последнем сочинении Штура «Славянство и мир будущего [7]. Тут рассуждения Штура вышли далеко за границы литературы, как подсказывает уже эмоциональное обращение к читателю в самом начале произведения: «Выслушайте эти речи, их цель – взаимное соглашение между всеми нами, Братья. Выслушайте их вы, Братья, пространного могучего Северо-Востока и порабоженного Юга и вы, Западные Братья, состоящие в удручающем услужении чужеземцам»² [7. S. 15]. В следующем абзаце он описывает неблагоприятное положение славян и перечисляет всех исторических врагов, несущих ответственность за это положение: «В самом деле, раздирает душу зрелище, представляемое народом, самым многочисленным в Европе, разделенным [...]. Там он томится под игом турков, здесь веками служит немцам, прежде Священной Римской империи, теперь – австрийцам, пруссакам и саксонцам; там он поглощается и порабощается итальянской, здесь мадьярской стихией [...]. Жалко видеть, как значительная часть этого народа на берегах Лабы и Одры, по берегам Поморья Балтийского уже вся вымерла под тяжелым игом немцев, на севере от Италии перешла в чужую народность, а в Турции отпала от веры своих отцов и стала главной опорой угнетателей своей родины» [7. S. 16–17]. В другом месте Штур повторил эту же мысль с удвоенной силой: «Это те, кто, в упоении одержанной над нами победой, навлекли на наши головы самое плохое, самое презрительное, самое непереносимое, через наши головы прокатились, уготовили многим племенам медленную мучительную смерть, вторглись в наши священные храмы, общины и семьи, разоряя и разрушая их, растоптали наши обычаи, осыпая нас бранью и проклятиями. Они были и есть наши угнетатели, и пусть они поймут, что наши племена, с совсем другими убеждениями, чем были их, отплатят им за это» [7. S. 147].

На противоположном полюсе находится избыточное положительными оценками представление о русском народе. В его изображении читатель находит не общество во всей сложности социальных отношений, а «братьев на могущественном Северо-Востоке». Штур никогда не был в России и не видел массу необразованных, лишенных свободы крепостных. В его глазах русские – это «народ, в душе которого глубоко укоренилось уважение к правам каждой личности, который, по первоначальному своему воззрению, признает общую равноправность, сердце которого исполнено безграничной любви к людям, который обладает глубокой способностью самоуправления, такой народ может быть только прямым, добрым, честным народом» [7. S. 146–147].

Если оценивать Штура как историка, то в его труде можно увидеть в целом трезвую характеристику движения европейской истории к Реформации, его общая оценка Нового времени свидетельствует о широком кругозоре. Однако, ход истории Штур не рассматривает как причинно-следственную цепь событий и явлений в развитии общества, а лишь как их смесь, которую необходимо

---

² Русский перевод цитат из трактата Л. Штура здесь и далее дается, как правило, по изданию В.И. Ламанского 1867 г., за исключением тех мест, которые в издании отсутствуют. Все цитаты были сверены с немецким оригиналом. В случаях отсутствия перевода у Ламанского дается мой перевод с немецкого оригинала.

подвергнуть критике как одно целое³. Он не искал причины критикуемых им явлений, не приписывал ответственность за эти явления существующему общественно-политическому строю, не стремился изменить систему, как этого желали его либеральные сверстники. Наоборот, он объявил себя монархистом, лояльным по отношению к Габсбургам⁴ и восторженно отзывался о Романовых, причем его оценка ситуации в Российской империи содержит значительную долю политической наивности⁵.

Штур высказал интересные исторические наблюдения, которые можно отнести к области культурной антропологии, например, когда он писал о деградации морали в обществах, побежденных и находящихся под гнетом победителей. [7. S. 147–148]. С другой стороны, примечательна его готовность рассматривать ту или иную историческую ситуацию аисторически. Языковую и культурную дифференциацию славянских этносов Штур воспринимал фаталистически и «плакал» над «разобщенностью» славян [7. S. 16–17], как будто он не был в состоянии понять ее в контексте распада индоевропейского праединства как часть исторически необратимого процесса дивергенции, хотя он сам в другой работе об этом же процессе писал: «Народы индоевропейские, из которых славянин – брат самый младший» [5].

Итак, отношение Штура характеризуется тем же самым консерватизмом сельской среды и культурной периферии, о котором шла речь в связи с Кузмени. Штур отвергал технологический прогресс и связанные с ним социальные последствия промышленной революции, с негодованием отзывался о тысячах обанкротившихся ремесленниках, урбанизации и постепенном умирании крестьянства и возникновении нового социального слоя – рабочего класса, массы которого бедствуют в городах. Он совершенно ясно декларировал отвращение к свободе и демократии в ее западноевропейском подобии [7. S. 30–31].

На штуровской карте «испорченной Европы» больше всего критики досталось французам и Франции как рассаднику всяческих «новшеств»⁶. Менее критично Штур оценивает итальянцев, хотя им тоже вменяет ответственность за моральный маразм, в котором они сами пребывают [7. S. 106–107]. Штур

---

³ «Бросим взгляд на Запад Европы [...] В продолжение многих столетий, преимущественно со времен Реформации, мы видим одно стремление во всех движениях, как ею вызванных, так и с нею связанных или, наконец, параллельных ей политических явлений, мы видим одно неудержимое стремление к освобождению и уравниванию человека с человеком; мы слышим непрерывный крик: «Свобода, равенство, братство!» Во всех этих движениях народы стремятся к освобождению от неограниченной власти Церкви, от Государственного самовластия (абсолютизма), от сословного притеснения, от родовой, и так называемой, денежной аристократии, вообще от всевозможного гнета и насилия» [7. S. 50].

⁴ «Славянство и мир будущего» писалось Штуром и как защита его действий в 1848/1849 гг., поэтому он объясняет выступление словацких добровольцев не политическим расчетом или ненавистью к работодателям, а именно лояльностью к монархии: «Поднялись славяне в последние смуты на защиту всеми оставленной в самой себе отчаявшейся Австрии. Но славянские племена в Австрии скорее взяли за оружие, чтобы освободить австрийского государя от грозившей опасности». [7. S. 149].

⁵ «В России народ привязан к своему царю, государю, с бесконечно любовью и воодушевлением, высказывает ему всяческое уважение и почет, и да сохраняются они всегда с той же искренностью и свежестью! Народ повинуется царям с радостью в убеждении, что его цари не могут ему желать ничего злого, с готовностью приносят ему величайшие жертвы, но во всем этом ни один разумный человек не приметил ни одной черты холопства. Как бы иначе достигли цари этой высоты могущества, как могли бы возвести такое величественное здание из разрозненного, если бы русский народ не составлял с ними единой души и тела? [7. S. 149].

⁶ «[Французы] легкомысленный, своенравный, легко подверженный внешнему влиянию народ, эти впечатления все же более поверхностны, чтобы оставить какое-либо впечатление в их душе. Их природой определяемый способ поведения находим во всей их истории» [7. S. 99–100].

однозначно отвергал материализм, капитализм, либерализм и коммунизм, так как все они плодят именно те пороки, которые осуждал Коллар и поколение самого Штура в поэзии западноевропейского романтизма⁷. Таким образом, отношение к литературе, к общественным вопросам и к политике сливается в одно целое. Понятно, что такая позиция не могла не сказаться и на представлениях Штура о «своей» литературе и ее соотношении с «чужими» литературами.

Факт, что переводы Мольера, Фенелона, Руссо, Расина и Вольтера на словацкий язык появились лишь в сороковых годах XIX в. [2. С. 185–186], т.е. в эпоху, когда в самой Франции классицизм и просвещение давно вышли из моды, можно объяснить разницей «цивилизационного времени», в котором находились словацкий и французский читатель периода романтизма, т.е. некоторой неподготовленностью словацкого читателя и словацкого общества к восприятию самых современных литературных трендов. Однако свою роль тут очевидно сыграл и консерватизм колларовско-штуровской «нормы».

С точки зрения представлений о «чужой» литературе наиболее надежные данные предоставляет корпус переводов. Именно этот корпус можно считать в определенном смысле лакмусовой бумажкой, показывающей уровень доверия или недоверия к «чужому» миру. Следовательно, если Байрон, Гете и Шиллер не соответствовали «норме», освященной корифеями, и словацкие переводчики и издатели их обходили стороной, в среде тех читателей, которые ограничивались лишь чтением изданий на словацком языке, идеологические шоры на глазах соиздателей словацкого литературного канона функционировали вместе с официальной цензурой как очередная «ступень фильтрации» представлений о европейской литературе и Европе вообще.

Небезынтересно, что, вопреки декларируемой необходимости знакомства со славянскими литературами, идеологические шоры коснулись и русской литературы, России и русских. Словацкий читатель очень долго не мог прочитать на родном языке не только Байрона и Гете, но даже и Пушкина: первое произведение Пушкина, переведенное на словацкий язык, вышло в свет только в 1838 г., а до 1850 г. было издано всего лишь пять (!) переводов, опубликованных в журналах. Словацкий читатель, скованный мифом о «духовной чистоте славянства», открыл для себя Пушкина собственно только в конце XIX в., когда за пять лет вышло двадцать переводов его произведений. Пушкин был просто причислен к «опасным» романтикам, и, в отличие, например, от Хомякова, он не был достаточно «славянским». В 1851–1870 гг. соотношение переводов произведений Пушкина и Хомякова было 5 к 13 [8. С. 23].

О том, что идеологические шоры и самоцензура при переводе и издании переводной литературы с русского функционировали до рубежа XIX–XX вв., свидетельствует, например, «признание» Светозара Гурбана-Ваянского в газете «*Národné noviny*». В 1888 г. в статье о Толстом и Тургеневе он писал, что

⁷ «Итак, высшая идея, к которой приходит коммунистическое государство, или, лучше сказать, коммунистическая система, есть пропитание, насущный хлеб. Под этим предлогом наделяя каждого своим правом, столь желанною свободой и равенством, вознаграждая труд каждого и при этом полагая побудительною причиною и исходною точкою всех действий одно только тело, его потребности, его наслаждения, она освобождает тело и в других отношениях, уничтожает так называемое принуждение и дает полную волю всем страстям. Она эмансипирует женщину соответственно с понятием о равенстве, разрушает семью, уничтожает домашний очаг, и таким образом дает широкий простор безнравственности, распутству, невоздержанности. Она разрывает все союзы человеческого общества и ставит на место этих священных уз себялюбие, прихоть и т.п., вновь превращая человечество в животное состояние» [7. С. 78].

словацкое общество еще недостаточно созрело, чтобы правильно понять беспощадную правдивость русской литературы в изображении немилосерднейших вещей, и выразил опасения, что такая «свобода литературы» могла в Словакии только повредить. В статье 1908 г., посвященной творчеству Л. Н. Толстого, тот же Ваянский одобрительно высказывался об «Анне Карениной», но о романе «Воскресение» он писал, что «не удался роман у великого старца», потому что из него проистекает, что в России во «всей ее судебной и административной сфере не нашлось ни одной честной души» [8. S. 31]. Ваянскому, очевидно, были глубоко не по душе критические воззрения Толстого на положение в России, которые могли бы разрушить миф о «духовной чистоте славянства».

Естественно, идеологические шоры и самоцензура не касались лишь Пушкина или Толстого. В библиографиях за 1825–1900 гг. можно найти 865 переводов произведений русских авторов на словацкий язык, опубликованных в книгах и журналах. Вершину «рейтинга» безраздельно занимает Толстой (88 переводов), за ним следует Тургенев (60), и только затем идут Пушкин (51) и Чехов (45), с которым, кстати, по популярности соперничает Хомяков (40). Косерватизм корпуса переводной литературы наглядно показывает соотношение переводов Крылова и Гоголя – 32:26. И никак, кроме как полным «провалом», нельзя назвать количество переводов Достоевского (17) и Лермонтова (11)⁸. Если иметь в виду, что о популярности Достоевского как писателя сообщил словацкому читателю журнал «Orol Tatranský» уже в 1847 г., то не может не поражать тот факт, что первый перевод вышел лишь в 1881 г. в журнале «Slovenské pohľady» [8. S. 21].

Определенные нарушения колларовско-штуровского канона появляются только на рубеже XIX–XX вв. Из библиографий за период с 1901 по 1918 г. следует, что «рейтинг» писателей изменился, и словацкие любители русской литературы наконец-таки открыли для себя Чехова: Толстой (113 переводов) и Тургенев (47 переводов) явно отстают от Чехова с 294 переводами [8. S. 33]. Правда, с успехом Чехова все не так просто, как показывает дневник хранителя «нормы», С. Ваянского. Получив в 1905 г. перевод повести «Мужики», он для себя отметил: «Это уже просто сухая клевета, самобичевание, тенденциозная декаденция [9. S. 236]. Однако времена изменились, и Й. Шкультеты, редактор журнала «Slovenské pohľady», перевод, несмотря на мнение Ваянского, издал.

На плачевное состояние словацкой литературы на пороге XX в. в целом указывает и тот факт, что в период с 1901 по 1918 г. было опубликовано около 160 книжных переводов произведений художественной литературы на словацкий язык, из них по 39 наименований принадлежало немецким и венгерским авторам, 36 – русским, 23 – польским и 22 – чешским. Некоторую географическую ограниченность представлений рядового словацкого читателя о европейской литературе в определенной мере корректируют данные о переводных сочинениях, вышедших в свет в газетах и журналах. Их количество в сравнении с книжными изданиями на порядок выше, и кроме того, на высших ступенях журнального «рейтинга» оказались также и произведения французских авторов: с венгерского было переведено и опубликовано 1165 наименований, с русского – 899, с французского – 570, с чешского – 527, с немецкого – 390, с польского – 265 [8. S. 40].

В новых условиях после 1918 г. представления о европейской литературе в среде читателей, ограничивавшихся лишь изданиями на словацком

⁸ Обобщение данных о числе переводов см. [8. S. 38–39].

языке, стали существенно более дифференцированными как с точки зрения регионального распределения, так и с точки зрения эстетического и идейного плюрализма.

Культурный дефицит интенсивно восполнялся, количество переводов отчетливо росло, доминировали при этом произведения западноевропейской литературы. Появилось много переводов произведений французских писателей: А. Дюма, В. Гюго, Г. Флобера, А. Франса, Ж. Санд, А. Жида. Заметный сдвиг наблюдался также в переводах английской и американской литературы (В. Шекспир, Ч. Диккенс, О. Уайлд, Д. Лондон, М. Твен, Р. Киплинг, Э. По, Перл Бак, Ф. Купер). Естественным образом заполнялась лакуна немецкой литературы (Й.Ф. Гете, Т. Манн), размах и широта проявились в переводах испанской и латиноамериканской литературы (М. де Унамуно), в большом количестве выходили переводы итальянских писателей (за два десятилетия вышло более двухсот журнальных и книжных изданий, среди которых такие авторы, как А. Виванти, Х. Негри, А. Панцини, Р. Бракко, но также и Данте, Э. Де Амичис, Г. Д'Аннунцио [10. S. 21–22]).

После 1939 г., в духе идеологии национализма и строительства собственного государства, в официальной политике Словацкой республики делался упор на поддержку отечественной культуры. Тогдашнюю атмосферу хорошо иллюстрирует призыв главного редактора журнала «Slovenské pohľady» А. Мраза, который писал, что «наше отношение, наша преемственная связь с мировой литературой должны быть плодотворными [...], они не могут определяться дешевыми политическими лозунгами. На сегодняшний день мы можем с удовлетворением констатировать, что хотя наше вхождение в мировую литературу, принятие ее ценностей, не было ни систематичным, ни требовательным, в нас все-таки остаются следы осознания того факта (приобретенного в том числе и путем разочарования), что мы должны причисляться здравым образом к мировой литературе и ею же оплодотворять наше собственное художественное выражение и завоевания» [11. S. 514, 517].

Вопреки тому, что Словакия была союзником Германии и в стране правил авторитарный режим, издавались произведения авторов разнообразной идейной ориентации. Политическая и экономическая зависимость Словакии проявлялась скорее в том, что культурам и литературам стран – союзников Третьего рейха уделялось больше внимания – переводы с немецкого, итальянского, хорватского, румынского появлялись в большом количестве, но также выходили и переводы английских и французских писателей.

Самой переводимой из славянских литератур в межвоенный период была русская литература. Наряду с классиками переводились и современные авторы, причем писательский «рейтинг» практически не претерпел изменений: Толстой, Чехов, Тургенев, Гоголь, Пушкин, Достоевский. В журналах чаще всего печатали переводы Горького [12. S. 77]. Хотя литература русского авангарда в общем и целом воспринималась весьма положительно, Маяковский, тем не менее, занимал скромное место, гораздо больше появлялось переводов Блока, Есенина и русских символистов.

Переводы русских авторов продолжали выходить не только после 1939 г., а также после 1941 г., вопреки тому, что в Словакии, объявившей войну Советскому Союзу, развернулась военная пропаганда. С 1939 по 1945 г. вышло 69 книжных переводов с русского. [12. S. 73]. Среди них находились и главные романы Достоевского, в том числе «Братья Карамазовы». По

поводу отношения тогда словаков к русской литературе высказался литературный критик А. Матушка: «Пока другие русские писатели [...] давно нашли у нас свое место [...] Достоевский приходит к нам только после переворота⁹, и только в прошлом году появилось на словацком его главное произведение [...] роман “Братья Карамазовы”. Это опоздание не случайно, и его решительно нельзя объяснить простым недосмотром [...], если Достоевского обошли, то сделано это было сознательно и умышленно. Мы верили в Россию как в ничто другое, мы верили в нее, когда уже не верили ни во что другое и наша вера не вынесла бы писателя, который как никто другой показал не солнечную сторону России, не помещичью идиллию, не здоровье и уравновешенность, а неопределенность, распри грозных сил, рокот тьмы и гул. Гоголю повезло больше, его считали всего-то писателем-юмористом [...]. Почему Толстого переводили, а Достоевского нет? Не переводили самого толстовского Толстого, переводили скорее Толстого-идеолога, Толстого-пророка, мыслителя, религиозного философа» [13. С. 6].

Критическое замечание Матушки как самого авторитетного критика того времени можно считать переломным моментом в восприятии колларовско-штуровской «нормы». Мнение о ее вредности по отношению к русской литературе стало первым шагом на пути к осознанию отрицательного влияния мифов об «испорченности Запада» и «духовной чистоте славянства» на развитие словацкой культуры. Однако для осознания всей сложности проблемы по отношению к европейской литературе и к представлениям словацкого общества о Европе вообще время еще не созрело.

Тенденция к плюрализации образа европейских литератур в словацком обществе закончилась сразу после Второй мировой войны. Новую тенденцию декларировал уже выше цитируемый историк литературы А. Мраз. В небольшой брошюре, изданной Матицей словацкой под названием «Сегодняшнее состояние славянской взаимности», Мраз писал: «Мы знаем из прошлого, что мы много произносили речей о славянстве, но слова противоречили делам и знаниям...» [14. С. 23].

А. Мраз под впечатлением «боя славян против неметчины в последней войне» снова отметил необходимость для словаков ориентироваться на славянскую общность и подчеркнул их «славянские интересы», которым они, т.е. словаки, должны «подчиняться тяжелым трудом, упорной учебой, знанием трудностей, а не простым воспроизведением по памяти нескольких лозунгов». Затем Мраз наметил грандиозную программу прославянского просвещения в школах, в издательской деятельности, в журналистике и в науке. В данной связи он предложил создать особый институт, который бы занимался проблематикой славян и выделил особо, что «главное дело, чтобы новый орган научной работы о славянах с самого начала с широчайшим размахом и самым тщательнейшим способом мог решать свои задачи» [14. С. 23].

Слова Мраза служат хорошей иллюстрацией общей атмосферы в Словакии. В начале 1945 г. в Братиславе возникло «Всеславянское содружество», которое поставило задачей планомерное культивирование связей со славянскими народами, развитие взаимодействия между словаками и другими славянами. Первой манифестацией новой эры славянской взаимности в описанном духе прошел многолюдный праздник под названием «Всеславянский день», состоявшийся 5 июля 1945 г. на Девине. Восторженные сообщения словацкой печати

⁹ Имеется в виду крушение Австро-Венгерской империи.

об этих днях переполнены красивыми пропагандистскими фразами о братстве всех славянских народов и братском сотрудничестве на новой основе под руководством Советского Союза. Политическое закулирье этого мероприятия очевидно, да и сами авторы не стремились это скрыть. А. Мраз в вышеупомянутой брошюре открыто проявил симпатии к стране, в которой «русский народ, осуществляющий социализм в обществе, энергично справляется со всеми своими трудностями [...] и одновременно становится ведущим участником современных и будущих событий всего мира» [14. S. 23].

Начался своеобразный процесс аккультурации. Возник ряд научных и не очень учреждений и организаций, в которых «общность, братство и сотрудничество» со славянскими народами склонялись по всем падежам и при каждой возможности. Возникали десятки исследовательских проектов, русская тема присутствовала в каждом научном журнале, ей регулярно уделяли внимание также в печати, предназначенной для широкого круга читателей и даже стали выходить специальные журналы просветительского характера, такие, как «Čítanie o ZSSR» («Читаем об СССР») или «Poznávaj ZSSR» («Знакомься с СССР») и др.

Новая ситуация, естественно, сказалась и на литературном дискурсе. В 1940–1950-х годах вышло в свет несколько ключевых работ филологов и историков литературы, посвященных русской теме [15]. В корпусе переводов беллетристики стали отчетливо доминировать переводы русской литературы: в 1950 г. было издано 144 произведения русских авторов, 23 – французских, 21 – польских, 16 – англо-американских, 11 – венгерских и 8 – немецких. Гигантский перевес переводов с русского вместе с ограничениями разнообразия в эстетическом и идейном плане был результатом строгого отбора. Нельзя не заметить, что отбор коснулся также переводов русских авторов: среди них явно преобладают произведения «советские». Весьма действенно при этом использовались именно в словацком контексте хорошо известные и далеко не искорененные мифы об «испорченности Запада» и «духовной чистоте славянства». Правда, сами мифы подверглись определенным инновациям: вместо «испорченного» Запад становится «буржуазным», а вместо «духовно чистого» славянство стало «прогрессивным».

Цензура, имевшая в те или иные периоды разные формы институциализации, дает исключительно богатый материал для подробного исследования качества процесса советизации переводной литературы. Поскольку данный процесс был характерен для всех стран на восток от железного занавеса, сравнительное исследование дало бы возможность провести типологический анализ, релевантный и с точки зрения славистики. Естественно, если допущалось издание перевода «сомнительного» автора, то необходимы были цензурные «поправки». Примеров этому множество, начиная со стандартных переводческо-редакторских пререканий о том, может ли «Алиса в стране Чудес» молиться или нет и кончая «адаптацией» произведений методом вырезания фрагментов текста или же «адаптацией» образа творчества автора. Хорошо известно, что, например, писатель Сартр, как его себе представляли советские граждане по имеющимся в библиотеках русским переводам его произведений, диаметрально отличался от Сартра, известного во Франции. В этой связи

необходимо отметить, что «адаптации» подвергались и переводы произведений «братских и прогрессивных» литератур¹⁰.

Интересным указателем является тираж произведений: словацкие издания русских классиков печатались тиражами от трех до семи тыс. экземпляров (только Толстого, Достоевского и Чехова издавали в количестве 10 и более тыс. экземпляров), а, например, «Чапаев» Фурманова вышел в 1952 г. тиражом 32 тыс. экземпляров, «Жатва» Николаевой – тиражом 40 тыс. [16. S. 92]. Приведенные цифры свидетельствуют о попытке массовой советизации культуры с целью изменить при помощи литературы ценностные предпочтения словацкого общества и привить ему представления о мире, отвечающие сталинской версии «нового человека».

С изменением общей политической тенденции менялся и образ корпуса переводной литературы. В 1960-х годах, особенно в 1968–1969 гг., когда цензура была полностью отменена, наблюдается обратное стремление к возобновлению плюрализма в литературе. Хотя после 1971 г. поводья опять затянули, не все напечатанные книги были изъяты из обращения, «нормализация» коснулась лишь новых переводов [17]. Таким образом, хотя корпус переводной литературы вновь ограничивали идеологические шоры, по сравнению с предыдущим периодом он значительно расширился.

Показательно, что именно со временем оттепели 1968 г. связано возникновение первого критического обзора истории словацкого перевода. Его автор, корифей словацкой транслатологии, Й. Феликс, впервые в словацком литературном дискурсе сформулировал тезис о мифе «испорченного» Запада и губительных последствиях его воздействия на представления о «загранице» в словацком обществе. Хотя и с определенной стыдливостью, но все-таки достаточно ясно, он констатировал, что миф об «испорченном» Западе стал «определенным занавесом, который во времена распространения западноевропейских литератур, особенно французской литературы, не давал возможность понять настоящие идейные и художественные ценности и тем самым не дал возможности приблизиться к ним с переводческими замыслами. Миф о так называемом испорченном Западе прошел, конечно же, с разной интенсивностью, иногда не противореча самому себе, через весь XIX век и далее, до начала Первой мировой войны» [18. S. 86]. О том, насколько новаторской была в словацком контексте эта оценка, свидетельствует и тот факт, что ее до сих пор цитируют практически все итогово-обобщающие работы о словацких переводах иностранной литературы. Итак, наступил закат мифа об «испорченном Западе». После августовского вторжения войск Варшавского договора, когда «братские» и «прогрессивные» страны танками задушили «социализм с человеческим лицом», которым так были воодушевлены граждане Чехословакии, исчерпал себя и миф о «прогрессивном славянстве». Хотя и до того в Словакии уже далеко не все в него верили, военная агрессия показала лицо «распри грозных сил, рокот тьмы и гул» в своем истинном и совсем не литературном обличи.

---

¹⁰ Цензурные вмешательства обычно касались щекотливых тем, связанных с разными культурными традициями, например, в области религии. Курьезный случай, показывающий сопротивление процессу советизации в быту, можно найти в словацком переводе сказки Прокофьева «Петя и волк»: главный герой, которого в русском оригинале зовут «пионер Петя», выступает в переводе под именем «malý Peter», т.е. «маленький Петер». Произведение было переведено в 1960-е годы, и хотя пионеры были в тогдашней Словакии обычным явлением, в быту такое обращение – в отличие от СССР – не использовалось. Лексему «пионер» относили к официальному стилю и переводчица М. Разусова-Мартакова сочла, видимо, данный советизм неподходящим.

1990-е годы принесли три важных сдвига в практике словацких переводов: резкое падение доли русской литературы и заметный скачок доли американской и британской литератур [19. S. 84]. Однако в первом десятилетии XXI в. видны дальнейшие изменения, динамику которых показывает таблица 1. В ней приводится абсолютное число книжных переводов из отдельных литератур и (в скобках) их процентная доля в общем корпусе переводов, включающем данные по двадцати двум национальным литературам и представляющем собой практически всю словацкую переводную беллетристику [20–21].

Табл. 1

Год	Американская литература	Британская литература	Немецкая и австрийская литература	Французская литература	Русская литература
2000	175 (57,2)	58 (19)	32 (10,5)	26 (8,5)	3 (1)
2001	160 (48,9)	66 (20,2)	39 (12)	31 (9,5)	9 (2,8)
2002	139 (50,7)	53 (19,3)	27 (9,9)	25 (9,1)	17 (6,2)
2003	138 (45)	63 (20,5)	39 (12,7)	26 (8,5)	13 (4,2)
2004	112 (40,7)	77 (28)	31 (11,3)	24 (8,7)	10 (3,6)
2005	150 (45,6)	73 (22,2)	42 (12,8)	26 (7,9)	26 (7,9)
2006	119 (37,8)	88 (28)	44 (14)	28 (8,9)	19 (6)
2007	113 (34,6)	103(31,5)	48 (14,7)	27 (8,3)	19 (5,8)
2008	141 (38,8)	99 (27,3)	53 (14,6)	24 (6,6)	13 (3,58)
2009	150 (41,7)	98 (27,2)	56 (15,6)	22 (6,1)	9 (2,5)
Итого	1397 (43,9)	778 (24,4)	411 (12,9)	259 (8,1)	127 (4)

Итак, после 1989 г. переводная литература в Словакии оказалась в ситуации, которую можно назвать естественной. Ее развитие проходит спонтанно в условиях свободы творчества и свободного книжного рынка. Сигналом преодоления влияния мифов можно считать прежде всего динамичные изменения в пользу той или иной литературы, которые убедительно показывают отсутствие одностороннего идеологического воздействия. На выбор произведений для перевода и публикации в большей степени влияют коммерческие факторы, так что причины колебаний числа переводов из литератур, принадлежащих традиционно к ведущим, коренятся, по видимому, не столько на факторах, связанных с внутренним литературным процессом, сколько на факторах международного характера и на успехе той или иной книги на европейском книжном рынке. Следует отметить, что влияние рыночного спроса отнюдь не значит исчезновение переводов из «малых» литератур. Наоборот, их заметное присутствие показывает, что представления словацкого читателя о европейских (и шире, иностранных) литературах достигает небывалого разнообразия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. O literárnej vzájomnosti / Preložil, štúdiu a poznámky napísal K. Rosenbaum. Bratislava, 1954.
2. *Vojtech M.* Slovenská literatúra národného obrodzenia a európsky literárny kontext. // Česko-slovenské vzťahy: Evropa a svet. Brno, 2004.
3. *Kollár J.* Staroitalia slavjanská, kde predložil objavy a dôkazy živlů slavských v zeměpisu, v dějinách a v bájesloví svláště v řeči a v literaturě nejdávnějších vlaských a sousedních kmenů, z kterých

zřejmo, že mezi prvotními osadníky a obyvateli této krajiny i Slavjané nad jiné četnější byli. Sepsal Jan Kollár. Ve Vídni, 1853.

4. *Felix J.* Literárne križovatky. Bratislava, 1991.
5. *Štúr L.* O národních písničkách a pověstech plemen slovanských. Praha, 1853.
6. Hronka.
7. *Štúr L.* Das Slawenthum und die Welt der Zukunft. Slovanstvo a svět budoucnosti / Na základě německého rukopisu vydal v původním znění, s kritickými poznámkami a úvodem J. Jirásek. Bratislava, 1931.
8. *Lesňáková S.* Na počiatku bolo Slovo (1825–1918) // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015. Bratislava, 2017.
9. *Petrus P.* Vacovský denník S.H. Vajanského // Slovenská literatúra. 1962. № 2.
10. *Bednářová K.* Rukoväť dejín prekladu na slovensku Slovensku II. (Situácia slovenského umeleckého prekladu v 20. storočí). Bratislava, 2015.
11. *Mráz A.* Slovensko a jeho život literárny // Slovenské pohľady. 1938. № 10.
12. *Tesařová J.* Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015. Bratislava, 2017.
13. *Matuška A.* Niekoľko slov o Dostojevskom // Živena. 1943. № 1.
14. *Mráz A.* Dnešný stav slovanskej vzájomnosti. Martin, 1945.
15. *Mráz A.* Ruské momenty v diele Jána Kollára. Liptovský Sv. Mikuláš, 1946; *Brtáň R.* Puškin v slovenskej literatúre. Martin, 1946; *Brtáň R.* Slováci a Sreznevskij // Slovanský sborník MS. I., 1947; *Mráz A.* Z ruskej literatúry a jej ohlasov u Slovákov. Bratislava, 1955; *Stanislav, J.* Z rusko-slovenských kultúrnych stykov v časoch Jána Hollého a Ľudovíta Štúra. Bratislava, 1957.
16. *Pašteková S.* Transformácie obrazu ruskej literatúry (1945–1970) // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015. Bratislava, 2017.
17. *Maliti E.* Zrkadlenie v priestore a čase – sovietsky mnoholiterárny fenomén (1971–1990) // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1825–2015. Bratislava, 2017.
18. *Felix J.* Slovenský preklad v perspektíve histórie a dneška I, II // Romboid. № 2, 5–6.
19. *Eliáš A.* Podoby prekladovej produkcie umeleckej literatúry na Slovensku v rokoch 1990–1998 // Slovakistika v české slavistice. Brno, 1999.
20. *Eliáš A.* Рецепция русской литературы в Словакии в последнем десятилетии XX в. и первом десятилетии XXI в. // Вестник 28. Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Budapest, 2014.
21. *Eliáš A.* Vývoj slovenského chápania stredo európskej kultúrnej súnaľezitosti na začiatku 21. storočia z hľadiska prekladovej recepcie inonárodných literatúr // Střední Evropa včera a dneš. Proměny koncepcí. Brno, 2015.

ИТАЛИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЛАВИСТОВ XIX ВЕКА

© 2019 г. Стефано Алоэ

PhDr., профессор славистики Университета Вероны

E-mail: stefano.aloe@univr.it

Изучение Италии не относилось к первоочередным задачам славистики XIX в.: молодой в ту пору научной дисциплине хватало более насущных тем и вопросов. Но уже первое поколение славистов осознало потенциальное значение Италии для исследований, а второе и третье поколения стали уделять все большее внимание некоторым особенностям истории и культуры полуострова. В статье рассматриваются основные причины этого интереса и наиболее показательные эпизоды из истории славистики XIX в., связанные с Италией.

In the first half of the nineteenth century, in the newborn Slavic studies, a plenty of issues were on the table, raising a large number of basic questions. Italy, in its connections with the Slavic world, did not seem to represent a major topic of research. Nevertheless, the first generation of Slavist scholars soon realised the potential significance of Italy in the discipline, and the second and third generation already devoted more attention to the relationships between Slavic and Italian history and culture. This article examines the main reasons behind this commitment and some paradigmatic episodes in the nineteenth century history of Slavistics connected to Italy.

Ключевые слова: История славистики XIX в., славяне и Италия, славистические командировки, Копитар, Срезневский, Макушев, Бодуэн де Куртене.

Keywords: History of Slavistics in the nineteenth century, Slavs and Italy, Slavistic journeys, Kopitar, Sreznevsky, Makushev, Baudoin de Courtenay.

DOI: 10.31857/S0869544X0004726-1

Жители славянских селений в южной
Италии (Аквививы и Сантофеличе)
на вопрос наш: «Как обращаются
с ними италианы», отвечали:
“Власи су добра челедь” [1. С. 84].

Италия, которой не было

Рассуждая о значении Италии для первых поколений славистов нужно взглянуть на ситуацию их глазами. Тогда очевидным станет факт, что мы говорим о том, чего в то время не было. Италия на карте Европы до 1861 г. не

существовала. Но было бы ошибкой считать, что отсутствие такого государства помешало славистам составить представление об Италии: необходимо различать Италию — геополитический субъект, сформировавшийся в результате волны национальных войн, и Италию как историко-геокультурный ареал [2]. Европейские путешественники XVIII и XIX вв., в том числе и слависты, планируя в своих маршрутах посещение Милана, Венеции, Флоренции, Рима, Неаполя, неизменно воспринимали эти города как «итальянские», не придавая особенного значения их принадлежности разным государствам. Политическая раздробленность Апеннинского полуострова никогда не мешала воспринимать его — извне и изнутри — как целостность, в основе которой — культура, искусство, развитый литературный язык, способный объединять жителей всех областей, несмотря на сложную мозаику говоров и диалектов. Престиж итальянского языка и связанных с ним культуры и искусства мог веками оставаться неизменным. Влияние итальянского языка и культуры обнаруживалось и за пределами полуострова, ареалом их распространения были земли Восточной Адриатики, долго входившие в состав Венецианской республики.

Исследуя представления славистов XIX в. об Италии, необходимо учитывать, что она для них — не политическое понятие, а страна в неопределенно-идеальном смысле, не имеющая четких границ. В то же время отдельные государства (Ватикан, Венецианская республика, существовавшая до 1797 г., Неаполитанское королевство и др.) могли особо интересовать славистов. Важно отметить, что значительная часть территорий, которые для них ассоциировались с итальянским языком и культурой, одновременно входила и в другое понятие негосударственного плана — «славянский мир»: это Далмация, Истрия, часть Фриули с Резьянской долиной, Котор.

Тема Италии в представлениях славистов переплетается с другим лейтмотивом истории славистики — диалектикой империй и наций [3–6]. Именно геополитическая система империй, пережившая свою последнюю и самую бурную фазу в период, который начинается поражением Наполеона и завершается Первой мировой войной, была мерилom представлений об Италии и о славянском мире для первых поколений славистов. С одной стороны, в рамках империй ни Италия, ни славянский мир не имели политического статуса. С другой стороны, формирование национальных движений, подрывавших изнутри империи, не могло не привести к ангажированности славистики, для которой тогдашний культурно-языковой атлас Европы смещался из нейтральной области академических интересов в плоскость идеологии. Влияние конкурирующих концепций славянского единства — австрославизма, панславизма, иллиризма — самое яркое проявление этой тенденции развития славистики XIX в.

С позиции национализма политическое объединение субъектов, характеризующихся яркой историко-культурной идентичностью, в частности Италии, воспринималось как «историческая судьба». В этой логике часть славянского мира симпатизировала итальянским патриотам (известно обоюдное притяжение итальянцев и поляков в период Рисорджименто). Одновременно по той же причине идея итальянской нации находилась в противоречии с объединительными усилиями славян на землях Восточной Адриатики, где исторически встречаются и смешиваются южнославянские и венециано-итальянская цивилизации.

Оперируя категориями нашего времени, мы не вправе требовать от славистов XIX в. однозначных оценок: Венецию они могут считать не только итальянским городом, центром недавно исчезнувшей морской республики, бывшей многонациональной (в том числе и славянской) столицей, но

и периферийным центром Австрийской империи. Иные города сегодняшней Италии могли представляться тогдашним славистам чисто австрийскими (например Гориция), а присутствие в них итальянского населения менее значимым, чем, например, в Задаре или Дубровнике, лучше сохранивших черты итальянской культуры и венецианского наследия.

Первые слависты (Я. Потоцкий, Й. Добровский, Е. Копитар) называют резьянцев «венецианскими» или «фриульскими» славянами¹, что для того времени справедливо и логично, но уже в 1841 г. И.И. Срезневский помещает их «в Венецианской Италии на границах Краинских» [9. S. 129]. Процесс заселения территорий в донациональный период был намного сложнее того, что в дальнейшем стремился представить каждый национализм, стирая по возможности следы присутствия «конкурентов» в прошлом и настоящем многих европейских городов.

В зависимости от внутренней и внешней политики каждого из государств, между которыми был поделен Апеннинский полуостров до объединения Италии, условия для формирования славистики различались, но в целом были неблагоприятными. Малое количество славянского населения в географических пределах полуострова, отсутствие у итальянцев стратегических интересов в славянских землях, недостаточно развитые дипломатические и коммерческие связи с Россией обусловили безразличие итальянского общества к славянам, незаинтересованность государственных органов и научно-просветительских институций в развитии славяноведения.

В представлении самих итальянцев Италия включалась в Европу в первую очередь благодаря своему античному и ренессансному прошлому, тогда как славянский мир из нее исключался или воспринимался в европейском контексте как второстепенное культурно-историческое явление. В отношении России итальянские патриоты разделяли мнения и предрассудки большинства западноевропейцев, видя в ней полуазиатскую империю насилия, несвободы и бескультурия [10; 11. P. 131–132]. Главным ориентиром для итальянских интеллектуалов была Франция, которая тоже отставала от германских государств в развитии славистики [12. P. 106–121]. Филологические исследования, проводимые в Вене, Праге, Бреслау, почти не получали отклика в Италии, где знанием немецкого языка могли похвастать лишь немногие. Таким образом, в Италии не только отсутствовали условия для становления славистики, но и на индивидуальном уровне культурные связи с представителями славянского мира являлись редкими и эпизодическими [13].

Более благоприятной была обстановка на итальянских территориях, входивших в состав Габсбургской империи. Влияние германской науки, культурные связи с университетами и просветительскими институциями Центральной Европы, подданство монархии, для которой славянский вопрос являлся стратегически важным – все эти факторы обеспечивали контакты со славянским миром. Неудивительно поэтому, что итальянские культурные центры, интересовавшиеся отдельными вопросами истории и культуры славян, находились в пределах Австрийской империи: это Милан, Тренто, Венеция, Задар,

¹ Ср., например, у Копитара: «eine karentanische Pfarre in einem Thale des venetianischen Friauls» («карантанский приход в одной долине венецианского Фриули») [7. S. 177] и у Я. Бодуэна де Куртенэ: «morato zabeležiti razloček mej beneškimi Slovani, ki stoje blizu Furlanov, in timi, ki so oddaljeni od Furlanov» («надо отметить разницу между венецианскими славянами, которые живут рядом с фриульцами, и славянами, которые от них далеки») [8. S. 346].

Дубровник. Разумеется, обстановка в городах Паданской равнины, таких, как Милан или Венеция, существенно отличалась от ситуации в исторически смешанных краях, таких, как Фриули, Триест, Истрия, Далмация. Если в Милане и «Ломбардо-Венецианском королевстве» германизация была заметна только на уровне государственной администрации, то на землях Восточной Адриатики, на границе Фриули и Словении немецкое и итальянское культурные влияния активно соперничали.

Вне Габсбургской монархии следует выделить Ватикан – единственное государство Апеннинского полуострова, имеющее в силу древней традиции стратегические связи со славянским миром.

Таким образом, неудивительно, что Италия с опозданием открыла себе славистику. Тем не менее, почти без участия итальянских ученых международная славистика «открыла» для себя Италию рано.

Итало-славянские связи до XIX в.

Дипломатические и торговые связи итальянских государств со славянским миром носили интенсивный характер со времен Средневековья. Даже не говоря о неоспоримом значении миссии Кирилла и Мефодия (в дальнейшем она станет одной из любимых «итальянских» тем славистики), нельзя не заметить, что территориальное расширение Венецианской республики происходило главным образом на далматинском побережье, оказывая непосредственное воздействие на жизнь южнославянских народов. Еще более тесными были дипломатические связи Ватикана, постоянно включавшего в сферу своих интересов весь славянский ареал, а с XVI в. сосредоточившего усилия на православных славянах. Разнообразные связи, преимущественно торговые, развивали со славянским миром Неаполитанское королевство и Генуэзская республика. Не будет лишним упомянуть культурные и научно-филологические контакты итальянских и славянских гуманистов [14], землячества славянских студентов в Болонском, Падуанском и других университетах Италии. Документальные свидетельства этих контактов отложились в итальянских архивах и библиотеках, привлекая внимание славистов. Особой сферой интересов филологов стал поиск древних рукописей и редких изданий в книгохранилищах Италии. То же можно сказать о продукции славянских типографий, веками существовавших в Венеции [15. Р. 61–78].

Следует отметить важнейшую роль итальянских эрудитов в развитии классической и восточной филологии. Едва ли не первые филологические описания древнеславянских памятников были сделаны в пределах итальянского культурного ареала задолго до становления славистики: древнейшее глаголическое Евангелие, купленное И. Ассемани в Иерусалиме в 1736 г. и отправленное в Рим, впервые описано далматинским архиепископом М. Караманом в 1753 г. вместе с другими ватиканскими глаголическими кодексами [16]. «Болонская псалтырь» получила свое первое описание и была частично опубликована уже в 1746 г. благодаря трудам кардинала Н.-М. Антонелли, став одной из наиболее известных славянских рукописей [17. Р. XVII–XXI].

Основой развития итальянской славистики стала не только компетентность в вопросах филологии и палеографии ученого католического духовенства, но и внимание исследователей к истории и этногенезу славян. Сочинения М. Орбини и Ю. Крижанича являются базовыми для идей славянского единства [18; 19], тогда как М. Карамана, Н.-М. Антонелли, М. Совича [20] и некоторых других священников-филологов, большей частью далматинского происхождения, можно считать пионерами славянской палеографии и филологии.

Исследования в области библеистики давали им драгоценный опыт для изучения глаголических и кириллических рукописей; именно из библеистики пришел в славистику Й. Добровский [21. Р. 77–78].

Славистика в современном ее понимании сложилась в Италии в 20-е годы XX в.: в 1910 г. Ватрослав Ягич с полным основанием утверждал, что «Италия пока еще совсем игнорирует славянский мир» [22. С. 880]. Однако было бы неверно отрицать наличие в итальянских филологических традициях плодородной почвы для развития славистики уже на самых ранних этапах ее существования, что первым заметил Ерней Копитар и доказал впоследствии историк итальянской славистики Серджо Бонацца [21; 23; 24 и др.]. Проводя свои исследования в Италии, Копитар активно сотрудничал с выдающимися филологами (см. [25]): это представитель классической филологии о. Анджело Май и миланский востоковед Карло-Оттавио Кастильони. Кастильони внес большой вклад в развитие славянской филологии и оказал ценную помощь Копитару в подготовке первого издания принадлежавшей трентинскому графу П. Клоцу рукописи «Глаголита Клоцианус», глубоко изученной обоими филологами [23. S. 184; 26]. Исследуя рукопись еще до того, как она попала в руки Копитара, Кастильони пришел к выводу, что с ее помощью можно доказать более раннее возникновение глаголицы по сравнению с кириллицей [27. Р. 264].

Передовой для своего времени научный подход Кастильони и Мая, хорошо знакомых с достижениями германских ученых, был скорее исключением для итальянской филологии. «Миланские успехи» славистики явились результатом сотрудничества Кастильони и Копитара. Это можно проиллюстрировать, сопоставив вывод Кастильони о древности глаголицы с лишь на первый взгляд тождественными суждениями его итальянских современников. В связи с долго бытующей легендарной атрибуцией глаголицы св. Иерониму ее происхождение было изучено и эрудитом о. Ф.-М. Аппендини, занимавшимся в Рагузе (Дубровнике) историей и языком «иллирических» славян. По мнению Аппендини, глаголица была старше не только кириллицы, но и самого св. Иеронима, поскольку «была алфавитом древних фракийцев-фригийцев» [23. S. 153].

Кастильони и Аппендини разошлись не только в выводах, но и, прежде всего, в методе. Аппендини, представитель традиционной донаучной филологии, сопоставлял большое количество разнообразной литературы и разрешал возникающие вопросы эвристическим путем, опираясь в стремлении найти подтверждение своим гипотезам на интуицию. Кастильони же критически оценивал источники, анализируя и сравнивая разные аспекты рукописей, приводя убедительные аргументы для выводов.

Как Кастильони, так и другие выдающиеся итальянские лингвисты (Г.-И. Асколи, Б. Бионделли и Э. Теза) изучали славянские языки, интересовались отдельными проблемами славистики, но этот интерес отражен в большей степени в их переписке с зарубежными филологами (например с Копитаром, Миклошичем, Шафариком [28–31]), чем в изданных трудах. Итальянская филология XIX в. не была готова к развитию славистических исследований. Тем большую ценность имеет прозорливость Е. Копитара и И.И. Срезневского, которым в прямом и косвенном смысле принадлежит славистическое «открытие» Италии.

Итальянская стратегия Ернея Копитара

Австрославизм Е. (Б.) Копитара – одна из причин его интереса к Италии. Переписка словенского филолога с библиотекарем иезуитского Collegium Romanum Джампьеро Секки и другими представителями ватиканской

интеллигенции дает представление о его концепции славянского единства, предполагающей гармоничное участие каждого славянского племени в жизни Габсбургской монархии с сохранением языковых и культурных отличий и при сочетании трех объединительных начал — политического (империя), религиозного (католицизм) и лингво-этнического (славянство) (ср. [32. S. 164; 33]). Копитар опасался подхода, доминировавшего в царской России по отношению к славянским народам, в соответствии с которым центральное место отводилось русским. Ученый считал подобную модель объединения славян неприемлемой. Еще яростнее звучали нападки Копитара на православие и чешские симпатии к гуситскому протестантизму [23. S. 227–299]. В его концепцию строительства славянского единства в границах Габсбургской монархии Италия была включена по ряду причин:

— Австрийская империя получила в результате поражения Наполеона и по решению Венского конгресса территории Венецианской и Рагузанской Республик — в том числе все восточноадриатическое побережье со смешанным славяно-итальянским населением;

— рост националистических настроений представлял угрозу для внутренней стабильности монархии, способствуя постепенному нарастанию сопротивления властям италоязычного и славяноязычного населения Фриули, Далмации и Истрии, что вызывало разрушение специфического культурного уклада и ослабление юго-западной границы Австрийской империи;

— признание многонациональности и культурно-языкового разнообразия регионов Австрийской империи было не только единственной гарантией ее внутренней стабильности, но и предпосылкой для разработки новой модели гармоничного сосуществования множества народов и языков в едином политическом пространстве. Противоположной моделью для Копитара служила Россия, чуждая всякой федерализации и воплощающая в себе опасное смешение империи старого типа и нового национализма титульного народа;

— Италия входила в планы Копитара в силу традиционного стремления к объединению усилий светской (монархической) и духовной (папской) властей, что, по его мнению, стало бы опорой европейской цивилизации. Вершителями судеб славянского мира Копитар видел Вену и Рим.

Таким образом, Италии отводилось важное место в деятельности Копитара, направленной на подчинение славистики идеалам австрославизма. Основные итальянские контрагенты библиотекаря Венской императорской библиотеки находились в городах империи (Милан, Венеция, Тренто, Дубровник) и Папского государства (Рим и Болонья). В Милане Копитар связался, как уже было сказано, с Кастильони и Маем, в Венеции с директором Библиотеки св. Марка П. Беттио, в Тренто с графом П. Клоцом, в Рагузе с Ф.-М. Аппендини. Тесные контакты словенский филолог наладил с Римом, который посетил дважды — в 1837 г. (с остановкой в Болонье) и в 1842–1843 гг. [34; 23. S. 79–80]. Его вторая поездка в Рим могла стать эпохальным событием для итальянской славистики, так как была связана с тайным проектом создания Конгрегацией пропаганды веры первой в Италии кафедры старославянского языка в Collegium Romanum [23. S. 75–93, 249], но проект не увенчался успехом: через полгода Копитар, остававшийся в Риме с конца октября 1842 г. до начала мая 1843 г., вернулся в Вену, снова заняв свой пост. Этот эпизод многое говорит о тогдашних перспективах развития славистики Ватикана. Римское окружение Копитара уже в то время было представлено

специалистами, если не в полном смысле славистами, то знатоками славянских языков и истории, такими, как Дж.-Г. Меццофанти, перебравшийся из Милана в Рим А. Май, немецкий историк А. Тейнер и др. Напомним, что в начале 1820-х годов в ватиканских архивах работал еще один пионер славистики, М.К. Бобровский. Вслед за Копитаром слависты все чаще будут посещать ватиканские библиотеки – вскоре там начнут работать филологи Ф. Рачки, И. Ткалац, И. Чрнчич и многие другие.

Усилия Копитара по созданию в Риме кафедры старославянского языка только косвенно связаны с филологией. На первый план, особенно во время своего второго пребывания в Вечном городе, он ставил стратегические вопросы славянского католичества: проблемы греко-католиков в Российской империи, стремление поляков к независимости, положение украинцев и «рутеннов», южная граница между католицизмом и православием на Балканах. Копитар действовал в русле ватиканской политики, направленной на поощрение просветительских инициатив в среде католических меньшинств в не-католических странах².

Большое значение имели связи Копитара с Ф.-М. Аппендини, продолжавшиеся с 1811 по 1834 г. Итальянский эрудит, избравший Рагузу для своей педагогической и научной деятельности, был связующим звеном между итальянской и славянской культурами Восточной Адриатики. Еще в юности Копитар указывал Аппендини на его серьезные ошибки в изучении истории славян и их древнего языка, надеясь превратить монаха в квалифицированного слависта. Для этого нужно было связать его с германскими филологами и настоять на овладении немецким языком. «*Il serait bien à souhaiter que vous puissiez prendre notice des recherches des savants Allemands sur l'objet que vous occupe. [...] quiconque veut approfondir la langue slave, doit indispensablement étudier l'allemand aussi*» («Было бы очень желательно, чтобы вы могли осведомляться об исследованиях немецких ученых над предметом, которым вы занимаетесь. [...] Всякий желающий углубиться в знаниях славянского языка обязательно должен изучать так же и немецкий язык»), – писал Копитар Аппендини в 1811 г.». [23. S. 120]. Попытки оказались неудачными – Аппендини немецкий язык не выучил и всю жизнь придерживался своих во многом антинаучных теорий³, подвергаясь резкой критике со стороны Добровского и насмешкам В. Ягича по поводу «нелепостей» и «диких этимологий».

Своим «диким этимологиям» он остался верен до конца жизни. Копитар сообщал в 1823 г. Добровскому о пребывании Аппендини в Вене в течение нескольких месяцев, дав ему верную характеристику: полный доброй воли, но без (знания) немецкого языка и литературы [22. С. 183].

Славистические Italianische Reisen

Итальянские поездки Копитара показали другим славистам широкие перспективы работы в архивах и библиотеках полуострова, но первопроходцем Копитар не был. Догадки, что в Италии благодатная почва для славистических исследований, возникли еще в конце XVIII в. у Добровского и Потоцкого.

² Например, в 1838 г. А. Май, в публичном выступлении призывал издавать больше «восточно-христианских сочинений» из коллекций римских библиотек, не забывая и о славянских текстах (Diario di Roma. 1838. № 44. 2 giu. P. 1–2).

³ «Schade, dass der Ragusaner Piariste nicht Deutsch kann, und folglich in der Slavischen Geschichte um 50 Jahre zurück ist» («Жаль, что рагузинский пиарист не знает немецкого, и следовательно, отстал на 50 лет в славянской истории»), – сетовал позже Копитар, обращаясь к Добровскому [23. S. 19].

Путешествие Добровского в 1794 г. было случайным и не имело строго научной цели, однако он смог изучать славянские рукописи в библиотеке св. Марка в Венеции и посетил греческую типографию [22. С. 114]. Серьезных следов это путешествие в творчестве Добровского не оставило, а его переписка с итальянскими филологами относится к дославистической деятельности библеиста.

Большее значение для истории славистики имело посещение графом Поттоком Резьянской долины в 1790 или 1791 г. Польский эрудит был первым славянским ученым, который обратил внимание на Резью, но его ценные заметки о населении и диалекте долины были опубликованы только посмертно в 1816 г. по инициативе Копитара [7. S. 176–180; 34. S. 569–570].

По всей вероятности, первым командированным в научное «славистическое путешествие» был молодой униатский священник и профессор Виленского университета М. К. Бобровский. Инициатива его долгого путешествия 1817–1822 гг. принадлежала А. Чарторыскому, обеспечившему Бобровскому университетскую стипендию «с поручением ознакомиться с состоянием богословского образования в Европе, усовершенствоваться в знании восточных языков, как необходимого пособия для преподавания библейской археологии, специально заняться археологией и герменевтикой, а ввиду основательного его знакомства с церковнославянским языком – ознакомиться со славянскими наречиями и состоянием славянских литератур» [35. С. 120]. Бобровский побывал в разных землях Габсбургской империи и во многих городах Апеннинского полуострова (Венеции, Падуе, Триесте, Ровиго, Милане, Турине, Ферраре, Равенне, Болонье, Флоренции, Риме, Неаполе) и в италоязычных городах Далмации (Сплите, Задаре, Дубровнике, где он познакомился с Аппендини) [36. S. 17–20; 37. С. 85–89]. Молодой ученый работал в Италии с большой отдачей. В итальянских архивах обнаружилось множество ценных материалов в области не только арабистики и библеистики, но и славистики. В Риме Бобровский активно сотрудничал с Маем: он, «составив ученый каталог древнейшим славянским рукописям и старопечатным книгам Ватиканской библиотеки (“Codices Slavici”), отдал его Май для помещения в его сборнике “Nova collectio veterum” 1830 г.» [35. С. 121].

Значение итальянских исследований Бобровского недооценено. Достоинно внимания то, что Италия не осталась на периферии его ученого путешествия, а опыт Бобровского послужил примером для других славистов: с ним поддерживали тесные контакты Копитар, Кеппен, Востоков, получая ценную информацию о богатых славистических собраниях итальянских библиотек.

В российских университетах «славистические путешествия» молодых ученых во второй половине 1830-х годов превратились в обычную практику. Образцом стало путешествие Осипа Бодянского, план которого, как отметил Ягич, «послужил даже своего рода подлинником или канвой для будущих таких же случаев» [22. С. 314]. Поначалу эти планы были малореалистичны, сочетая огромное количество задач, не всегда четко сформулированных и не только научного характера. Отчасти это оправдывает иронию Кочубинского и Ягича, мишенью которых стал сам Бодянский [22. С. 314–315]⁴.

Сама же идея славистических «командировок», получив определенную корректировку, вскоре приобрела логическую стройность и законченность. Более того, эти путешествия стали вехой в истории славистики и позволили

⁴ Главное обвинение Ягича – подобные планы превращали «кандидата славянской филологии в туриста» [22. С. 342].

Императорской академии наук добиться существенных результатов. Значительно вырос уровень российских филологов, развивались их международные связи, не говоря уже об открытиях, приобретении редких текстов и т.п. [38]. По своему несколько авантюрному духу путешествия первых славистов сопоставимы с африканскими или азиатскими экспедициями того времени, сочетая научные цели и влечение к неизведанному, экзотику и патриотизм, часто переходящий в выполнение государственной миссии, вмешательство во внутренние дела других стран и проповедь панславизма, чреватые подозрением в шпионаже⁵.

Говоря о плане путешествия Бодянского, утвержденном в 1837 г. временно исполняющим обязанности управляющего Министерством народного просвещения Н.А. Протасовым⁶, при всей «фантастичности» маршрута (в итоге не осуществленного), для нас имеет значение то, что через Хорватию и Триест планировался приезд «в Венецию, Милан, Геную, Болонью и Рим. В итальянских городах предписывалось изучение славянских рукописей, в Генуе также бывших когда-то сношений с Крымом – и на все это в то время, когда еще не было железных дорог, назначался двухмесячный срок!» [22. С. 315].

Планировалось также проехать по Далмации, посетив в Дубровнике аббата Аппендини. Маршрут был придуман самим Бодянским, который плохо представлял себе скорость и сложности путешествия, но смог наметить основные ориентиры для исследователя-слависта в тогдашней Европе: кроме славянских земель Центральной и Южной Европы, он указал на Балканы и на исторические центры Италии. Эта же «канва», о которой говорит Ягич, определила маршруты И.И. Срезневского, В.И. Григоровича и П.И. Прейса, повторившись позднее в путешествиях учеников Срезневского – В.И. Ламанского и, в первую очередь, В.В. Макушева, к которым мы еще вернемся. И Бодянский, и Срезневский не забывали об итальянских архивах. Бодянский открыл для международной славистики крошечные славянские общины в глуши южноитальянской области Молизе, расположенной в тогдашнем Неаполитанском Королевстве: он перевел в 1858 г. переписку дубровницкого историка М. Пуцича с молизским славянином Дж. Де Рубертисом, который первым описал это этно-лингвистическое меньшинство южнославянского происхождения [40].

Срезневский, в отличие от своего предшественника, сумел лично посетить область Фриули и Венецию. Из Каринтии он в 1841 г. специально отправился в Резьянскую долину и посвятил диалекту и фольклору резьянцев первые научные наблюдения [41. С. 207–224]⁷. Затем он посетил Горицию, Триест, ненадолго заглянул в Венецию вместе с Прейсом, тоже путешествующим по научному плану⁸. Оба ученых побывали в Истрии, городе Фиуме (Риеке) и Далмации, не пропуская ни одного из главных центров «итало-славянской» Адриатики [22. С. 325–326, 335]. Адриатику, включая Триест и Венецию, удостоил специального внимания и Григорович. В Венеции он встречался,

⁵ Такие обвинения могли быть необоснованными: например, в шпионаже подозревали во Фриули Бодуэна де Куртенэ [39. Р. 82–84].

⁶ Можно догадаться, что для генерала Протасова, ставшего в 1836 г. обер-прокурором Святейшего Синода, концепция командировок была далека от чисто научных целей.

⁷ Вслед за Срезневским посетил Резью другой славист, хорватский поэт Станко Враз [34. С. 569–570, 585–586].

⁸ «По плану путешествия, одобренному Востоковым, Прейс должен был посетить после Вены Штирию, Каринтию, Крайну, Хорватию, Славонию, Италию. “Страны, где господствует наречие хорутанское, – указывалось в плане, – должны особенно обратить на себя внимание путешественного”» [37. С. 109].

в частности, с Томмазо: бывшая столица морской республики не теряла своего значения для славянских филологов, историков и патриотов, напротив, интерес к ней постепенно возрастал [42. Р. 749–753]⁹.

Что касается Триеста, то в 1840-е годы этот город, порт и финансовый центр Габсбургской монархии, стал настоящим *Treffpunkt* для путешествующих славистов. В апреле 1841 г. там назначили встречу с Вуком Караджичем Срезневский и Прейс, планировавшие ехать с ним в Далмацию, а также Н.И. Надеждин, который, находясь вместе с Д.М. Княжевичем в Неаполе и Риме, спешил увидеться в Триесте с Караджичем и сообщил последнему, что «желал бы – лететь; да нет не только крыльев, но даже и дилижансов, которые бы могли нас домчать до *Славянской Италии*» (курсив наш. – С.А.) [43. С. 636]. В ожидании Надеждина и Княжевича Прейс со Срезневским посещали Венецию, когда те, наконец, добрались до Триеста. В итоге именно Надеждин и Княжевич отправились в Далмацию с Караджичем, так и не дождавшись своих товарищей [22. С. 335].

Концепция славистических «командировок» постепенно менялась от ознакомительных экспедиций широкого спектра в сторону все более специализированных и ограниченных в пространстве путешествий. Поездки Я. Бодуэна де Куртенэ в Резьянскую долину в 1870–1890-е годы и более поздние исследования М. Решетара, немало времени проводившего в Молизе, отвечали потребности углубленного изучения диалектов и обычаев славянских меньшинств, предполагая также знание итальянского языка и итальянской диалектологии [34. S. 567]. Поколение учеников Срезневского выступало в этом отношении связующим звеном. Показательна командировка 1868–1871 гг. Макушева, почти полностью посвященная итальянским архивам. В инструкции командируемому намечалось два направления: кроме ожидаемых Балкан, также «другая страна, мало исследованная славистами [...], Италия, богатая библиотеками и архивами, в которых уже найдено или, по крайней мере, отмечено много памятников, важных для литературы и еще более для истории славян, и кое-где есть или могут быть найдены остатки славянской народности. Желательно было бы, чтобы г. Макушев посвятил на Италию столько же времени, сколько и на Турцию» (цит. по [38. С. 605–606]).

Фактически Макушев осуществил только итальянскую часть командировки, справедливо ожидая найти там множество ценных исторических материалов [44–46]. Выбор Италии в качестве основного места проведения исследований (в случае Макушева преимущественно исторического, а не филологического характера) стал новацией для славяноведения [38. С. 595–668]¹⁰. Недавно нами был опубликован большой отрывок из письма Макушева Срезневскому от 3 января 1868 г., в котором подробно изложен план путешествия. Уместно процитировать ту часть письма, которая связана с Италией:

⁹ В Венеции с Томмазо встречались и другие представители славянского мира, в том числе черногорский владыка П.П. Негош и русский историк Ф.В. Чижов [42. Р. 749–750]. С середины XIX в. появляются серьезные труды о Далмации, принадлежащие перу южнославянских и итальянских ученых, таких, как С. Любич (автор изданного в 1856 г. на итальянском языке биографического словаря выдающихся далматинцев), М. Пуич, венецианский библиотечарь Дж. Валентинелли, черногорский юрист Б. Богишич и др. [22. С. 617].

¹⁰ Предшественником Макушева в этом отношении можно считать тосканского историка Себастьяно Чампи, совершившего научное путешествие в Италию в 20-е годы XIX в., поддержанное властями Царства Польского. Итогом стало несколько томов издания *Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze [...] colla Russia, colla Polonia...* (1834, 1839, 1842) [13. P. 423]. Работа Чампи большого распространения в среде славистов не получила.

«Я предполагал бы провести зимние месяцы в Италии, преимущественно в *Венеции*, в архивах и библиотеках которой надеюсь найти много неизданных материалов для истории южных славян, особенно же далматинцев и дубровничан. Находясь в Венеции, я обратил бы также внимание на окрестные славянские колонии. И в других итальянских городах надеюсь найти также любопытные для славянской истории материалы, особенно же: в *Генуе*, бывшей с 1378 года главной дубровницкою колониєю на Средиземном море¹¹, во Флоренции, с которою дубровничане вступили в особенно деятельные сношения с половины XV века, — в *Неаполе*, *Мессине*, *Сиракузах* и *Палермо* и вообще в Южной Италии, с которою сносились адриатические славяне уже в IX веке и под покровительством которой находились дубровничане довольно значительное время. Я бы посетил существующий донныне на острове Сицилии город Рагузу, несомненно, дубровницкую колонию¹². Имея в виду преимущественно эти пункты, как особенно любопытные для меня, занимающегося дубровницкою историею, я побывал бы также и в других местностях Италии, представляющих интерес для слависта, каковы: Падуа, Милан, Болонья и Рим» [47. С. 16].

В итоге Макушев работал в Венеции (дважды, в общей сложности 18 месяцев), Неаполе (10 месяцев), Милане, Флоренции и Анконе (по 3 месяца), Болонье (2 месяца). Архивные находки Макушева подтвердили большое значение славянской общины в Анконе в Средние века. Ученый посетил также Турин, Геную, Палермо, Рим, Бари, Верону и Мантую.

Около недели Макушев провел в главном из трех небольших славянских центров области Молизе — Аквавива-Коллеккоче вместе с другим воспитанником российских университетов болгариним М.С. Дриновым, который тоже тщательно изучал в тот период итальянские архивы. Оба слависта побывали у Де Рубертиса, которому ранее удалось наладить контакты с Пуличем, Бодянским и итальянским лингвистом Асколи. Дринов и Макушев оказались первыми славянскими гостями молизской славянской общины [48]. На рубеже XIX—XX вв. молизских славян слависты стали посещать все чаще: до них добрались Р. Ковачич, Я. Бодуэн де Куртенэ, Й. Смодлака, М. Решетар. В отличие от первых кратких визитов, позднейшие поездки стали продолжительнее, позволив серьезно изучать разные аспекты жизни молизских общин [48. С. 3—11].

Накануне рождения итальянской славистики

Деятельность иностранных славистов в Италии становилась все интенсивнее во второй половине XIX в. в условиях малой активности итальянской научной среды даже после объединения страны. Не имея славистических кафедр и центров, Италия еще долго испытывала серьезный дефицит знаний о языках и истории славян. Интерес к славистике отдельных итальянских ученых и интеллектуалов не мог изменить ситуацию, но способствовал постепенному осознанию важности для политической и культурной жизни Италии ряда вопросов. Существование сложного пограничья на северо-востоке страны, оспариваемого итальянским и славянскими национализмами и по большей части еще подчиненного Вене, неясность этнокультурных и политических перспектив Восточной Адриатики (Истрии, Далмации, Котора) стимулировали связи с южнославянским ареалом, хотя долгое время это не сопровождалось развитием интереса к языкам и культурам «соперников» [49. С. 203].

¹¹ Генуя колонией Дубровника никогда не была, видимо, Макушев имел в виду тесные коммерческие связи двух морских республик.

¹² Связь сицилийской Рагузы с адриатической остается до сих пор спорным вопросом.

Исторические предрассудки играли в этом отношении большую роль как на оспариваемых территориях, так и в политических центрах молодого итальянского государства: признание языков, литератур, истории славян имплицитно означало бы и признание ценности их культуры, ставя под сомнение стереотип превосходства итальянцев над южнославянской средой [39. С. 77–99; 49. Р. 205, 219–220]. Националистический италоцентризм достиг своего пика в первой половине XX в. с возникновением фашизма, но проявления жесткого отношения к меньшинствам можно обнаружить в итальянском обществе уже в конце XIX в., как справедливо отмечал в 1925 г. Бодуэн де Куртэнэ: «Oburzające jest postępowanie Włochów wobec Słowian, Niemców i w ogóle wszelkich „mniejszości narodowych”. Znając szowinistów włoskich, spodziewałem się tego. Nie ustępują oni wcale Madziarom przedwojennym, a nawet ich przewyższają» («Враждебность итальянцев по отношению словенцев, немцев и в целом всех «национальных меньшинств» возмутительна. Зная итальянских шовинистов я этого ожидал. В этом не уступают они в общем предвоенным венграм, а даже превосхищают их») (цит. по [50. С. 213]).

С самого начала официальная политика Итальянского Королевства признавала существование вопросов, связанных со славянским миром, но не потребность в специалистах по ним. В роли посредников обычно выступали двуязычные далматинцы. Исключением явился туринец А. де Губернатис, ставший настоящим пионером итальянской славистики. Среди многочисленных «славянских» предприятий де Губернатиса необходимо упомянуть неудачную попытку начала 1870-х годов создать в Италии славистический журнал в сотрудничестве с одним из основателей французской славистики Л. Леже [51]. В объединенную Италию в 1860–1870-е годы приезжали для своих исследований, лишь отчасти касающихся славистики, такие ученые, как А.Н. Веселовский, Ф.И. Буслаев, М.П. Драгоманов. Все они так или иначе связывались с де Губернатисом, немало сделавшим для распространения в Италии информации о них [11].

Условия для становления академической славистики в Италии появились только после Первой мировой войны. Первое поколение итальянских славистов не случайно сформировалось в рамках германистики (Э. Ло Гатто, Э. Гаспарини), часть из них к тому же принадлежала к италоязычной среде Далмации (А. Крония, Дж. Мавер). Контакт с Россией на фронте и после революций 1917 г. тоже сыграл известную роль. Надо сказать, что итальянская славистика тогда формировалась очень быстро, найдя свое место в мировой науке о славянах [13; 52]. Положительно сказались сильная итальянская традиция классической филологии, политическая близость итальянских и польских патриотов в эпоху романтизма, историческое сосуществование венецо-итальянской и славянской культур в Истрии и Далмации, связь Италии с основными религиозными вопросами Европы, в том числе с кирилло-мефодиевским наследием. Накопившиеся в течение XIX в. контакты с зарубежной славистикой создали почву, которая дала богатые плоды [53].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Дринов М.С.* Заселение Балканского полуострова славянами // Чтения в Имп. Общ. истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1872. Кн. 4.
2. Проблемы итальянистики. Вып. 6: Итальянская идентичность: единство в многообразии. М., 2015.
3. *L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica = Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики / A cura di S. Bonazza e G. Brogi Bercoff.* Roma, 1994.
4. *Veda a ideológia v dejinách slavistiky*, ed. T. Ivantyšinová. Bratislava, 1998.

5. Lo sviluppo della slavistica negli imperi europei = Развитие славяноведения в европейских империях / Под ред. С. Алоэ. Milano, 2008.
6. Literature and Social Change: A Voyage through the History of Slavic Studies. Proceedings of the International Symposium / Ed. by L. Matejko. Bratislava, 2017.
7. *Kopitar B.* Die Slaven im Thale Resia // Erneuerte vaterländische Blätter für den österreichischen Kaiserstaat. 9/31. 1816.
8. *Lenček R.* The correspondence between Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929) and Vatroslav Oblak (1864–1896). München, 1992.
9. *Дуличенко А.Д.* Академик Измаил Иванович Срезневский и резыньщина (с извлечениями из его путевых заметок по Резье в 1841 году) // Jezikoslovni zapiski. 13 (1–2). 2007.
10. *Потанова З.М.* Русско-итальянские литературные связи, вторая половина XIX в. М., 1973.
11. *Aloe S.* *Angelo De Gubernatis e il mondo slavo. Gli esordi della slavistica italiana nei libri, nelle riviste e nell'epistolario di un pioniere (1865–1913).* Pisa, 2000.
12. *Bernard A.* Les traits caractéristiques de l'Institut d'études slaves à ses débuts // Histoire de la Slavistique. Le rôle des institutions = История славистики. Роль научных учреждений / Sous la direction de A. Bernard. Paris, 2003.
13. *Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova, 1958.
14. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв. М., 1963.
15. *Pelusi S.* Libri e stampatori a Venezia: un ponte verso i Balcani // Ponti e frontiere / Ed.A. Bonifacio. Venezia, 2005.
16. *Caraman M.* Identità della lingua litterale slava. Zara, 1753.
17. *Antonelli N.-M.* Του εν Αγίοις Πατροσ ημων Αθανασίου αρχιεπισκοπου Αλεξανδριασ ημενεια των Ψαλμων η περι επιγραφης Ψαλμων = Sancti Patris Nostri Athanasii archiepiscopi Alexandriae interpretatio psalmorum siue de tituli psalmorum. Roma, 1746.
18. *Broggi Bercoff G.* Quelques observations sur le Duché d'Urbino et le Royaume des Slaves. A propos de la préhistoire de l'idée d'unité slave // *L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica = Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики* / A cura di S. Bonazza e G. Broggi Bercoff. Roma, 1994.
19. *Денисевич К.Н.* Книга Мауро Орбини «Regno degli slavi hoggi corrottamente detti schiavoni» и начало италоязычной славистики // Проблемы итальянистики. Вып. 2: Литература и культура. М., 2006.
20. *Бабич В.* Переписка Матея Совича с Альберто Фортисом в 1770–1773 гг. из наследия Цойса в Национальной и Университетской Библиотеке (NUK) // Slavica litteraria, X 15/2012. Supplementum 2: Развитие славистики в зеркале эпистолярного наследия и других личных документов = Vývoj slavistiky v zrcadle epistolárního dědictví a jiných osobních dokumentů / Eds. S. Bonazza, I. Pospíšil. Brno, 2012.
21. *Bonazza S.* Gli esordi della filologia slava in Italia // Europa Orientalis. 1982. Vol. 1.
22. *Ягич И.В.* История славянской филологии (Энциклопедия славянской филологии; 1). СПб., 1910.
23. *Bonazza S.* Bartholomäus Kopitar, Italien und der Vatikan. München, 1980.
24. *Bonazza S.* Il Mai, il mondo slavo e la Germania // Angelo Mai e la cultura del primo Ottocento. Bergamo, 1985.
25. *Bonazza S.* Jacob Grimm nei suoi rapporti con gli studiosi italiani // Variis Linguis. Studi offerti a Elio Mosele. Verona, 2004.
26. *Bonazza S.* Carlo Ottavio Castiglioni und der Glagolita Clozianus // Bereiche der Slavistik (Festschrift zu Ehren von Josip Hamm). Wien, 1975.
27. <Castiglioni C.O.> Glagolita Clozianus, id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi... // *Biblioteca italiana.* Milano, 1836. T. LXXXII.
28. *Marchiori J.* Emilio Teza, traduttore di poesia popolare serbo-croata. Padova, 1959.
29. *Marchiori J.* Lettere di Franc Miklošič a Emilio Teza // Memorie dell'Accademia Patavina. Classe di Scienze. Lettere ed Arti. Vol. LXXIII. 1961.
30. *Cronia A.* Lettere di Graziadio Ascoli a Franz Miklosich (Miklošič) // Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver. Firenze, 1962.
31. *Bonazza S.* Franz Miklosichs italienische Beziehungen // Ars Philologica. Festschrift für Balduz Panzer zum 65. Geburtstag / Hrsg. von K. Grünberg und W. Potthoff. Frankfurt-a.M., 1999.
32. *Bonazza S.* Austro-Slavism as the motive of Kopitar's work // Slovene studies. V. 1983.
33. *Tamborra A.* Jernej Kopitar a Roma (1842–1843) e la politica slava di Gregorio XVI // East European Quarterly. 3 (1974).

34. *Duličenko A.D.* У истоков резьянологии // *Kopitarjev zborniki / Ur.J. Toporišič. Ljubljana, 1996.*
35. *Штейн Вл.* Бобровский, Михаил Кириллович // *Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3.*
36. *Rode M.* Mihail Babrovski in Slovenci // *Jezik in slovstvo. 1987/1988. № 1/2.*
37. *Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в.—1914 г. М., 2017.
38. *Лантвеа Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
39. *Spinozzi Monai L.* Dal Friuli alla Russia: mezzo secolo di storia e di cultura in margine all'epistolario (1875–1928) Jan Baudouin de Courtenay. Udine, 1994.
40. *Де Рубертис И.* Славянские поселения в Неаполитанском королевстве. Письма тамошнего учителя Иована де Рубертис (перевод и предисловие О.М. Бодянского) // *Чтения при Имп. Общ. истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1858. Кн. I.*
41. *Срезневский И.И.* Фриульские славяне // *Москвитянин. (1844). Т. 5/9.*
42. *Aloe S. Tommaseo e la Russia // Niccolò Tommaseo: Popolo e nazioni. Italiani, corsi, greci, illirici / A cura di F. Bruni. Roma; Padova, 2004. Vol. II.*
43. *Караџић В.С.* Преписка. Т. 6 (1837–1842) // *Сабр. дела Вука Караџића. 25. Београд, 1993.*
44. *Макушев В.В.* Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. СПб., 1870. Т. 3.
45. *Макушев В.В.* О славянах Молизского графства в Южной Италии // *Зап. Имп. АН. 1871. Т. 18. Кн. 1.*
46. *Макушев В.В.* Исторические памятники южных славян и соседних им народов, извлеченные из итальянских архивов и библиотек. Варшава, 1874.
47. *Алоэ С.* Джованни Де Рубертис и другие итальянские корреспонденты В.В. Макушева // *Slavica litteraria. X 15/2012. Supplementum 2: Развитие славистики в зеркале эпистолярного наследия и других личных документов = Vývoj slavistiky v zrcadle epistolárního dědictví a jiných osobních dokumentů / Eds. S. Bonazza, I. Pospíšil. Brno, 2012.*
48. *Алоэ С.* Джованни Де Рубертис в истории славяноведения // *Slāvu lasījumi XI = Славянские чтения XI / Galv. red. A. Stankevič. Daugavpils, 2016.*
49. *Rešetar M.* Le colonie serbocroate nell'Italia meridionale. A cura di W. Breu e M. Gardenghi (впервые: *Die Serbokroatischen Kolonien Südtaliens. Wien, 1911*). Campobasso, 1997.
50. *Ivetic E.* Un confine nel Mediterraneo. L'Adriatico orientale tra Italia e Slavia (1300–1900). Roma, 2014.
51. *Bešta T.* Listy J. Baudouina de Courtenay do A. Černego. Wrocław, 1972.
52. *Aloe S.* Angelo De Gubernatis et Louis Leger: une collaboration aux sources de la slavistique italienne et française // *Revue des études slaves. 2000. Vol. LXXII/1.*
53. *Маццителли Г.* Очерки итальянской славистики: книги, архивы, судьбы. М., 2018.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЧЕШСКИХ СЛАВИСТОВ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

© 2019 г. М. Зеленка

Д-р наук, профессор, зав. кафедрой Южночешского университета

(г. Ческе-Будеёвице)

E-mail: zelenka@pf.jcu.cz

Динамическое развитие в период между двумя войнами чешской или чехословацкой славистики, пришедшей на смену ведущей роли Вены, стало возможным благодаря сильному поколению чешских историков культуры и филологов, занимавшихся вопросами единства славянского языка, словесности и культуры. Одновременно проявлялись структуралистические импульсы Пражского лингвистического кружка (Ф. Вольман, Р. Якобсон и др.). Чешская концепция Центральной Европы исходила не только из минималистского определения, которое отождествляло это пространство с габсбургской монархией, но также из уверенности в том, что небольшой народ является посредником в пространстве между Германией и Россией. Кроме того чешская концепция полагала, что в данном противоположении чехи ценностно принадлежат к западной цивилизации.

The significant development of Czech, or Czechoslovak, Slavonic studies, which in the interwar period superseded Vienna as the leading authority, was fostered by a strong generation of Czech cultural historians and philologists who subjected to examination the unity of Slavonic language, literature and culture. Parallel to it were the structuralist impulses of the Prague Linguistic Circle (F. Wollman; R. Jakobson etc.). The Czech concept of Central Europe was grounded in the minimalist delimitation reducing this area to the Hapsburg Empire, while believing in the intermediary mission of a small nation located between Germany and Russia. At the same time, no one doubted that in this antinomy of values the Czechs adhered to the Western civilization.

Ключевые слова: Центральная Европа, чешская славистика, межвоенная Чехословакия, чешская компаративистика, история науки, регионоведение.

Keywords: Central Europe, Czech Slavonic Studies, Interwar Czechoslovakia, Czech Comparatives, History of Science, Area Studies.

DOI: 10.31857/S0869544X0004728-3

Очевидно, что сложность терминологии и семантики, связанных с изучением Центральной Европы, потребовала большого количества литературы, множества статей и текстов, в которых с трудом можно ориентироваться или искать междисциплинарные связи. Центральная Европа реально изменялась во времени и пространстве, не только горизонтально и вертикально, но и в своей

структурной сущности. В любом случае свой подход будут определять и отстаивать политики, экономисты, географы, историки или искусствоведы, с трудом договорятся филологи с музыковедами или архитекторами по вопросу общепринятых черт идеологем центральноевропейства, где начинаются и кончаются их границы и можно ли вообще данную проблему представить в научном дискурсе. Центральная Европа как культурное и географическое пространство или перекресток между Западом и Востоком всегда отличалась изменчивой позицией нестабильных центров и периферий, своеобразным переплетением этносов, культур и религий. Территориальный принцип взаимного «соприкосновения» привел к более интенсивному способу общения и к обмену литературными ценностями, не только к более глубокому пониманию, но и к их столкновениям, конфликтам художественных традиций и поэтик, норм и конвенций. Метонимическая мотивация этой коммуникации, вытекающая скорее из «соседского» общения, чем из генетического родства языков, может развивать не только процесс интеркультурности [1], исходящий из открытого горизонта рецепционных ожиданий [2], но и стремление постулировать и кодифицировать мифы о литературном единстве разнообразных систем, наиболее часто в связи с идеей греко-латинского происхождения цивилизации Западной Европы. Гегемонистский и универсалистский характер этой парадигмы, опирающейся на представление о «крупных», «развитых», «оказывающих влияние» национальных литературах, укрепляли историографические модели последних двух столетий, которые своей «этноцентрической идеологией» внули миф западноевропейского литературного единства и их общей основы, не учитывая различие ценностей у так называемых периферийных литератур и их различные корни [3]. Также и в политическом дискурсе часто забывается о том, что современная Европа, в частности, ее центральноевропейская часть, представляет собой «чрезвычайно сложное общество исторических нагромождений, рациональных и иррациональных комплексов и предрассудков, разнообразного обременяющего исторического опыта, и в то же время абсолютно законных и значительно отличающихся друг от друга интересов отдельных лиц и всех народов, живущих в Европе, и государств, Европу образующих» [4. S. 45].

Терминологический хаос в обозначении и определении Центральной Европы можно найти и в научной литературе отдельных центральноевропейских стран, причем не только в западной, в частности англосаксонской историографии, которая центральноевропейское пространство обычно связывала с Восточной Европой. В чешском контексте дискуссии о центральноевропействе развивались на фоне габсбургского мифа, вытекали из размышлений о смысле чешской истории, о политической и культурной ориентации небольшого народа, находящегося в самой середине между двумя великими державами (например, Ф. Палацкий), причем подчеркивалось, что чешский мифический «центр» своей культурой одновременно намного больше связан с западноевропейским культурным регионом, чем с восточной, русско-византийской сферой. Именно с Палацким не согласился словацкий деятель чешского национального возрождения Л. Штур, который в написанном на немецком языке произведении «Das Slawenthum und die Welt der Zukunft» («Славянство и мир будущего»), созданном приблизительно около 1851 г. [5], пришел к радикальному мнению: центральноевропейские славянские народы, если хотят сохранить свободу, то должны теснее примыкать к славянскому Востоку и создать монархический союз с царской Россией и православной церковью. Попытка Штура определить с историко-философской точки зрения место словаков и славян в истории стала политическим манифестом и символическим обращением

к будущему и положила начало традиции, которая, в определенной степени, способствовала возникновению современной идентичности словаков, но одновременно отрицала восприятие Центральной Европы как перекрестка различных идейных влияний и течений и несколько односторонне отклонила ценностную ориентацию словаков от «материального» Запада к «духовно-историческому» Востоку.

В Польше вследствие другого культурного и исторического развития наименование Центральной Европы сливалось с другими терминами, как например, Центральновосточная, или же Восточная Европа (О. Галецкий [6], П. Вандич [7] и др.), Авроазия, Междуморье (регион между Балтийским и Адриатическим морями), что вытекало из прямого географического соседства с Россией или же с Украиной, и из существования Речи Посполитой. Например, О. Галецкий, определяющий Центральную Европу как «территорию» между Западом и Востоком, отказывается отождествлять ее с Западом, следовательно, с преимущественно христианской традицией. Центральную Европу он разделяет на «Центральнозападную» (до 1945 г. бывшие области Священной Римской империи немецкого народа и часть габсбургской монархии) и «Центральновосточную» (Польша, Венгрия, прибалтийские страны, Финляндия, часть Украины и Белоруссия), причем границы между ними определяются территорией, находящейся под немецким влиянием. Центральновосточная Европа по польской традиции, таким образом, обозначает геополитическое пространство между Германией и Россией, культура которого является составной частью Западной Европы и противоположна ценностям евроазиатской России, т.е. это территория Центральной Европы, с ориентацией на Восток [6]. В Венгрии, или же в исторической Нижней Венгрии, идея Центральной Европы сохраняла постоянную популярность и часто выражалась в художественной и специальной литературе: изолированное положение финно-угорского языка посередине славянско-германского этноса привело к интенсификации изучению культурной исключительности и, тем самым, к пониманию «посреднической миссии» в центральноевропейском пространстве. Здесь главенствовала, в частности, идея Великой Венгрии (включавшей и Словакию), которая должна была служить примером сосуществования различных национальностей в рамках венгерского государства с тогдашней границей (до 1918 г.).

В обычном публицистическом и политологическом дискурсе с определенным упрощением в качестве моделей можно различать две концепции Центральной Европы: минималистскую и максималистскую [8. S. 10–11]. Минималистская концепция считает это пространство последним «форпостом» Запада с учетом совместных исторических структур и культурных ценностей; центральноевропейство тут становится лучшим подходом к цивилизации, который через призму Западной Европы смотрит на «отсталые» Балканы и Россию, т.е. на южные и восточные части Европы [9]. Минималистская концепция работает с бинарными оппозициями, как о них говорит французский философ Жак Деррида, создатель концепции деконструктивизма (мы vs они, наше vs чужое, цивилизация vs варвары), с мифом центра и периферии, границ и конца Европы, способствующим дихотомическому (дуалистическому) восприятию Центральной Европы. Так ее понимает и Милан Кундера, определивший в середине 1980-х годов данное пространство как специфический регион небольших народов между Германией и Россией, с точки зрения культуры относящихся к Западу, политически (с 1945 г.), однако, причисляемых к Востоку. Максималистская концепция понимает Центральную Европу, главным образом, аксиологически. Географические конструкторы здесь представляют собой

побочный продукт и само существование центра Европы, таким образом, ставится под сомнение, как и иногда целенаправленное расчленение Европы на отдельные части. Значит, Европа и ее центральная часть, представляются как набор исторически возникших идей, связанных в большинстве случаев с традицией латинского христианства и определяющих отношение Старого континента как одного целого к соседним континентам, в частности к Азии, из которой европейская цивилизация, хотя мы часто забываем об этом, и возникла.

В чешских дискуссиях о Центральной Европе иногда забывают о вкладе славистов в понимание этого термина в период между двумя войнами. Они тогда задавали вопрос об обоснованности эволюционной противоположности восточных славянских литератур и литератур германских как противоположности литератур маленьких, посылающих литературам большим, развитым эволюционные импульсы.

Чешский славист Франк Вольман во многих произведениях («Словесность славян», 1928; «К методологии сравнительной словесности славянской», 1936; «Дух и целостность славянской словесности», 1948 и др.) пришел к заключению, что в культурной жизни славян переплетались все элементы, которые геополитически находились недалеко друг от друга, что славяне образовали сложное, внутренне противоречивое, но одновременно всегда открытое сообщество. Оно пропитывалось и элементами, приходящими из европейского Востока и Азии (богомилство), и позднесредиземноморскими импульсами, в том числе и ренессансом, и агрессивностью форм эпохи барокко [10. S. 95–96]. Чешский компаративист К. Крейчи дополнил и поддержал тезис Вольмана о раздвоении славянской культуры между латинским Западом и византийским Востоком в том смысле, что это два варианта культуры средиземноморской (медиетеранной), исходящие из общей литературной традиции, сохраняемой и после политического распада. Кроме того, по мнению Крейчи, в литературе народной этого раздвоения не произошло – преемственность народной культуры Крейчи считал обязательной чертой отношения народных литератур к литературе мировой [11. S. 241–255]. В эту сокровищницу внесли свой вклад и славянские литературы церковнославянской образованностью, общими духовными принципами, языковой общностью, осознанием славянского родства и вытекающими из него литературными фактами. Крейчи и Вольман, таким образом, способствовали критике ложных мифов о центральноевропейском литературном пространстве как расслоенной литературной карте, где противоположность ценностей мира славянского и неславянского представляет собой вечную дуэль мира варварского с миром образованным, оплодотворяющим. Именно представление Вольмана о «густой сети межславянских отношений в области словесности» давало право понимать славянские литературы как самостоятельные, но являющиеся составной частью литературы вообще.

И Роман Якобсон, член Пражского лингвистического кружка, представил в период между двумя войнами интересное решение литературных взаимоотношений Запада и Востока в связи с языковой и геополитической ситуацией чешских земель. Центральным аргументом идеи Якобсона об исторической роли славян и о русском элементе в славянском мире является так называемая теория моста, т.е. представление о чешских землях как географическом и идейном перекрестке различных художественных влияний Запада и Востока. Идея культурного синтеза отвечала программе Пражского лингвистического кружка, который плодотворное преобразование чужого импульса и его модификацию воспринимающей средой оценивал не как проявление эпигонской

зависимости, а как функциональное заполнение эволюционных пробелов [12. S. 6–9]. Именно в центральноевропейском научном контексте, центром которого после 1918 г. стала межвоенная Чехословакия, переплетался весь комплекс импульсов и связей, которые здесь зарождались и нашли благодатную почву, как, например, чешский структурализм и другие исследовательские школы [13]. Якобсон, который олицетворяет как творчеством, так и судьбой идеальное соединение восточного русского формализма с чешским формализмом, т.е. представляет домашнюю традицию эстетического гербартизма, сформулировал теорию моста как изменчивое и противоположное единство дивергентной и конвергентной эволюции: положение чешских земель он геополитически определил как равновесную и гибкую позицию «между двумя противоположающимися гравитационными столкновениями» [12. S. 233], причем историческая возможность выбора притяжения и отклонения от этих центров позволяет осуществить своеобразный культурный синтез, создавая тем самым «императивные предпосылки для известного лозунга: ни Запад, ни Восток» [12. S. 233]. Славянские государственно-этнические единицы (здесь интересно нетипичное для Якобсона исключение чисто лингвистических критериев из культурно-исторической коммуникации, так как рецепционная значимость культурного импульса определена географическим родством и родством идей и только потом родством языковым) Якобсон разделил, осознавая определенную схематичность, на односторонние (Польша, Болгария, южнославянские государственные образования) и двусторонние (чешские земли и Россия); принципиальную разницу между ними он видел в способности создания экспортных ценностей — в чешских землях он к этим импульсам относил кирилло-мефодиевскую образованность, готическую культуру, идеологические элементы гуситства и общества Чешских братьев и живую традицию национального возрождения. Тут было очевидно лингвистическое применение точки зрения функций языка к истории науки: несущественность факта генетического происхождения, но подчеркивание его структурного преобразования, т.е. функции, вытекающей из иерархии принимающей системы.

По отношению к полемике по вопросу так называемого культурного и церковного раскола между западным Римом и восточной Византией (немецкая образованность здесь выступала исключительно как прямой наследник античной средиземноморской цивилизации) ровесник и коллега Якобсона Франк Вольман занял негативную позицию: он отказался от распространения историографической полемики о политическом единстве славян на систему славянских литератур. Вольман полагал, что противоположность западноевропейской и восточноевропейской культур, действительно, объективно существует, однако она возникла не в лоне Средиземноморья. Средиземноморская культура была модифицирована — хотя с другой динамикой — западными и восточными народами. Их культуры, в том числе и словесное творчество, можно считать аксиологически равноценными разновидностями культуры медитеранной, которая и после церковного раскола сохраняет преемственность «в частности, в области высшей литературной образованности» [10. S. 22]. Раскол славянской культуры на латинский Запад и византийский Восток невозможно абсолютизировать; обе разновидности исходят из общей литературной традиции, сохраняемой и после политического распада Римской империи в 476 г. Кроме того, по мнению Вольмана, в устной словесности никакого раздвоения не произошло. Чешские компаративисты определенно отстаивали мнение, что противоположность христианства и гражданства, как она обнаруживалась в отношении

к христианскому миру, не представляет собой противоположность мира славянского и неславянского, мира варварского и цивилизованного.

По Вольману, сознательно объявить себя сторонником традиций европейства — значило не идентифицироваться с романо-германским западноевропейством, а отождествиться с органическим развитием смешанной средиземноморской культуры. В культурно-исторической и литературной эволюции славян диалектически действуют славянские объединяющие и разделяющие доминанты, которые с точки зрения структуры и формы проявляют себя как разные типы «славизмов» (церковнославянский, социальное и нравственно реформаторский, барочный, польский мессианизм, чешский австрославизм, илиризм, русское славянофильство, неославизм, революционно-социалистический славизм), отличающиеся, кроме прочего, аналогичным способом восприятия чужих художественных влияний и идейных философских стимулов. Эти типы славизмов выступают не только бинарно в качестве актуализированного соединения между двумя славянскими литературами, но и в качестве системы межславянской словесности (межславянского) характера, и участвуют, тем самым, в создании системы межславянской словесности как органической составной части генеральной (мировой) литературы. Если коллега Вольмана, член Пражского лингвистического кружка, Д. Чижевский в труде «Vergleichende Geschichte der slavischen Literaturen» (1968; в английском переводе «Comparative History of Slavic Literatures», 1971) говорит о стилистическом и поэтологическом единстве славянских литератур, которые он считает органической составной частью более объемного единства западноевропейских литератур [14. S. 12–42], то Ф. Вольман несколько категорично утверждает, что в рамках межславянской литературной коммуникации теряются различия между Западом и Востоком. Поэтому он приходит к заключению, что центральноевропейского литературного сообщества не существует, как не существует и представления о культурно и литературно изолированной Восточной Европе: «Эти гипотетические единства с точки зрения культурно-исторического, социально-политического, антропогеографического не являются настолько определившимися, чтобы существенно вмешиваться в жизнь литературных структур и представлять собой самостоятельные группы» [10. S. 46].

В заключение можно сказать, что чешская рефлексия Центральной Европы, или же Европы как таковой, представляла и представляет собой непрерывную дискуссию о смысле чешской истории, т.е. о европейских корнях чешской культуры и месте чешского народа в Европе. Нет крупного чешского историка или философа, который не высказал бы свое мнение о данной проблематике. На основе множества изречений, наблюдений и серьезных теорий, к которым можно отнести, например, споры о подлинности Краловедворской и Зеленогорской рукописей, выступление Х.Г. Шауэра, Т.Г. Масарика, историческое наследие позитивистской школы Голла и др. и последующий дискурс XX в., как это убедительно подтвердил чешский историк Милош Гавелка в работе «Спор о смысле чешской истории 1895–1938» [15], можно сделать несколько выводов.

Позицию чешских земель как интегральной составной части центрально-европейского пространства никогда не ставили под сомнение, наоборот, в антинормии Запад и Восток чехи всегда чувствовали, что они культурно и политически связаны с Западной Европой. Наиболее точно эту мысль выразил Й. Пекарж: «Не только общение и стычки, как судит Палацкий, но постоянное заимствование, подчинение, насыщение образом жизни и идеями более прогрессивных соседей мира германского и романского являются самым мощным

и самым значительным фактом и фактором нашей истории» [16. S. 388–389]. Чешские земли в миниатюре отражают культурную специфику Центральной Европы, которая географически и идейно несовместима с Восточной Европой, в частности с Россией. Другой чешский историк Я. Кржен в программной работе «Два столетия Центральной Европы» [17], отмечает, что понятие «Центральная Европа» (*Europa intermédiaire*) родилось в 1815 г. на Венском конгрессе и фактически обозначало часть современной Западной Европы и, главным образом, включало в себя раздробленные немецкие княжества и сегодняшний Бенилюкс. Это было не точное географическое понятие, а скорее конкретизация большого региона с определенными видами промышленности и культурно-цивилизационным упорядочением, где действовали похожие модели крестьянства и торговли, проживал большой процент еврейского населения, находилась густая сеть университетов как носителей образования и т.п. Кржен, с иронией называющий Центральную Европу «регионом напрасной федерализации» [17. S. 23], включает в это понятие (ссылаясь на изменчивое наследие габсбургской монархии) «шесть прямых или исторических соседей – поляков, венгров, словаков, чехов, немцев и австрийцев» [17. S. 23].

Чешская концепция Центральной Европы, таким образом, сближается с ее минималистским определением, которое считает это пространство последним «форпостом» Запада с учетом совместных исторических структур и культурных ценностей; центральноевропейство тут становится лучшим подходом к цивилизации, который через призму Западной Европы смотрит на «отсталые» Балканы и Россию, т.е. на южные и восточные части Европы. Центральноевропейское сознание здесь исторически сформировалось в территорию габсбургской монархии, некоторой Центральной Европы в миниатюре, которая экономически и административно представляла собой единую территорию с высокой степенью урбанизации и, прежде всего, настоящий перекресток народов с разнообразной сверхнациональной солидарностью (но и ненавистью), где формировался человеческий тип «*homo habsburgiensis*», чья «повышенная чувствительность и менталитет были другими, чем у больших народов Запада и Востока, французов, немцев, англичан и русских» [18. S. 250].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Miner E.* Comparative Poetics. An Intercultural Essays on Theories of Literature. Princeton, 1990.
2. *Jauss H. R.* Ästhetische Erfahrung und literarische Hermeneutik. Fink, München, 1977.
3. *Sinopoli F.* Il mito della letteratura europea. Roma, 1999.
4. *Klaus V.* Těžké časy liberálů // Euro. 2010. № 27–28.
5. *Štúr L.* Slovanstvo a svet budúcnosti. Bratislava, 1993.
6. *Halecki O.* Borderlands of Western Civilization. A History of East-Central Europe. New York, 1952.
7. *Wandycz P. S.* Střední Evropa v dějinách od středověku do současnosti. Praha, 1998.
8. *Kontler L.* Dějiny Maďarska. Praha, 2001.
9. *Dorovský I.* Balkán a Mediterán. Brno, 1997.
10. *Wollman F.* K metodologii srovnávací slovesnosti slovanské. Brno, 1936.
11. *Krejčí K.* Z nové literatury o metodice literární vědy // Slavia. 15. 1937–1938. № 2.
12. *Jakobson R.* Význam ruské filologie pro bohemistiku // Slovo a slovesnost. R. 4. 1938. № 3
13. *Pospíšil I., Zelenka M.* René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Brno, 1996.
14. *Tchizevskij D.* Vergleichende Geschichte der slavischen Literatur I. Berlin, 1968.
15. *Havelka M.* Spor o smysl českých dějin 1895–1938. Praha, 1995.
16. *Pekař J.* Smysl českých dějin. Praha, 1929.
17. *Křen J.* Dvě století střední Evropy. Praha, 2005.
18. *Fejtö F.* Rekviem za mrtvou říši. O zkáze Rakouska-Uherska. Praha, 1998.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

© 2019 г. Л.Е. Горизонтов

*Д-р ист. наук, профессор Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»*

E-mail: lgorizontov@hse.ru

Российской славистике присуще сосуществование и даже соперничество традиционного этнокультурного и регионального подходов, востребованность которых определяли не только научные соображения, но и политические факторы, – отношение к наследию империй, императивы советского блока и потребности постсоциалистической трансформации. С региональным подходом связано использование таких терминов, как Восточная Европа, Центральная Европа, Юго-Восточная Европа и Центрально-Восточная Европа, имеющих аксиологическое и геополитическое измерения.

The Russian Slavistics is characterized by the coexistence and even rivalry of traditional ethno-cultural and regional approaches, the demand for which was determined not only by scientific considerations, but also by political factors – the attitude to the heritage of empires, the imperatives of the Soviet bloc and the needs of post-socialist transformation. The regional approach involves the use of notions such as Eastern Europe, Central Europe, South-Eastern Europe and East Central Europe having axiological and geopolitical dimensions.

Ключевые слова: история славяноведения, этнокультурный подход, региональный подход, балканистика, Восточная Европа, Центральная Европа, Юго-Восточная Европа, Центрально-Восточная Европа, Институт славяноведения в Москве, региональная идентичность.

Keywords: history of Slavic studies, ethno-cultural approach, regional approach, Balkan studies, Eastern Europe, Central Europe, South-Eastern Europe, East Central Europe, Institute of Slavic Studies in Moscow, regional identity.

DOI: 10.31857/S0869544X0004731-7

История науки включает эволюцию используемой в ней терминологии и, следовательно, неразрывно связана с актуальной ныне историей понятий. Частью понятийного аппарата являются обозначения регионов, вносящие системность в изучение пространства и связанные с еще одной востребованной междисциплинарной областью знаний – ментальной географией. В лингвистике названия регионов не выделяются в отдельный вид топонимов, относясь к числу макрохоронимов.

Становление научного славяноведения в России было сопряжено со сравнительным изучением языков, что задало новому направлению выраженный этнический вектор и обусловило ключевую роль деления славянских народов в соответствии с лингвистической классификацией (восточные, западные и южные славяне). Параллельно, в значительной степени благодаря повышенному интересу к «славянским древностям», развивалась историческая часть славяноведения, сформировавшегося как историко-филологический комплекс.

В дореволюционной России неоднородность Европы осмысливалась в категориях этнокультурных миров — славянского, германского, романского, причем славянам приходилось отстаивать право считаться европейцами. На эти этнические миры накладывались конфессиональные общности, что делало славянство еще более гетерогенным. Для многих славистов принципиально важным было деление Европы на православную и латинскую части.

Кроме того, использовалась группировка народов по империям, подданными которых они являлись. Слависты обратились к изучению взаимодействия славян с неславянским окружением, прежде всего немцами, венграми и турками, что под влиянием идеи славянской взаимности и перипетий международных отношений зачастую приобретало политическую окраску. Деление зарубежного славянства на австрийских и турецких славян нарушалось таким распространенным в зоне континентальных империй явлением, как разделенные нации, и прогрессирующим распадом Османской империи, следствием которого стало возникновение нескольких балканских государств.

Термин «Восточная Европа» употреблялся в дореволюционной России редко и мог нести аксиологическую нагрузку, задаваемую дискурсом ориентализма. Балканы традиционно рассматривались в контексте Восточного вопроса и долгое время находились в ведении Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Когда в июне 1914 г. этот департамент был разделен на три политических отдела, османские и постосманские (включая Румынию) Балканы были отнесены к сфере ответственности Ближневосточного отдела наряду с неевропейскими землями Османской империи, Египтом и Абиссинией. Как писал в своих воспоминаниях хорошо осведомленный сотрудник министерства, «II Политический отдел [...] ведал Ближним Востоком, то есть Балканами». Возглавил его российский посланник в Сербии, попавшей в эпицентр событий, которые привели к Первой мировой войне [1. С. 42]. Европоцентричные представления о столь широко понимаемом *Ближнем Востоке* служили реакцией на длительное существование восточносредиземноморской Османской империи. Размышляя в конце XIX в. о «настоящих» империях, В.С. Соловьев счел Османскую империю слишком восточной, а Речь Посполитую слишком западной, чтобы осуществить органический синтез Востока и Запада [2. С. 602–604]. *Центральными* державами («центральноевропейскими империями» [3. С. 98]) в России называли Австро-Венгрию и Германию.

Возрастание доли исторических исследований в славяноведении дореволюционного и особенно советского периодов способствовало смещению центра тяжести из этнической плоскости в региональную. Кроме того, «реакционная» этнокультурная ориентация славяноведения не соответствовала насаждавшимся большевиками классовым и экономическим приоритетам. Объявленный марксистским фундаментом языкознания марризм отрицал языковые семьи. На состоянии научной дисциплины негативно сказывалась и геополитическая ситуация: у СССР сложились сложные отношения с соседними государствами, принявшими участие в образовании антибольшевистского «санитарного кордона».

С другой стороны, роль восточноевропейских коммунистов в создании III Интернационала в 1919 г. была исключительно велика. В нем, в частности, имелось особое представительство от Балкан, которые рассматривались уже вне Ближнего Востока. Термин «восточный вопрос» использовался Коминтерном как синоним «национально-колониального вопроса». Коммунисты-эмигранты из славянских стран приняли активное участие в становлении советского славяноведения.

После состоявшегося в 1927 г. укрупнения три из шести лендерсекретариатов Исполнительного комитета Коминтерна включали интересующие нас страны: Среднеевропейский (первоначально в него входили посттабсбургские Чехословакия, Венгрия и Австрия, затем добавились Германия, Скандинавия и ряд других государств); Балканский (Болгария, Югославия, Румыния, Греция и Албания); Крайних (приграничных) государств, позднее переименованный в Польско-прибалтийский (Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, т.е. преимущественно бывшие владения Российской империи). Если Среднеевропейский лендерсекретариат расширялся, утрачивая географическую компактность и имперскую привязку, то два других сохранили свои очертания. Примечательно, что во всех названных подразделениях ИККИ руководящие функции выполнял чешский коммунист Б. Шмераль, координируя таким образом их работу [4].

В 1927 г. М. Н. Покровский опубликовал в «Правде» статью о предстоящей в Варшаве конференции, где планировалось создать региональную федерацию исторических обществ [5]. Основывая свои оценки на программе конференции, он уделил особое внимание ее названию, в котором фигурировали «государства Восточной Европы» и «славянский мир». Подобное соединение географического и этнографического ориентиров вызвало недоумение советского историка¹. Лишь «русская история», полагал он, отвечает обоим критериям. В отношении Польши это уже не так: территорию от Немана до Вислы Покровский считал «рубежом между Восточной и Западной Европой», тогда как к западу от Вислы, по его мнению, располагается Центральная Европа. Славянские Чехословакия и Югославия «ни с какими географическими натяжками» не могут быть отнесены к Восточной Европе, а неславянские Литва, Латвия и Эстония к ней «несомненно» принадлежат. Таким образом, Восточная Европа, по Покровскому, практически совпадает с Европейской частью Российской империи. В статье встречается еще один термин – «коренная Восточная Европа», которая соотносима с Европейской частью тогдашнего СССР.

Покровский делал вывод о том, что организаторами варшавской конференции «в основу положена путаная, не научная классификация». Восточная Европа служит лишь маскарадным костюмом, в который облачился очередной панславистский съезд ученых и политиков. Правда, в новых условиях прежний пророссийский панславизм обрел антисоветскую направленность.

Покровский отметил, что Восточная Европа сделалась предметом изучения в Германии и США и это нашло отражение в организации университетского преподавания. Действительно, именно в 1920-е годы в научных

¹ Недоумение по поводу соединения славянского и восточноевропейского компонентов выражает также современный российский историк науки. «Название организации не может не удивлять, — пишет Е. П. Аксенова, — поскольку все славянские страны входили в обусловленные границы региона Восточной Европы, но, видимо, таким образом обозначалось присутствие в Федерации неславянских стран» [6. С. 243].

и образовательных практиках на Западе утверждается формат *area studies*, потеснивший традиционный страноведческий подход. Однако Покровский умалчивал о том, что формула, соединявшая Восточную Европу со славянством, получила распространение и в западной науке. Так, в межвоенный период Великобритания проделала эволюцию от *славянских исследований* к *славянским и восточноевропейским исследованиям* (Slavonic and East European Studies).

В утвердившемся после конференции в Варшаве названии федерации «славянский мир» исчез. Федерация исторических обществ Восточной Европы обозначила свой регион предельно широко. Примечательно, что у ее участников отсутствуют еще «восточноевропейский комплекс» и намерение отгородиться от России, даже большевистской. В федерации были представлены русские историки-эмигранты, эпизодические контакты имели с ней и советские слависты, несмотря на отказ Академии наук СССР от сотрудничества, что с удовлетворением констатировал Покровский. В рамках федерации велась дискуссия о релевантности этнославянского и регионального подходов, в которой особую активность проявили польский историк О. Халецкий, впоследствии обосновавший понятие «Центрально-Восточная Европа», и чешский историк Я. Бидло.

Накануне Второй мировой войны понятия «Центральная Европа» и «Восточная Европа» присутствуют в лексиконе советских руководителей. В частности, их употреблял в 1939 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов. В секретном дополнительном протоколе к пакту Молотова – Риббентропа в Восточную Европу включались Прибалтика (в том числе Финляндия), Польша и Бессарабия, которая характеризовалась как «юго-восток Европы».

С конца 1930-х годов на волне противостояния славянства германскому натиску в СССР начинает возрождаться славяноведение, причем с сильным акцентом на этническое родство и общность исторических судеб изучаемых народов. Сектор славяноведения создается в Институте истории АН СССР. В Московском государственном университете с 1 сентября 1939 г. функционирует кафедра истории южных и западных славян, название которой воспроизводит традиционную классификацию славянских языков и ограничивает сферу деятельности зарубежным славянством.

В 1942 г. разделявшие постулаты марризма В.И. Пичета и У.А. Шустер в своем очерке истории советского славяноведения отрицали формирование трех ветвей славянства в результате миграционных процессов [7. С. 225, 229]. При этом историки-слависты (Пичета – с дореволюционным стажем, Шустер – представитель советской генерации) широко пользовались понятиями «восточные», «южные» и «западные славяне», обходясь без каких-либо региональных обозначений. Правда, деление славян по языковому признаку вследствие компактного проживания всех трех групп задавало также определенные региональные рамки.

СССР начинает позиционировать себя в качестве крупнейшей славянской державы, что в условиях войны и коренного послевоенного переустройства Европы играло немаловажную роль. В Москве в 1947 г. основывается Институт славяноведения АН СССР, которому предстояло стать ведущим исследовательским центром в своей области.

В период существования «железного занавеса» дихотомия Восток – Запад на европейском континенте проявлялась предельно четко. Как никогда раньше была очевидна реальность «большой» Восточной Европы. Со складыванием

в Европе социалистического лагеря в СССР возник политический заказ на выделение его в особый объект изучения. В год Пражской весны и провозглашения на съезде Польской объединенной рабочей партии «доктрины Брежнева» внимание к зарубежной социалистической Европе еще более возросло. Когда в 1968 г. вследствие ужесточения идеологического контроля за наукой Институт истории АН СССР был разделен на отечественную и зарубежную части, Институт славяноведения пополнился специалистами по неславянским народам, среди которых преобладали участники социалистического проекта — венгры, румыны, албанцы. Однако проводившие реорганизацию не были последовательными: в сфере интересов института утвердились также капиталистические Греция и Австрия.

В связи с произошедшими переменами Институт славяноведения был переименован в Институт славяноведения и балканистики. Новое название стало компромиссом между традиционной ориентацией на этничность и региональным подходом. Однако оно не охватывало всего изучаемого ареала, не распространяясь на неславянские народы за пределами Балканского полуострова, прежде всего Венгрию. Изъяны гибридной терминологической конструкции были компенсированы широким распространением в исследовательском обиходе двух сугубо региональных обозначений: Центральная Европа и Юго-Восточная Европа. Они употреблялись столь часто, что вошло в привычку использование понятной лишь специалистам аббревиатуры ЦЮВЕ.

Генезис указанной практики проясняет библиография трудов Института славяноведения до официального расширения сферы его деятельности. В 1950-е годы встречается формула *Центральная и Восточная Европа*, которая использовалась в серии средневековых памятников, публикуемой совместно с Институтом истории. В 1963 г. фиксируется формула *Центральная и Юго-Восточная Европа*, причем возникает она в связи с планированием исследований по послевоенной проблематике [8. С. 295], что подтверждает значимость влияния на терминологию политического фактора. В 1966—1967 гг. эти названия регионов используются все чаще и с большей исторической глубиной.

В понимании советских ученых Центральная Европа включала Польшу, Чехословакию и Венгрию, а Юго-Восточная Европа совпадала с Балканским полуостровом. При этом не все государства, которые принято считать балканскими, географически полностью расположены в пределах полуострова. Аргументы в пользу надэтнического регионального единства Балкан находят не только историки, но также лингвисты (балканский языковой союз) и культурологи (балканская мифология, балканский фольклор, балканская музыка и т.д.).

Большой вклад в утверждение представлений о ЦЮВЕ внес компаративистский, междисциплинарный и в известной степени международный проект Института славяноведения и балканистики по изучению переходного периода от феодализма к капитализму (т.е. начала модернизационных процессов), в рамках которого в 1970—1980-е годы увидели свет полтора десятка книг, в основном тематических сборников статей. Обобщения в масштабах регионов делались И.С. Миллером, В.А. Дьяковым, А.С. Мыльниковым, Т.М. Исламовым, В.Н. Виноградовым и В.И. Фрейдзоном, представлявшими различные славистические и неславистические страноведческие специализации [9]. В центральноевропейских исследованиях был замечен специфический подход унгаристов, не всегда готовых работать в русле терминологических традиций славяноведения. В целом же, мотивированное политическими реалиями

организационное решение оказалось продуктивным для разработки фундаментальных научных проблем.

После дезинтеграционных катаклизмов рубежа 1980–1990-х годов общность исторического пути «большой» Восточной Европы была в значительной мере утрачена. Идея консолидированно осуществить трансформацию и интегрироваться в мировую систему не нашла необходимой поддержки. Прекращается деятельность региональных органов социалистического содружества, в результате распада трех федераций удваивается число славянских государств, возникают непризнанные или частично признанные государственные образования, многие постсоциалистические страны вступают в НАТО и Европейский Союз. Запускается процесс регионального реформатирования континента [10], одним из следствий которого становится использование термина «Восточная Европа» преимущественно в узком смысле – применительно лишь к Европейской части постсоветского пространства, причем, как правило, с исключением из него бывшей советской Прибалтики.

В 1997 г., когда ситуация на Балканах отличалась крайней нестабильностью, Институт славяноведения и балканистики РАН лишился второй части своего названия, вернувшись к изначальному варианту. Возможно, таким образом подчеркивалась миссия института в качестве центра изучения славянского мира, который не исчез, тогда как социалистический лагерь с его значительным неславянским компонентом существовать перестал. Неоднозначное решение отразилось в изменении названий подразделений института (например, Отдел истории славянских народов Центральной Европы в Новое время и Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, которые продолжают заниматься не только сугубо славянской проблематикой).

После распада СССР пространственный ареал исследований российских славистов расширился за счет Украины и Белоруссии, которые изучались ими и раньше, но для историков не были, как правило, объектом специального внимания. Украинистика и белорусистика стали преимущественно уделом полонистов, более подготовленных как в языковом, так и в регионоведческом отношении. В гораздо большем объеме и без прежней оглядки на разделение труда между научными учреждениями славистами стала разрабатываться русская проблематика. В 1999 г. в Институте славяноведения был образован Отдел восточного славянства. Таким образом, по своему пространственному охвату российское славяноведение приблизилось к канону славистики в неславянских странах. В ходе второго расширения его предметной области возросло внимание и к некоторым неславянским народам. В первую очередь российское славяноведение дополнилось изучением истории и культуры евреев Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы – проблематики, многие десятилетия практически табуированной для советских исследователей.

Важным региональным маркером является региональная идентичность, которая при всей своей устойчивости способна меняться. В частности, она восприимчива к импульсам географии престижа. Приходится констатировать падение престижности восточноевропейской и балканской идентичностей, обремененных рядом негативных коннотаций. Не лучшие времена переживает и славянская идентичность – осознание причастности к суперэтнической славянской общности, находящее свое выражение в проявлениях славянской взаимности. При этом следует подчеркнуть, что не во всех регионах принадлежность к славянству в одинаковой степени утрачивает значение ценности.

Наряду с европейской (общеевропейской) идентичностью весьма востребована идентичность центральноевропейская: в Центральной Европе комфортно позиционировать себя жителям как северной части Балканского полуострова, так и западной части постсоветского пространства. В силу этого границы Центральной, Юго-Восточной и Восточной (в узком смысле) Европы становятся еще более неопределенными и подвижными. Сегодняшняя Центральная Европа демонстрирует свое единство приверженностью сотрудничеству в вишеградском формате и схожей реакцией на миграционный кризис в ЕС.

Латвия и Эстония предпочитают подчеркивать свою общность со Скандинавией (в прошлом существовал даже специальный термин *Балтоскандия*). В названных странах было с удовлетворением воспринято отнесение их и Литвы к Северной Европе статистическим отделом ООН. Таким образом, три постсоветских государства оказались в одном ряду не только с благополучными скандинавскими странами, но и с Великобританией, решительно дистанцировавшись от Восточной Европы. Согласно этой классификации, Сербия, Черногория, Хорватия, Македония, Босния, Албания и Словения включены в Южную Европу, сближаясь с Италией и Испанией. К Восточной Европе по далеко не бесспорному решению подразделения ООН наряду с Россией, Украиной, Белоруссией и Молдавией отнесены все страны вишеградской группы, Болгария и Румыния [11].

Итак, география престижа стимулирует ментальный исход из Восточной и Юго-Восточной Европы в Европу Центральную (Центрально-Восточную), Северную и Южную, позволяющий усилить ощущение причастности к европейской цивилизации и коллективному Западу.

Продолжая работать преимущественно с терминами *Центральная* и *Юго-Восточная Европа*, российские слависты стремятся глубже осмыслить специфику данных регионов. Это побудило заниматься как историографией (сборники 1996–2000 гг. о понимании Центральной Европы под редакцией полониста и украиниста А. И. Миллера, унгариста А. С. Стыкалина и богемиста Э. Г. Задорожнюк [12–14]), так и исторической антропологией (издаваемые с 2002 г. сборники «Человек на Балканах», в которых ведущая роль принадлежала югослависту А. Л. Шемякину, с особым фокусом на модернизационные процессы, а следовательно, место балканских народов в Европе). Проблематика интересующих нас регионов присутствует в имагологических исследованиях славистов, начатых изучением представлений друг о друге русских и поляков и продолженных на русско-сербском и русско-украинском материале [15].

Сегодня российские слависты гораздо больше и успешнее, чем в советский период, анализируют современные процессы, причем в соответствующих трудах доминирует именно региональный подход. Исследователи, как правило, благожелательно относятся к центральноевропейской и балканской идентичностям, видя в них естественный противовес актуальной версии глобализации, залог сохранения исконных культурных кодов и самобытности. В балканском случае эти коды выражены контрастнее и колоритнее, тогда как особую центральноевропейскую идентичность охарактеризовать сложнее. При этом для российских ученых существенным является отношение носителей данных идентичностей к России. Влиятельной делается мысль о том, что на части постсоветского пространства и в демонстрирующих евроскептицизм постсоциалистических странах можно будет сберечь традиционные европейские ценности [16]. В такой постановке возрождается представление о Восточной Европе в широком смысле.

Вместе с тем в российской литературе высказывалось мнение, что Центральная Европа – понятие не цивилизационное, а сугубо географическое. Это географический центр Европы, но вовсе не эталон европейскости, находящийся на западе континента. Центральная Европа воспринимает приходящие от туда импульсы и транслирует их дальше на восток, испытывая одновременно обратное воздействие восточных соседей. Иными словами, название региона не должно вводить в заблуждение при изучении центр-периферийных отношений. В этой связи предлагалось ввести в употребление термин *Средняя Европа* [8. С. 95–96].

В качестве региональных терминов в России стали широко употреблять понятия «постсоветского пространства», «ближнего зарубежья» и «Новой Европы». Обозначаемые ими территории отчасти совпадают, а сами термины вызывают критические суждения. Дискриминационный смысл усматривается в терминах «ближнее зарубежье» и «Новая Европа»: в первом видят неравноправную трактовку Россией ее соседей, а во втором – игнорирование давней принадлежности новых членов ЕС (иногда даже называемых младоевропейцами) к европейскому цивилизационному кругу. Неодинаково в разных странах воспринимается советское прошлое, что сказывается на готовности использовать определение *постсоветский*.

В России встречается и менее распространенная региональная нарезка. Так, изучающий современные процессы Институт Европы РАН создал Отдел исследований Центральной и Восточной Европы, в который входят Центр вишеградских исследований, Центр прибалтийских исследований и Центр белорусских исследований, а также Отдел Средиземноморья и Черноморья, в который включен Центр по изучению балканских стран и стран Южного Кавказа.

Некоторые термины пришли в российскую науку извне. Это прежде всего относится к понятию «Центрально-Восточной Европы». Конструирование данного региона началось давно, но лишь в 1990-е годы, когда продвижение термина было поддержано сетью институтов Центрально-Восточной Европы, он начал использоваться достаточно широко. Главным интеллектуальным донором выступила Польша (*Europa Środkowo-Wschodnia*), основными же реципиентами явились постсоветские европейские государства. Ключевая новация состоит в расширении Центральной Европы в восточном направлении путем их включения в регион: Центрально-Восточная Европа – это не центральная часть Восточной Европы, а восточная часть Центральной Европы, которая простирается до Смоленщины и Приазовья. Такого рода предложение, сулящее приобщение к европейскости, оказалось привлекательным для украинцев, белорусов и литовцев. Максимально широкое понимание Центрально-Восточной Европы включает бывшую советскую Прибалтику и Балканы.

В России термин «Центрально-Восточная Европа» также получил известное распространение, используясь, как правило, без учета его генезиса и особенностей современного бытования. Вместе с тем он встретил весьма скептический прием: продвижение термина связали с политически мотивированным стремлением оторвать от России близкие ей культурой и исторической судьбой восточнославянские народы, а также поместить россиян вне рамок Европы². В исторической ретроспективе Центрально-Восточная Европа мыслится

---

² В этой связи сторонники проекта Центрально-Восточной Европы порой благосклонно оценивают еврайзизм, хотя его основатели последнего включали в Евразию абсолютное большинство территорий, принадлежавших ранее Российской империи.

как регион, сформировавшийся в границах государственных образований имперского типа — Речи Посполитой и Австрийской империи (Австро-Венгрии). Трудно отрицать большое значение опыта длительного пребывания народов в составе указанных многонациональных государств. Однако и абсолютизировать этот опыт, игнорируя другие исторические периоды и факторы, не представляется правильным. Особое внимание обращается на то, что в Центрально-Восточную Европу включается вся современная государственная территория Украины без учета ее ярко выраженной региональной неоднородности. Более корректным считается говорить не о Центрально-Восточной Европе, а о Центральной и Восточной Европе.

Стоит отметить, что и за пределами России понятие Центрально-Восточной Европы не вытеснило альтернативных терминов. В программе II конгресса зарубежных исследователей истории Польши (Краков, 2012 г.) достаточно много упоминаний о Центральной Европе³. Проект Центрально-Восточной Европы и родственный ему проект Междуморья испытывают растущую конкуренцию со стороны Инициативы трех морей, с которой выступили в 2015 г. президенты Польши и Хорватии. Центральная Европа в ней получает расширение не на восток, за пределы ЕС, а преимущественно в южном направлении, вплоть до Адриатики.

Весьма востребованным сделалось различие Западных и Восточных Балкан, отразившее, в частности, процесс вхождения стран полуострова в НАТО и Европейский Союз. В российской науке наряду с определением *южнославянский* продолжает использоваться более узкое определение *югославянский*, служащее для обозначения народов Югославии. Эквивалентом этого давно существующего термина стало более новое понятие *постъюгославское пространство*.

Понимание регионального строения Европы невозможно без изучения мира империй. Новая история империй, занявшая в последние десятилетия видное место в ведущих историографиях, получила значительное развитие и в России. Российские слависты, надо сказать, обратились к изучению империи Габсбургов и Османской империи, активности Российской империи на Балканах и польско-го национально-освободительного движения еще в советские времена. Исследование империй побуждает мыслить в региональном формате: империя является сложной системой регионов, ее саму можно рассматривать в качестве отдельного региона, в Европе долгое время существовал макрорегион континентальных империй [18—19].

В образовательной практике постсоветской России сохраняют актуальность гибридные формулы. Так, в 2002 г. в Санкт-Петербургском государственном университете была создана кафедра истории славянских и балканских стран. В Российском государственном гуманитарном университете с 2007 г. существует кафедра славистики и центральноевропейских исследований, имеющая филолого-страноведческий профиль и уделяющая особое внимание контактам славян с неславянскими народами.

Итак, от традиционного деления Европы на славянский, германский и романский миры, *Pax Orthodoxa* и *Pax Latina* осуществился переход к представлениям о полиэтнических и поликонфессиональных макрорегионах. Становление регионального подхода в российском славяноведении было сопряжено с обращением к изучению соседствующих со славянами неславянских (германских, финно-угорских, романских, тюркских и др.) этносов, интерес к которым мотивировался их контактами со славянством. Региональные

³ Ряд материалов конгресса по интересующей нас проблематике опубликован [17. S. 149—189].

исследования в России ощутимо потеснили «чисто» славистические, хотя во всех дисциплинах славистического комплекса сохраняется пласт тем, разрабатываемых в русле классического славяноведения. Компаративистика, кросс-культурные исследования, труды в русле *entangled history* предполагают, как правило, именно региональную оптику. Как в советские, так и в постсоветские времена российские слависты внесли ощутимый вклад в развитие регионоведения.

Региональной терминологии свойственны аксиологические коннотации, она весьма чувствительна к разного рода геополитическим проектам, нацеленным на конструирование регионов. Российские слависты проявляют интерес к регионоведческим новациям зарубежных коллег и их понятийному аппарату, но в основном продолжают ориентироваться на отечественные научные традиции, анализ которых в этой связи становится тем более важным. Обсуждение терминологических вопросов имеет принципиальное значение для международного диалога ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. М., 1993. Кн. 1.
2. Соловьев В. С. Мир Востока и Запада // Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. М., 1989. Т. 2.
3. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. М., 1993. Кн. 2.
4. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997.
5. Покровский М. Панславизм на службе империализма // Правда. 1927. № 142.
6. Аксенова Е. П. Федерация исторических обществ Восточной Европы и русские ученые-эмигранты // Славянский альманах. 2013. № 18.
7. Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942.
8. Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996.
9. Горизонтов Л. Е. Александр Мыльников – исследователь славянского мира // Мыльников А. С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. СПб., 2016.
10. Улуян Ар. А. Новая политическая география. Переформатируя Евразию. Историзированные зарубежные геоконцепты. Конец XX – начало XXI в. М., 2009.
11. ООН придала Эстонии, Латвии и Литве статус государств Северной Европы // <https://www.newsru.com/world/09jan2017/status.html>
12. Центральная Европа как исторический регион. М., 1996.
13. Центральная Европа в Новое и Новейшее время. (Сборник к 70-летию Т. М. Исламова). М., 1998.
14. Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000.
15. Gorizontov L. Stereotypy wzajemnego postrzegania się w rosyjsko-polskiej historii. Uwagi o charakterze historiograficznym // Narody & stereotypy 25 lat później: Nowe granice, nowe horyzonty. Kraków, 2015.
16. Горизонтов Л. Е. Евроскептицизм в Центральной и Юго-Восточной Европе как исследовательская проблематика // Между Москвой и Брюсселем. М., 2016.
17. Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne. 2013. № 4.
18. Горизонтов Л. Е. Славянские народы и империи в долгом XIX веке. Размышления о векторах исследований // Российское славяноведение в начале XXI века: задачи и перспективы развития. Материалы всероссийского совещания. М., 2005.
19. Горизонтов Л. Е. Империя в регионе, империя-регион, империя регионов // Регіональна історія України. 2008. Вип. 2.

ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ПОЛЬСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

© 2019 г. Р. Стобецкий

Д-р ист. наук, профессор Лодзинского университета

E-mail: rafal.m.stobiecki@gmail.com

Вклад польских интеллектуалов XX в. в дискуссию о границах и историческом своеобразии Центральной (Центрально-Восточной) Европы, идентичности и историческом сознании ее жителей рассматривается в широком контексте истории науки и политической мысли. Основное внимание уделяется наследию эмигрировавших в США историков О. Халецкого и П. Вандыча, писателя Ч. Милоша.

The contribution of Polish XXth century intellectuals to the discussion about the borders and historical peculiarity of Central (East Central) Europe, identity and historical consciousness of its inhabitants is considered in a broad context of the history of humanities and political thought. The focus is on the heritage of emigrated to the USA historians O. Halecki and P. Wandycz, as well as writer Cz. Milosz.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, Центральная Европа, Восточная Европа, границы, геополитика, историческое своеобразие, историческое сознание, идентичность, О. Халецкий, П. Вандыч, Ч. Милош.

Keywords: East Central Europe, Central Europe, Eastern Europe, borders, geopolitics, historical peculiarity, historical consciousness, identity, O. Halecki, P. Wandycz, Cz. Milosz.

DOI: 10.31857/S0869544X0004733-9

«Восточная Европа послужила Европе Западной прототипом для самой первой модели “неразвитости”; сегодня мы применяем концепцию “неразвитости” к самым разным странам земного шара».
Л. Вульф [1. С. 42]

«Писать о Центральной Европе значит писать об истории определенного географического региона, о сосуществовании взаимно исключаящих или дополняющих друг друга идентичностей, которые борются за преобладание или за выживание»

в обособленном мире, которые сталкиваются или сотрудничают — все зависит от конкретного исторического момента. Центральная Европа лишена идеального значения, ее историческая дорога не означает пути от какого-то отдаленного истока к цели, являющейся реализацией, пусть еще далекой, определенных намерений. Центральная Европа является результатом продолжительной борьбы с условиями, которые по сути своей всегда ей не благоприятствуют, и именно это, эта непрерывная борьба одновременно служит фактором, обеспечивающим ее целостность, хотя целостность очень хрупкую».
С. Шкрабец [2. S. 31–32]

I. Приведенные выше два эпиграфа американского историка и словенского литературоведа, как мне представляется, хорошо передают идейное послание настоящей статьи. Ее главной целью является комплексный анализ взглядов польских интеллектуалов на феномен Центральной Европы/Центрально-Восточной Европы (эти термины, полагаю, можно считать синонимами). Из-за ограниченного объема текста я хотел бы обратиться к наследию трех человек. Двух историков-эмигрантов, профессоров американских университетов, Оскара Халецкого (1891–1973) и Петра С. Вандыча (1923–2017), а также Чеслава Милоша (1911–2004) — еще одного представителя академического сообщества (на протяжении многих лет он был профессором славянских литератур в Калифорнийском университете в Беркли), но прежде всего поэта и прозаика. Все они, на различных площадках и выступая в неодинаковом качестве, приняли участие в послевоенных дискуссиях, касающихся понимания Центральной (Центрально-Восточной) Европы, ее роли в европейской истории и культуре. Таким образом, представленный материал позволит проанализировать польский вклад в данную дискуссию, которая с переменной интенсивностью продолжалась весь послевоенный период вплоть до 1989 г., да и сейчас вовсе не утратила своей актуальности.

Рискуя допустить определенное упрощение, можно констатировать, что дискуссия о Центральной Европе концентрировалась вокруг трех взаимосвязанных категорий, своего рода триады, определяющей способы мышления об этом культурном феномене. Таковыми были и остаются до сих пор понятия пространства, истории и идентичности. При обращении к первому из них делались попытки обозначить географические границы Центральной (Центрально-Восточной) Европы. В этом случае мне хотелось бы рассмотреть работы О. Халецкого, касающиеся локализации Центральной (Центрально-Восточной) Европы на геополитической карте континента. Говоря о прошлом интересующего меня феномена, я буду апеллировать к работам П.С. Вандыча, автора одной из наиболее известных обобщающих книг по истории региона, переведенной на более чем десятке языков, «Цена свободы. История Центрально-Восточной Европы от Средневековья до современности». Наконец, рассуждая о широко понимаемой идентичности жителей региона, обращусь к высказываниям Ч. Милоша, автора «Родной Европы», а также многих других эссе на эту тему.

II. У дискуссии по вопросу, что такое Центральная (Центрально-Восточная) Европа, длинная родословная. Здесь не место для ее детального изложения,

однако следует напомнить о ряде моментов вводного характера. Как широко известно, рассматриваемое понятие (в этом случае следовало бы, скорее, иметь в виду термин «Центральная Европа») возникло в начале XX в. в немецкой литературе. Категория *Mittleuropa* (Срединная Европа) была детально описана немецким географом и профессором Бреславского (Вроцлавского) университета Йозефом Парчем. В 1903 г. он опубликовал на английском языке книгу «Центральная Европа» («Central Europe»), которая в следующем году вышла по-немецки под заглавием «Mittleuropa» [3. S. 23; 4]. В период Первой мировой войны под влиянием известного сочинения Фридриха Наумана «Mittleuropa» (1915 г.) установилась тесная связь рассматриваемого термина с германскими планами экспансии в данной части Европы. Они утратили актуальность в результате поражения Германии в Первой мировой войне, но это не значит, что само понятие, сильно связанное с политикой великих держав, прежде всего, конечно, Германии, вовсе исчезло из публичного дискурса.

Однако после 1918 г. центр тяжести дискуссии о Центральной (Центрально-Восточной) Европе переместился в такие государства, как Чехословакия, Польша и Венгрия. Несмотря на предпринимавшиеся попытки, интеграционные планы в отношении этого региона Европы успеха не имели.

Новым явлением стало включение интересующего меня понятия в историографическую дискуссию. С этой точки зрения существенную роль сыграл доклад О. Халецкого на V Международном конгрессе исторических наук в Брюсселе в 1923 г. [5]. Хотя польский историк еще использовал термин «Восточная Европа» («Europe Orientale»), смысл выступления был однозначным. Доклад явился попыткой обратить внимание на культурное своеобразие данной части Европейского континента. В межвоенный период в инициированную польским ученым дискуссию включились, в частности, Марцелий Хандельсман и Ярослав Бидло. Она развернулась на варшавском Международном конгрессе исторических наук в 1933 г., где впервые была создана секция истории Восточной Европы. Концепция чешского историка, вдохновленная славянофильскими идеями, исходила из видения европейского Востока, ограниченно греко-православным и славянским миром, который необходимо противопоставлять западному, романо-германскому в основе своей, миру. Полемизируя с Бидло, Халецкий убеждал, что Восточную Европу нельзя сводить к одним славянским странам, и обращал внимание на взаимопроникновение в регионе, особенно на Украине и в Белоруссии, влияний римско-католического и византийско-православного миров.

После 1945 г. дискуссия о Центральной (Центрально-Восточной) Европе в очередной раз сделалась заложницей политики великих держав. В находящихся в сфере советского доминирования странах любая попытка акцентирования своеобразия этого региона фактически ставила под сомнение роль СССР в качестве гегемона. Одновременно в западной, особенно французской, но также и американской, научной практике исследования истории Центрально-Восточной Европы нередко становились, в соответствии с неписаным правилом эпохи холодной войны, частью русистики (Russian studies). Доминирование СССР в Центральной (Центрально-Восточной) Европе часто порождало убеждение, что входящие в нее страны не могут существовать самостоятельно и коммунизму, предоставившему им шанс модернизации, было суждено стать средством преодоления многовековой отсталости. В плоскости культуры делались попытки лишить Центрально-Восточную Европу ее идентичности, превратив в часть истории России, а позднее советской империи. Реакцией на это

явились, в частности, важные работы о Центрально-Восточной Европе, опубликованные в 1980-е годы, когда интересующая меня дискуссия проходила очередную свою фазу [6–7].

Отмеченное выше геополитическое обременение дискуссии о феномене Центральной (Центрально-Восточной) Европы сопутствует ей по сей день. Как метко указал современный норвежский исследователь Ивэр Б. Нойманн, «использование определения “Центральная Европа” (а также “Восточная Европа”, “славянская Европа”, “младшая Европа” или “Центрально-Восточная Европа”. — *P.C.*) является политическим актом, независимо от того, в рамках какого дискурса это делается», поскольку такое наименование «свидетельствует, что другие идентичности, которые позиционируются под другими названиями, имеют меньше шансов на признание их в качестве существенных» [8. S. 207; 9. S. 125].

Понятия «Центральная Европа», «Центрально-Восточная Европа» или категория в большей степени политологического характера «Междуморье» (пространство между Балтийским и Черным морями) в значительной мере совпадают территориально. В польском публичном дискурсе межвоенного периода подчеркивание особенностей этого пространства должно было являться способом защиты от опасности со стороны Германии и СССР. При этом на польской почве получила распространение апелляция к идеализированному образу Речи Посполитой до 1795 г. После 1945 г., когда Польша оказалась в коммунистическом лагере, рефлексия по поводу Центральной (Центрально-Восточной) Европы продолжала развиваться только в эмиграции. Лишь в 1980-е годы она вернулась в дискуссии, которые велись в самой Польше на страницах многочисленных неподцензурных самиздатовских публикаций.

III. Работы О. Халецкого «Пределы и разграничения европейской истории» («*The Limits and Divisions of European History*») и «Пограничья западной цивилизации. История Центрально-Восточной Европы» («*Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe*») наряду с книгой Фрэнсиса Дворника «Становление Центральной и Восточной Европы» («*The Making of Central and Eastern Europe*») ¹ заложили основания современного понимания термина. Еще один польский историк-эмигрант Мариан К. Дзевановский так писал о значении трудов Халецкого: «Несмотря на усилия ученых, в основном эмигрантов из Центрально-Восточной Европы, и поддержку их некоторыми просвещенными американцами [...], пространство между Германией и собственно Россией считалось тогда территориальным и цивилизационным придатком или геополитическим прицепом России; вследствие такой позиции данный регион серьезно не воспринимался в качестве самостоятельной области научных исследований. Халецкий был одним из тех, кто начал трудную, кропотливую, зачастую неблагодарную, прямо высмеиваемую кампанию, направленную на то, чтобы переломить это предубеждение относительно нашего региона, некоторыми исследователями вообще в Европу не включаемого, а большинством рассматриваемого в качестве Европы второго или даже третьего сорта» [10–11].

Халецкий выделял четыре цивилизационных пространства: Западную Европу, Центрально-Западную Европу, Центрально-Восточную Европу и Восточную Европу. В его концепции ключевое значение имели три вопроса. Во-первых, принадлежность Германии не к Западной, а к Центрально-Западной

¹ Издание на русском языке: Дворник Ф. Центральная и Восточная Европа в Средние века. История возникновения славянских государств. М., 2018.

Европе. Во-вторых, цивилизационное своеобразие Центрально-Восточной Европы, занимающей пространство между Германией и Россией. Наконец, в-третьих, место России в таком делении Европейского континента [12].

В каждом случае для обоснования своих тезисов Халецкий использовал несколько отличную аргументацию. Если говорить о Германии, то ее можно отнести к Центрально-Западной Европе, руководствуясь прежде всего этническим и политическим критериями. Речь шла, с одной стороны, о подчеркивании факта принадлежности германскому государству немецкой территории Священной Римской империи, а с другой, об оспаривании германских имперских планов, нашедших свое выражение в упоминавшейся уже концепции *Mitteleuropa* [13. S. 127–129].

В случае Центрально-Восточной Европы специфика региона обосновывалась более широко, с использованием нескольких критериев: религиозного (территория влияний католицизма и православия, причем подчеркивалось, что различия между этими двумя конфессиями менее значительны, чем между ними и протестантизмом), политического (территория, населенная народами, не создавшими национальных государств), а также этнического (относительное преобладание славянского элемента) [13. S. 130–132; 9. S. 142–144].

И наконец, отношение Халецкого к России. Существует мнение, что он был решительным сторонником исключения России из истории Европы [14; 15. S. 178–181; 16; 17. S. 161–204; 18. S. 135–170]. Несомненно, в этом убеждении есть большая доля правды, поскольку во многих высказываниях он подчеркивал цивилизационное своеобразие России.

В подтверждение своей позиции Халецкий цитировал не только Яна Кухажевского и Хенрыка Пашкевича, но также... Георгия Вернадского и Николая Бердяева². Польский историк приводил слова из «Русской идеи» о том, что «русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ» [13. S. 167]³. С этой точки зрения он оценивал российские попытки сближения с Европой, предпринимавшиеся со времен Петра I до правления Николая II, как поверхностные и малоубедительные. Окончательный предел им положила большевистская революция, в результате которой Россия стала образованием «уже определенно неевропейским, если не прямо антиевропейским» [13. S. 101].

Не означало это, однако, по мнению Халецкого, полного перечеркивания шансов на будущую европеизацию России (разумеется, не большевистской). Размышляя над тем, не говорят ли украинские и белорусские исторические связи с Центрально-Восточной Европой в пользу отнесения соответствующих регионов к Европе, он писал, что в случае положительного ответа Россию можно было бы рассматривать как «четвертый европейский регион или же как внеевропейскую державу, простирающую в глубь Азии» [13. S. 166; 20. S. 224].

Предложенное Халецким деление Европы, не прижившись в науке, инициировало, однако, очередную дискуссию о Центрально-Восточной Европе, на этот раз в западной литературе. Косвенным ее эффектом стало создание

² Ссылки на Г.В. Вернадского неоднократно появляются в работах Халецкого, причем с сильным акцентированием евразийских симпатий русского историка. О цивилизационном аспекте польско-русских отношений в творчестве историков-эмигрантов писал А. Менкарский [19. S. 29–33, 96–100].

³ Цит. по изданию: *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 44.

в Колумбийском университете в Нью-Йорке существующего поныне Центра Центрально-Восточной Европы, а также постепенное обособление в американской историографии исследований этого региона, проводившихся раньше в рамках *Russian studies* [15. S. 174–195; 21; 22]. Эхо подхода Халецкого можно обнаружить, например, в одиннадцатитомной незавершенной «Истории Центрально-Восточной Европы» («A History of East Central Europe») под редакцией Питера Ф. Шуги и Дональда В. Тредголда. Предложенное там понимание Центрально-Восточной Европы охватывает историю поляков, чехов и словаков, венгров, румын, народов бывшей Югославии, албанцев, болгар и греков. Как отмечают редакторы, в этом издании присутствуют также, в ограниченном объеме, история Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины [23. P. IX–X].

К концепции польского историка-эмигранта в 1980-е годы обратился венгерский исследователь Ено Сюч в работе «Три Европы». Он отверг выделение Центрально-Западной Европы и предложил деление Европейского континента на три части: Западную Европу, Центрально-Восточную Европу и Восточную Европу. По мнению венгерского историка, обособленность Центрально-Восточной Европы от Запада и Востока обусловлена различным пониманием соотношения государства, власти и общества. С одной стороны, заимствованные у Запада цивилизационные образцы имели в регионе неглубокие корни и свои специфические черты (например, в сословной системе Польши и Венгрии доминирующее положение заняло мелкое дворянство). С другой, в этой части Европы не прижились восточные образцы (огосударствление всего общества) [7].

С точки зрения общего смысла концепции О. Халецкого, ключевым являлся тезис о том, что историческая Европа не всегда совпадала с границами Европейского континента в географическом смысле, и, следовательно, любой разговор о ее прошлом должен учитывать данное обстоятельство.

IV. Перейдем теперь к историческому измерению дискуссии о Центральной (Центрально-Восточной) Европе. В этом случае внимание обращается на отличие от остальной Европы исторического опыта региона, прежде всего приобретенного за последние два столетия. Во-первых, в наибольшей степени его характеризуют отсутствие в XIX в. собственной государственности, многочисленные национальные и территориальные конфликты, вызванные свойственной региону мозаикой этнических групп, наконец, часто непонятный Западу синхронный опыт двух тоталитаризмов – коричневого и красного, а также связанное с первым из них уничтожение евреев. Во-вторых, фиксируемый в историческом дискурсе различных народов Центрально-Восточной Европы «синдром жертвы», особенно, возможно, выраженный у поляков и венгров. Усиливающий чувство отчуждения и комплексы по отношению к той, лучшей, как подразумевается, Западной Европе, способствующий укоренению в коллективном сознании народов своего рода исторического фатализма, уверенности в нестабильности и прерывистости исторических судеб. Наконец, в-третьих, сильно проявляющееся в обществах Центрально-Восточной Европы убеждение в принципиальной для национального бытия роли знания о прошлом как важнейшего цемента этнической связи. Данное явление связано с многократно поднимавшимся в последние годы вопросом о специфике исторической памяти жителей Центральной (Центрально-Восточной) Европы в сравнении с Западом и Россией.

Об этом свидетельствуют хотя бы споры вокруг известной речи министра иностранных дел Латвии Сандры Калниете, произнесенной в Германии

в лейпцигском Гевандхаусе 24 марта 2004 г. Она, в частности, говорила тогда: «50 лет история Европы писалась без нас. Победители во Второй мировой войне поделили всех на хороших и плохих, на правых и неправых. Лишь после падения “железного занавеса” исследователи получили доступ к архивным материалам и истории судеб жертв. Эти материалы свидетельствуют о том, что оба режима — нацизм и коммунизм, были в равной степени преступными. Нельзя ни в коем случае искать различия между ними только потому, что одна сторона принадлежала к числу победителей. Ее борьбу с фашизмом нельзя рассматривать как нечто навсегда снимающее вину с Советского Союза, который во имя классовой идеологии репрессировал миллионы невинных людей. Убеждена, что обязанностью нашего поколения является исправление этой ошибки. Проигравшие также должны писать свою историю, поскольку она заслужила прочное место в истории этого континента. В противном случае, описание истории останется односторонним, неполным и неправдивым» [24. S. 38; 25]⁴.

Предложенное П.С. Вандычем видение прошлого Центральной (Центрально-Восточной) Европы является важным элементом дискуссии об исторической специфике этой части континента. Недавно умерший профессор Йельского университета был автором не только «Цены свободы», но и одного из томов упомянутого американского коллективного издания обобщающего характера [26; 18. S. 233–268]. Он считал себя продолжателем дела Халецкого, а также британца Хью Сетона-Уотсона — зачинателя английских академических исследований интересующего меня региона. Именно им Вандыч посвятил свою «Цену свободы». Выбор этих двух выдающихся знатоков истории региона свидетельствует об укорененности автора в обеих историографических традициях [27], что, думаю, имеет существенные последствия для принятых в работе принципов, построения нарратива, а также ее общего смысла.

В предисловии к «Цене свободы» Вандыч подчеркивал, что понятие «Центрально-Восточная Европа» имеет в определенном смысле условный характер и появилось из-за потребности в «обозначении территории, которая не принадлежит полностью ни к Востоку, ни к Западу, но составляет как бы “срединную зону” или же включает “страны между Востоком и Западом”» [28. S. 11]. Кстати, следует отметить, что это «между» или своеобразное «зависание» данного региона присутствуют также в работах других исследователей, например, украинского историка Игоря Шевченко [29–30]. Вандыч отметил, что термин «Центрально-Восточная Европа» употребляется двояко: либо в различных вариациях применительно ко всему пространству между Балтийским, Адриатическим, Эгейским и Черным морями, либо для обозначения его ядра (heartlands), а именно Польши, Чехословакии (Чехии и Словакии) и Венгрии [28. S. 11]. Польский историк решил пойти вторым путем.

Понимаемую подобным образом Центрально-Восточную Европу Вандыч рассматривал в качестве интегральной части западной цивилизации. Это, однако, не означает, особенно в случае ее восточной границы, отсутствия влияния Византии или позднее — Османской империи. Многократно обсуждавшиеся

---

⁴ Т. Снайдер, в частности, писал: «Западноевропейцы смотрели на историю XX века как на арифметическое уравнение: один минус один. Нацистские ужасы были, по их мнению, нейтрализованы коммунизмом. Между тем, восточноевропейцы понимают это уравнение иначе: один плюс один. Советы были далеки от уравновешивания деяний нацистов: сперва они провоцировали их, затем копировали и, наконец, умножили дело разрушения, начатое Германией» [25. S. 56]. Содержащиеся в приведенных цитатах оценки вызывают решительное несогласие большинства российских историков.

в литературе границы Центрально-Восточной Европы Вандыч стремился рассматривать не как что-то «жесткое и непроницаемое» [28. С. 14]. Нахождение на стыке культур вызывало естественное их взаимопроникновение, примером чего может служить ориентализация польского и венгерского национальных костюмов.

В чем, по мнению Вандыча, заключалось и заключается в известном смысле поныне историческое своеобразие Центрально-Восточной Европы? Во-первых, характерной чертой этого исторического региона является отмечавшаяся по крайней мере со второй половины XIX в. многими исследователями, в том числе польскими (Юзеф Шуйский), «цивилизационная молодость (младшинство)», связанная с фактом, что регион сделался частью европейской общности лишь в X в., вследствие «великого вызова со стороны Запада — христианизации» [28. С. 18]⁵. Дальнейшими последствиями этой особенности стали экономические различия, аграрный характер обществ. Правда, Вандыч подчеркивал, что крестьяне Центрально-Восточной Европы не составляли никакого исключения и имели много общих черт с крестьянством Ирландии, Испании или некоторых частей Италии [28. С. 19].

Во-вторых, специфика региона заключалась в том, что развитие определенных институтов часто опережало социально-экономические реалии (исключение составляла только Чехия). Одним из примеров, иллюстрирующих эту особенность, может служить факт, что в Речи Посполитой шляхетская политическая демократия функционировала в рамках архаичной социальной структуры. В этом смысле к типичным чертам региона принадлежали своеобразный провинциализм в политике, менее развитая политическая культура, отсутствие модели достижения консенсуса, на котором основывалась американская система [28. С. 19].

В-третьих, Вандыч указывал на отсутствие континуитета традиции собственной государственности, в результате чего «произошел поворот к иной (отличной от западноевропейской. — *Р.С.*) концепции народа, окрашенной романтизмом, а также основанной на этнических и культурно-языковых критериях». Таким образом, согласно Вандычу, не столько многонациональный характер старой Польши, Венгрии или Чехии, «сколько перерыв в обладании собственной государственностью привел к выдвиганию на первый план национальных аспектов» [28. С. 20–21]. Эта особенность имела существенные последствия для народов региона в XIX и XX вв. Практически неизвестное в англо- и франкоязычных странах различие национальной принадлежности и гражданства сделалось «в Центрально-Восточной Европе чем-то принципиальным». Кроме того, характерная для Запада идея гражданского общества приобрела «сильную национальную окраску». Чужеземное господство способствовало тому, что гражданское общество стало оплотом национальной идентичности, что сопровождалось «специфической унификацией и нетолерантностью во имя совместной борьбы с ненациональными и антинациональными силами» [28. С. 21; 32. С. 145–152].

⁵ Несколько иначе эти вопросы интерпретирует Нил Пиз. Он обратил внимание на то, что работы Вандыча, касающиеся Центрально-Восточной Европы, отличает: 1) подчеркивание превосходства широко понимаемого духовного начала (не сводимого к одной религии) над материальным; 2) акцентирование значения вынесенной в заглавие книги категории свободы как реакции на годы отсутствия суверенитета и плохого правления (*misrule*) чужеземцев. В этом контексте рассуждения Вандыча сосредотачиваются на показе борьбы жителей Центрально-Восточной Европы с врагами свободы, как внешними, так и внутренними [31. Р. 84].

В-четвертых, по мнению польского исследователя, для истории Польши, Чехии, Словакии и Венгрии характерно значительное присутствие немцев и евреев, а также «их взаимодействие с местными народами». В случае с немецким элементом эти контакты были одновременно конфликтными и созидательными. Аналогичным образом дело обстояло и в христианско-еврейских отношениях. По примеру других исследователей Вандыч подчеркивал, что в течение многих лет, вплоть до момента эскалации антисемитизма, прежде всего до драматических событий Второй мировой войны, Центрально-Восточная Европа являлась гостеприимным и открытым домом для европейского еврейства, бегущего от угнетения и преследований [28. S. 23–24].

Наконец, в-пятых, доминантой истории народов Центрально-Восточной Европы польский историк счел борьбу за свободу, как в национальном измерении, так и в масштабе мировой истории. Однако акцентированная названием книги идея, согласно Вандычу, имела гораздо более горький вкус: у свободы была своя цена. Случалось, что ее платил народ, социальный класс, порой отдельно взятая личность. Так было в отдаленном прошлом, так происходит и в современный период, после обретения странами Центрально-Восточной Европы независимости [28. S. 25–26].

Резюмируя свои комментарии, хотел бы обратиться к исключительно актуальной, как мне представляется, метафоре, использованной П.С. Вандычем. Он называет Центрально-Восточную Европу «лабораторией» — местом произведения разного рода экспериментов и опытов. Напомню, что в свое время известный американский советолог польского происхождения Адам Улам назвал Центрально-Восточную Европу «лабораторией неоимпериализма», а в 1980-е годы писали и говорили о Польше как «лаборатории политических перемен».

Вандыч применил эту метафору сначала к истории Польши, а затем распространил ее на все страны Центрально-Восточной Европы. Согласно ему, этот регион «напоминает лабораторию, в которой испытываются разные системы» [28. S. 24]. Такой взгляд на историю Чехии, Польши, Словакии и Венгрии, а также, полагаю, соседних с ними стран служит обоснованию нескольких моментов. Во-первых, по мнению Вандыча, страны Центральной (Центрально-Восточной) Европы объединила своего рода «общность исторической судьбы», с которой они борются поныне. Во-вторых, это многократно подчеркиваемая в «Цене свободы» нестабильность, историческое «зависание» интересующего меня региона между Востоком и Западом, которое создавало и создает проблемы с идентичностью. В-третьих, это трагизм его истории, которая часто бывала и, как мы можем наблюдать сейчас, продолжает оставаться объектом политики великих держав. Пусть последняя фраза прозвучит сегодня с максимальной силой и станет своего рода историческим *memento*.

V. Дискуссия о Центральной (Центрально-Восточной) Европе это также спор об идентичности жителей данного региона, в связи с чем хотелось бы обратиться к суждениям Ч. Милоша. Польский лауреат Нобелевской премии многократно по разным поводам высказывался на эту тему. В «Родной Европе», изданной как 50-й том библиотеки парижской газеты «Kultura» (1959), он попытался раскрыть феномен места своего рождения и присущий своим землякам менталитет. Книга выростала из потребности «связать [...] родные окраины, мешанину их языков, религий и традиций не только с остальным европейским континентом, но и со всей, уже межконтинентальной, эпохой» [33. С. 13]. Называя себя «типичным восточноевропейцем», Милош считал «его *differentia specifica* [...] отсутствие чувства формы — как внутренней, так и внешней. При этом достоинства его — жадность

ума, пылкость в споре, чувство иронии, острота восприятия, пространственное или географическое воображение — следствие того же главного изъяна. Он всегда остается недорослем, которым правит неожиданный прилив или отлив внутреннего хаоса. Форма — достояние стабильных обществ» [33. С. 68].

Милош в полной мере осознавал экзотичность восточно- или центральноевропейской идентичности. Он многократно подчеркивал факт непонимания этой формы идентификации западноевропейскими интеллектуалами, а также российскими мыслителями, даже представляющими политическую эмиграцию (например, Иосифом Бродским) [34. S. 716; 25; 35]. Вопреки этому он старался доказать существование предпосылок культурного единства пространства Центральной Европы. Предпринимаемая попытка найти «специфически центральноевропейские воззрения или способы мышления», он обращал внимание на трудности, обусловленные отсутствием точных инструментов анализа [36. S. 3; 37]. В 1989 г. на страницах эмигрантской парижской газеты «Kultura» Милош писал: «Центральная Европа не является географическим понятием. Нелегко проложить ее границы, хотя, идя по улицам ее городов, сложно усомниться в ее упрямой жизни, будь то в моем барочном Вильно или по-иному барочной Праге или же в средневеково-ренессансном Дубровнике. Чувств и мыслей ее жителей должно хватить для проведения ментальных линий, которые представляются более постоянными, чем границы государств» [36. S. 4].

В понимании центральноевропейской идентичности большую роль Милош отводил истории и литературе. Первая проявлялась не только в архитектуре, но и в традиции университетов. По мнению автора «Родной Европы», в расположенных между Германией и Россией странах приходящие с Запада идеи были «разбавлены и переработаны», получив новое качество, а «местные обычаи обнаруживали большую живучесть» и институты обретали другие формы, чем в западной части Европы. Одновременно «общее и постоянно присутствующее» прошлое выполняло интегрирующую роль.

С точки зрения Милоша, в литературах региона присутствует другое, чем на Западе, осознание истории, определяемое ощущением угрозы со стороны более сильных и склонных к экспансии соседей (турок, русских, австрийцев, немцев), а «затруднительные ситуации в прошлом, вероятно, стимулирующим образом воздействуют на развитие духовной культуры» [36. S. 5]. Милош провел параллель между центральноевропейской и еврейской литературами, поскольку обе они питались «коллективной памятью и ощущением опасности» [36. S. 4].

В подобной ситуации, если следовать логике Милоша, у центральноевропейских народов имелись две возможные поведенческие стратегии. Первая из них вела к бегству в мир иллюзий и национальной мифологии, вспоминающих о древнем славном прошлом. Вторая основывалась на иронии. Униженная национальная гордость именно в ней находила лекарство от бед повседневной жизни. «Самая бытность поляком, чехом или венгром, — писал Милош, — делается предметом этой иронии и окрашивает их отношение к жизни». Символом подобной позиции являлся для польского поэта и прозаика бравый солдат Швейк, который «повторяет старую игру раба Эзопа со своим господином», превращая ее в постоянное занятие [36. S. 5].

Подобно М. Кундере или Данило Кишу, Милош высказывался за восстановление региональной исторической общности, которая сделалась бы фундаментом идентичности центральноевропейцев. Она была для него и символом высокой идеи, и проявлением тоски по утраченной «малой родине». Польский поэт считал себя гражданином старой Речи Посполитой, подчеркивал свою литовскость

и связи с Вильно. Общей чертой такого рода концепций, согласно современной исследовательнице, была не только реакция на постъялтинское разделение Европы, но и то, что Центральная Европа появляется в них как ответ на травматический военный опыт, а также выражение проблематичного отношения к собственной национальной идентичности и различным формам ксенофобии [38. S. 383].

Что особенно важно с перспективы сегодняшнего дня, в этом контексте, как заметил венгерский писатель Дьердь Конрад, быть центральноевропейцем означает «воспитывать, держать в узде наш национализм, национальный эгоизм» [39. S. 16].

VI. Рискую допустить определенное упрощение, можно заключить, что существовали и существуют две модели нарратива о Центральной (Центрально-Восточной) Европе. В рамках первой из них регион предстает как пространство образцового, практически идеального сосуществования различных культур, национальностей и религий, нарушенного вмешательством извне. Поэтому восстановление status quo ante является вопросом исторической справедливости, а также отвечает интересам всего Европейского континента, ибо именно этот регион может стать источником возрождения забытых уже на Западе ценностей.

В конкурирующей трактовке Центральная (Центрально-Восточная) Европа понимается как пространство бесконечных конфликтов и цивилизационной отсталости относительно Запада, которое является источником постоянных проблем для старшей, более зрелой Европы. Не подлежит сомнению, что польская рефлексия по поводу рассматриваемого региона, при всех возможных оговорках, вписывается в первую модель. Интеллектуалы, на которых я ссылаюсь, стремились своими высказываниями переломить трагический, фаталистический, пессимистический вектор дискуссии о феномене Центральной (Центрально-Восточной) Европы.

Сегодня, когда сплоченность этого региона, к которой призывает Симона Шкрабец, представляется очень хрупкой, быть может, пришло время, чтобы по примеру ее соотечественника Драго Янчара дать Центральной (Центрально-Восточной) Европе зеркало, «которое не идеализирует, но показывает ее истинный облик [...], в котором она увидит свое второе, отвратительное, зачастую искаженное ненавистью, алчностью и завистью лицо» [40. S. 76]. Ибо лишь подобная социотехническая процедура способна вернуть тому фантому коллективного воображения, каковым остается Центральная (Центрально-Восточная) Европа, подлинное содержание и жизненные силы, позволяющие изменить сознание людей, причем не только тех, которые проживают на землях «младшей» Европы.

Перевод с польского Л. Е. Горизонтова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
2. *Škrabec S.* Geografia wyobrażona. Koncepcja Europy Środkowej w XX wieku. Kraków, 2013.
3. *Podraza A.* Co należy rozumieć pod pojęciem „Europa Środkowa” na przełomie XX i XXI wieku // Europa Środkowa – nowy wymiar dziedzictwa. Kraków, 2002.
4. *Żyliński L.* Mitteleuropa (Europa Środkowa) i Międzymorze // Polsko-niemieckie miejsca pamięci. Warszawa, 2012. Т. 3.
5. *Halecki O.* L’Histoire de l’Europe orientale, sa division en époques, son milieu géographique et ses problèmes fondamentaux // La Pologne au Vème Congrès International des Sciences HistoriqueS. Bruxelles; Varsovie, 1923–1924.

6. *Kundera M.* Zachód porwany albo tragedia Europy Środkowej // *Zeszyty Literackie*. 1984. № 5.
7. *Szücs J.* Trzy Europy. Lublin, 1995; на рус. яз.: *Сюч Е.* Три исторических региона Европы // *Центральная Европа как исторический регион*. М., 1996.
8. *Neumann I.B.* Forgetting the Central Europe of the 1980s // *Central Europe. Core or Periphery?* Copenhagen, 2000.
9. *Sosnowska A.* Zrozumieć zacofanie. Spory historyków o Europę Wschodnią (1947–1994). Warszawa, 2004.
10. *Dziewanowski M.K.* Oskar Halecki – historyk Przedmurza i Międzymorza // *Wiadomości* (Londyn). 1973. № 47.
11. *Dziewanowski M.K.* Granice cywilizacji zachodniej // *Kultura* (Paryż). 1953. № 5.
12. *Korolov G.* «Dwie Europy Środkowe» Oskara Haleckiego w cieniu imperializmów // *Kwartalnik Historyczny*. 2017. № 4. S. 677–698.
13. *Halecki O.* Historia Europy – jej granice i podziały. Lublin, 1994.
14. *Kornat M.* Historyk Europy Środkowo-Wschodniej. Oskar Halecki (1891–1973) w nauce i życiu Polski // *Historik v proměnách doby a prostředí – 20. století*. Brno, 2009. S. 305–338.
15. *Filipowicz M.* Emigranci i Jankesi. O amerykańskich historykach Rosji. Lublin, 2007.
16. Oskar Halecki i jego wizja Europy. Łódź; Warszawa, 2012–2014. T. 1–3.
17. *Stobiecki R.* Historycy polscy wobec wyzwań XX wieku. Poznań, 2014.
18. *Stobiecki R.* Klio za Wielką wodą. Polscy historycy w Stanach Zjednoczonych po 1945 r. Warszawa, 2017.
19. *Mękarski A.* Między historiozofią a polityką. Historiografia Polski Ludowej w opiniach i komentarzach historyków i publicystów emigracyjnych 1945–1989. Warszawa, 2011.
20. *Wierzbicki A.* Europa w polskiej myśli historycznej i politycznej XIX i XX wieku. Warszawa, 2009.
21. *Wandycz P.* The Treatment of East Central Europe in History Textbooks // *The American Slavic and East European Review*. 1957. № 4. P. 515–523.
22. *Parafianowicz H.* Europa Środkowo-Wschodnia w amerykańskiej historiografii // *Przegląd Humanistyczny*. 1994. № 6. S. 97–109.
23. *Sugar P.F., Treadgold D.W.* Foreword // *Rothschild J.* East Central Europe between the Two World Wars. A History of East Central Europe. Seattle, 1974.
24. *Troebst S.* Postkomunistyczne kultury pamięci w Europie Wschodniej. Stan, kategoryzacja, periodyzacja. Raporty Centrum Studiów Niemieckich i Europejskich im. Willy Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław, 2005.
25. *Snyder T.* Obca i niezrozumiała historia Europy Wschodniej // *Nowa Europa Wschodnia*. 2008 № 1. S. 56–63.
26. *Wandycz P.* The Lands of Partitioned Poland 1795–1918. Seattle, 1974; *Wandycz P.* Pod zaborami. Ziemia Rzeczypospolitej w latach 1795–1918. Warszawa, 1994.
27. Piotr Wandycz: historyk, emigrant, intelektualista. Zbiór rozpraw. Bydgoszcz, 2014.
28. *Wandycz P.S.* Cena wolności. Historia Europy Środkowo-Wschodniej od średniowiecza do współczesności. Kraków, 2003.
29. *Ševčenko I.* Ukraina między Wschodem a Zachodem. Warszawa, 1996.
30. *Wandycz P.S.* Między Wschodem a Zachodem: Polska – Czechosłowacja – Węgry // *Wandycz P.S.* O czasach dawniejszych i bliższych. *Studia z dziejów Polski i Europy Środkowo-Wschodniej*. Poznań, 2009.
31. *Pease N.* Lessons Learned, Lessons Relearned. Piotr S. Wandycz on Recent East Central European History // *The Polish Review*. 2013. № 1.
32. *Wandycz P.S.* Odrodzenie narodowe i nacjonalizm (XIX–XX wiek) // *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*. Lublin, 2000. T. 2; на рус. яз.: *Алексюн Н., Бовуа Д., М.-Э. Дюкре, Ключовский Е., Самсонович Г., Вандич П.* История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009.
33. *Милов Ч.* Родная Европа. М.; Wrocław, 2011.
34. *Franaszek A.* Miłosz. Biografia. Kraków, 2011.
35. *Gorizontow L.* Rosyjska wizja Europy Środkowej: tradycje i dzisiejsza perspektywa // *Sensus Historiae*. 2013 № 4. S. 151–160.
36. *Miłosz Cz.* O naszej Europie // *Kultura* (Paryż). 1986. № 4.
37. *Miłosz Cz.* Szukanie ojczyzny. Kraków, 1992.
38. *Parfianowicz-Vertun W.* Europa Środkowa w tekstach i działaniach. Polskie i czeskie dyskusje. Warszawa, 2016.
39. *Czyżewski K.* Europa Środkowo-Wschodnia roku 1994, czyli jak być sobą // *Krasnogruda*. 1994. № 2–3.
40. *Jančar D.* Nowe lustro dla Europy Środkowej // *Jančar D.* Terra incognita. Warszawa, 1993.

ИЛЬЯ МОИСЕЕВИЧ ГЕЙЦМАН И ЕГО ПРОЕКТ ДЛЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1920 год)

© 2019 г. Н.Н. Станков

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

E-mail: stankov11@yandex.ru

В статье исследуются документы бывшего анархиста, сотрудника Народного комиссариата иностранных дел И.М. Гейцмана о политике РСФСР в отношении Чехословацкой республики. Рассматривая ЧСР как государство наиболее благоприятное для деятельности в пользу Советской России, Гейцман подготовил конкретные рекомендации для Народного комиссариата иностранных дел, Коминтерна и ВЧК.

In present article, documents of the former Anarchist and the Foreign Affairs Commissariat's official Ilya M. Geitzman related to the policy of Russian SFSR in the Czechoslovak republic are investigated. Geitzman considered Czechoslovakia as the most suitable state for the Soviet foreign policy. He prepared certain recommendations for the People's Commissariat of Foreign Affairs, Comintern, the Cheka (the All-Russia Extraordinary Commission to Combat Counter-revolution and Sabotage).

Ключевые слова: И.М Гейцман, В.И. Ленин, В. Гирса, Чехословакия, советская внешняя политика.

Keywords: Ilya M. Geitzman, V.I. Lenin, V. Girska, Czechoslovakia, the Soviet foreign policy.

DOI: 10.31857/S0869544X0004739-5

8 декабря 1920 г. председатель Совета народных комиссаров РСФСР В.И. Ленин, изучая поступившие документы, прочитал письмо сотрудника отдела Востока Наркоминдела Ильи Моисеевича Гейцмана, просившего об аудиенции. Внизу страницы Ленин сделал короткую запись – поручение председателю ВЧК Ф.Э. Держинскому и секретарю ЦК РКП(б) Л.П. Серебрякову: «Прошу заказать (или дать) справки, если есть, об этом человеке» [1. С. 59; 2. С. 374. Док. 444].

И.М. Гейцман не был совсем неизвестной личностью. Родился он в 1879 г. в г. Поневеж Ковенской губернии в семье учителя. Получил домашнее образование. Работал столяром в Двинске. В 1897 г. участвовал в забастовке столяров и был арестован. После освобождения работал в Бунде, вел агитацию и пропаганду в Двинске, Вильно и других городах Западного края. В 1901 г.

бежал с военной службы, эмигрировал в Англию, где примкнул к анархистам [3. С. 111]. В письме Ленину Гейцман напоминал, что в Лондоне в 1903 г. он присутствовал на его выступлениях и дискутировал с ним, когда Ленин выступал с рефератами о программе российской социал-демократии, о программе партии эсеров и террористической деятельности [4. Л. 1]. В 1905 г. Гейцман вернулся в Россию и активно включился в революционное движение, возглавлял организации анархистов-коммунистов в Северо-Западном крае, создавал боевые дружины, мастерские по изготовлению бомб, участвовал в подготовке ряда террористических актов, был одним из организаторов покушения на виленского полицмейстера. В 1907 г. арестован и сослан в Тобольскую губернию, откуда бежал. Но был вновь арестован и сослан на каторгу. С 1914 г. и до Февральской революции содержался в Иркутской тюрьме. Летом 1917 г. Гейцман издал «Манифест анархистов-коммунистов», в котором призывал идти «вместе с революционными массами», выступал за создание «революционных синдикатов» и «фабрично-заводских и сельскохозяйственных коммун». С осени 1917 г. сотрудничал с большевиками, был избран членом Центрального исполнительного комитета советов Сибири (Центросибирь), в котором возглавлял комиссариат иностранных дел. После падения советской власти Гейцман был на подпольной работе на Дальнем Востоке. Весной 1920 г. стал комиссаром иностранных дел в Хабаровском исполкоме [5. С. 14; 6. С. 112]. В сентябре он отправился в Москву. Путь из Владивостока через Китай, Индию, Цейлон, Италию, Австрию и Чехословакию занял более двух месяцев [4. Л. 1].

До Праги ехал в обществе чешской интеллигенции (врачей, инженеров, агрономов), подолгу с ними беседовал, выясняя их настроения, отношение к советской власти [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25]. Довольно близко сошелся с Вацлавом Гирсой, представлявшим в России Чехословацкую республику и руководившим до своего отъезда из Владивостока эвакуацией чехословацких легионеров. Гейцман писал, что В. Гирса «весьма крупная фигура» в Чехословакии, близкий друг президента Т.Г. Масарика и в ближайшее время можно ожидать его на посту министра иностранных дел ЧСР. Но Гейцман ошибся, в январе 1921 г. В. Гирса стал заместителем министра иностранных дел. А в ноябре 1920 г. он был назначен посланником ЧСР в Варшаву, что, как уверял Гейцман, противоречило его первоначальному плану, которыми он поделился с Гейцманом во время путешествия, а затем при встречах в Праге. Еще будучи во Владивостоке, Гирса намеревался «ехать в Москву с целью работать для славянского дела против Антанты», — отмечал Гейцман. Такое решение им было принято вследствие польско-советской войны, которую Гирса, по словам Гейцмана, считал «почти крахом славянства, выгодной лишь Антанте и возникшей по ее инициативе» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 32–33]. Назначением в Варшаву Гирса был крайне недоволен. «Ориентацию его правительства на Варшаву он считает ошибочным», — писал Гейцман. По его словам, цель поездки Гирсы в Варшаву помимо урегулирования частных вопросов о границах заключалась «главным образом в созидании и укреплении славянской Антанты, дабы славянские народы не играли б роли марионеток в руках союзников». Гирса же считал, подчеркивал Гейцман, что «фундамент славянского объединения» необходимо заложить в Москве. Он рассчитывал после Варшавы получить назначение в Москву. Гирса не скрывал, что не разделяет взглядов большевиков, но уверял, что «он друг России в целом и другом является прежде всего потому, что Чехии необходимо иметь крепкую опору в лице России». Гирса, по словам Гейцмана, был «крайне недоволен

оппозициями существующей власти в России», потому что поведение российской оппозиции власти большевиков «сопряжено с нескончаемой интервенцией», а «продолжение интервенции сулит России и всему славянству лишь бедствия и катастрофы». По этому поводу Гирса хотел поговорить с представителями российских социалистических партий. Очевидно, по его просьбе Гейцман встречался с одним из лидеров эсеров О.С. Минором, своим давним знакомым по тюрьме. Из этой беседы Гейцман вынес впечатление, что пока большевики находятся у власти, ничего положительного для России от эсеров ожидать не следует [7. П. 273. Д. 53928. Л. 33].

Накануне отъезда Гейцмана в Москву Гирса просил как можно чаще и полнее информировать его о положении дел в Советской России. Он утверждал, по словам Гейцмана, что улучшение информации для интересов России «нужнее, чем какая-нибудь дипломатическая миссия» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 34]. Гирса даже выразил готовность через два-три месяца приехать из Варшавы в Прагу специально для встречи с Гейцманом и достал ему визу «для беспрепятственного въезда в Чехию» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 34].

В Праге Гейцман встречался с главой советской миссии Красного Креста С.И. Гиллерсоном. Гейцман поделился с ним своими сведениями и предложил устроить встречу с Гирсой. Такая встреча состоялась, беседа длилась два часа. Но когда на следующий день Гейцман осведомился у Гирсы, какое впечатление произвел на него советский представитель, то последовал ответ «такого интимного характера, что невозможно передать его бумаге» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 33].

Вернувшись в Москву, Гейцман поступил на службу в отдел Востока Наркомата иностранных дел и составил на имя заместителя наркома Л.М. Карахана докладные записки о Дальнем Востоке и о Чехословакии [7. П. 273. Д. 53928. Л. 34]. На Карахана сам Гейцман и обе его записки произвели положительное впечатление, и теперь, как писал Дзержинский Ленину 9 декабря 1920 г., он «желает и с Вами поделиться своими соображениями» [2. С. 375. Док. 444; 4. Л. 2].

«Соображения» Гейцмана о политике Советской России в отношении ЧСР изложены в его «Докладной записке о текущем моменте в Чехии». По мнению автора записки, Чехословакия была уголком мира, в котором люди относились к Советской России «более объективно, чем где бы то ни было в Европе». Такое отношение Гейцман объяснял «многими причинами политически-культурного и психологического характера» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25]. В своей вековой борьбе с Габсбургским режимом чехи «привыкли искать опору и поддержку в России» и имели весьма веские основания думать, что враги чехов являются также врагами Советской России. Находясь между Польшей и Венгрией, Чехословакия вынуждена, по мнению автора, «волей-неволей все решительнее обращать свои взоры в сторону Советской России» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25].

Гейцман подчеркивает, что в культурном отношении Чехословакия «стоит довольно высоко». Борьба чехов против Габсбургов выразилась также в стремлении к высшему образованию. После распада империи «чешское общество в пределах своей маленькой страны сильно обременено избытком интеллигенции». Даже в империи, когда вся Австро-Венгрия была для нее открыта, чешская интеллигенция не всегда находила применение своим знаниям и силам в ее пределах и приезжала в Россию. Близость языков,

привилегированное положение интеллигенции в России способствовали их интеграции в российское общество. Теперь же, когда военные действия собрали их со всех сторон, а после демобилизации армии «резерв интеллигенции вырос колоссально», она, отмечает Гейцман, «буквально задыхается в теснинах своей маленькой родины, не находя себе ни места, ни занятий». Как считал Гейцман, часть из них могла бы приехать в Советскую Россию. Он писал, что во время путешествия из Владивостока в Прагу многие представители чешской интеллигенции охотно взяли у него адрес на случай, если не удастся устроиться на родине, приехать в Россию, где Гейцман как «активный советский работник» обещал им помочь. При этом «щедро отпускались комплименты советской власти, которая дает возможность служить всему народу, а не только купцам и генералам» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25].

Гейцман считал, что «психологически чехи нашего времени являются самым неустойчивым народом Европы». «Их убеждения, симпатии висят между большевизмом и английским консерватизмом», — писал он, не обременяя себя какими-либо пояснениями или обоснованиями. Главным стимулом современных настроений чехов является желание спокойно жить в независимой стране и прокормить свои семьи. Чехи меньше других мирились со своим зависимым положением в империи Габсбургов. Гейцман отмечает их очень глубокую ненависть к немцам и венграм, антагонизм с поляками, в связи с чем «наблюдается сильный уклон в сторону Советской России» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25].

Автор «Докладной записки» также подчеркивал, что чехи как народ культурный и «наиболее проникнутый славянскими традициями больше других страдает от глубокого падения славянского мира» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25об.]. Они считают, что славянские народы заплатили войне непосильную дань, а плоды победы присвоила Антанта. Они прекрасно понимают, что Антанта рассматривает их в качестве буфера между Советской Россией и Европой. Если странам Антанты потребуется в каких-либо комбинациях использовать Гогенцоллернов или Габсбургов, то они «вытащат их из архива для новой роли в истории», не задумываясь об интересах славянских народов. «Призрак реставрации Габсбургов все время не исчезает с политического горизонта Чехии, — писал Гейцман, — и наводит такой ужас на самых серьезных, самых видных общественных деятелей, от которого буквально последние теряют голову» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25об.].

Исходя из вышеизложенного, Гейцман делал вывод, что Чехословакия во всей Европе является наиболее благодатным полем «для деятельности в пользу Советской России». «Тем не менее, — писал он, — благодаря нашей халатности, нашей преступной расхлябанности, благоприятная почва в Чехии до сих пор не только не использовалась Советской Россией, но, наоборот, русский контрреволюционный лагерь успел пустить там глубокие корни, которые может быть удастся вырвать, но уже с большим трудом» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25об.]. Прага стала одним из европейских центров, где «русская контрреволюция свила себе просторное и прочное гнездо» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25об.]. Гейцман подчеркивает, что в ЧСР находится «моральный авторитет эсеровской партии»: О.С. Минор, В.М. Зензинов, В.И. Лебедев, Е.Е. Лазарев, И.М. Брушвит, «бабушка русской революции» Е.К. Брешко-Брешковская и многие другие [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26] (о российской эмиграции в ЧСР подробнее см. [8. С. 419–456; 9]). Именно эсерам Гейцман уделяет наибольшее внимание, рассматривая «контрреволюционный лагерь», который

развернул в Чехословакии бурную деятельность, издавая газеты, распространяя антисоветскую литературу, организовывая лекции, концерты, спектакли, создавая русско-чешские кружки для взаимного сближения и т.д. Вся эта многогранная деятельность преследовала, по мнению Гейцмана, следующие цели: во-первых, поддержать антисоветские настроения в среде русских эмигрантов; во-вторых, «вылавливать из этой среды те элементы, которыми можно поддержать слабеющие силы контрреволюционного лагеря», т.е. использовать для более активной работы как за границей, так и для поддержания связи с антибольшевистским подпольем в Советской России, для обмена информацией и т.д.; в-третьих, поддерживать антисоветские настроения у самих чехов. Главную свою задачу русский «контрреволюционный лагерь» видел в недопущении сближения между Чехословакией и Советской Россией. «Если чехи до сих пор относятся враждебно или, вернее, чуждаются России, то это надо объяснить исключительно пропагандой русских контрреволюционеров», — писал Гейцман. Он считал, что «между Чехией и Россией нет естественного антагонизма, он поддерживается искусственно внешними силами русской реакции, изгнанной революцией за границу, с одной стороны, с другой стороны, — Антантой» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 25об.].

Исходя из своих рассуждений, Гейцман наметил «практические задачи» деятельности в Чехословакии Наркомату иностранных дел, Коминтерну и ВЧК. По его мнению, советская дипломатия должна сосредоточить свое внимание на трех основных моментах. Во-первых, использовать в интересах Советской России славянские симпатии и настроения чехов. Гейцман считал, что «принцип славянства не противоречит такой или иной формуле политической власти, а дипломатия и советская не может в свою очередь козырять пролетарским интернационализмом», справедливо отмечая, что «эту задачу имеют другие учреждения Советской России». Во-вторых, «использовать растущую ненависть славянского мира вообще и чехов в особенности к Антанте». В-третьих, «непременно использовать антагонизм» между Польшей и Чехословакией. Гейцман считал, что «такой антагонизм имеется налицо» и более того, обе стороны мобилизуют свои силы «для серьезной схватки в удобный момент» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26].

Следует отметить, что все эти размышления не вполне соответствовали реальному положению дел. Во-первых, Гейцман слишком преувеличивал возможность использовать для развития отношений с Советской Россией славянские симпатии и настроения чехов. Политическая элита и значительная часть населения ЧСР с опасением относились к большевистскому режиму. С другой стороны, идея славянской взаимности была чужда большевикам. Она никак не согласовывалась с принципами пролетарского интернационализма, с идеей мировой революции, заботой о развитии коммунистического движения. Подавляющая часть документов В.И. Ленина, касающихся Чехословакии, свидетельствует о том, что главное внимание уделялось развитию леворадикального движения, размежеванию его с социал-демократами, подготовке создания коммунистической партии, вступлению ее в Коминтерн, идейному единению чехословацких коммунистов и большевиков.

Во-вторых, Гейцман ошибался, приписывая «растущую ненависть славянского мира вообще и чехов в особенности к Антанте». Возможно, подобные выводы он сделал в связи с подписанием 14 августа 1920 г. чехословацко-югославского договора, который к тому же Франция первоначально

встретила враждебно. Гейцман считал, что «центральным вопросом в порядке дня славянской дипломатии является вопрос об объединении славянского мира, чтобы иметь возможность сколько-нибудь постоять за себя против хищнических appetитов и кровавых замыслов большой Антанты» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 32]. Однако в действительности речь не шла о создании славянской Антанты и ее противостоянии большой Антанте. Чехословакия и ее союзники по Малой Антанте рассматривали Францию как гарант Версальской системы и не собирались портить с ней отношения, впрочем, как и Франция с ними (см., например, [10. S. 226. Dok. 135]).

В-третьих, Гейцман излишне преувеличивал антагонизм между Польшей и Чехословакией, который хотя и имел место, но не до такой степени, чтобы в то время дело дошло до «серьезной схватки».

Из всех рекомендаций Гейцмана для советской дипломатии только одна основывалась на реальной почве – заинтересованность ЧСР в развитии торговых отношений с Советской Россией. «Надо выяснить детально практические и технические возможности таких операций, и этим самым наша дипломатия сделает практический шаг уже в настоящий момент к сближению Чехии и Советской России», – писал он [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26].

Первоочередной задачей Коминтерна в Чехословакии Гейцман считал противодействие пропаганде «наших контрреволюционеров» путем организации систематической пропаганды «в пользу советской власти». Он подчеркивал, что в Чехословакии можно беспрепятственно издавать на русском языке советские газеты, читать лекции и даже митинговать. «Таким образом, можно было если не уничтожить окончательно, то по крайней мере ослабить влияние контрреволюционеров на массы русских эмигрантов» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26об.]. Он считал, что из Чехословакии Коминтерн может вернуть активную работу в соседних странах. По его мнению, Прага является центральным пунктом для работы Коминтерна в Галиции, Карпатах и Югославии. Гейцман утверждал, что «чехи благосклонно относятся к революционному движению в Галиции и Карпатах», поскольку главным образом оно направлено против поляков и венгров. Сотрудники Коминтерна из Праги могут развить соответствующую работу в указанных регионах, не допустить успеха контрреволюционеров и прийти на помощь местному революционному движению. По оценкам Гейцмана, особенно распространены революционные настроения в Галиции, и на весну 1921 г. там намечалось восстание. Поэтому он считал, что на Галицию следовало обратить особое внимание, но ведущаяся там до того времени из Праги деятельность была кустарничеством [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26об.].

Широкое поле деятельности в Праге намечал Гейцман и для ВЧК. «В этом городе русская контрреволюция сконцентрировала большую часть своих сил, – писал он. – Оттуда тянутся нити к Варшаве, Вильно, Риге, Ревелю, Ковно и т.д. Из этих городов нити реакции тянутся вплоть до границ Сов[етской] России» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26об.]. Боясь Красной Армии, Польша и новые прибалтийские государства поддерживали русскую контрреволюцию, помогали ей материально и технически, снабжали информацией. «Необходимо ВЧК быть в курсе таких дел, знать эти связи и по возможности пресечь нити контрреволюции у границ России, запутать их сеть и предупредить события» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26об.].

Предвидя возражения, что «такая огромная работа трех учреждений» потребует значительных денежных затрат и большого количества людей, Гейцман уверял, что достаточно тех средств, которые уже тратятся обильно и без пользы. А что касается людей, то нужные люди уже имеются на месте и в Праге, и в Галиции, и в Карпатах, и в Югославии. «Нужно только послать одного-двух, много трех опытных, ориентирующихся и умеющих организовать дело людей, умеющих каждому указать свое место и дело, и сложный механизм заработает чем дальше, тем лучше» [7. П. 273. Д. 53928. Л. 26об.]. Очевидно, одним из этих «опытных, ориентирующихся и умеющих организовать дело людей» Гейцман имел в виду себя. В пользу такого предположения свидетельствуют, во-первых, демонстративное подчеркивание близких отношений с В. Гирсой, который обеспечил его визой и ожидал в ближайшее время от него сведений; во-вторых, крайне нелестная оценка деятельности С.И. Гиллерсона и возглавляемой им советской миссии Красного Креста (наша дипломатия «недостаточно гибкая, недостаточно внимательна и слабо вооружена технически», «крайне плохо поставлена» информация) [7. П. 273. Д. 53928. Л. 32]; наконец, Гейцман в Праге оставил свою семью [7. П. 274. Д. 53932. Л. 52]. Он торопил Ленина, просил по возможности поскорее назначить ему аудиенцию [4. Л. 1].

Принял Ленин Гейцмана или нет, установить не удалось. Но в списке членов и сотрудников торговой делегации РСФСР в Чехословакии, представленном 10 августа 1921 г. в МИД ЧСР, И.М. Гейцман записан как «агент для торговых поручений». Следует обратить внимание на запись в графе «Примечания»: «Принят на месте» [11], т.е. к моменту прибытия советской торговой делегации в Прагу он уже там находился. К сожалению, не удалось уточнить, когда он прибыл и чем занимался. В Чехословакии он находился до начала 1922 г., затем вместе с семьей уехал в Москву [7. П. 274. Д. 53940. Л. 124]. Из опубликованных материалов известно, что в 1923 г. он вступил в РКП(б), после Чехословакии продолжалась его служба в Наркоминделе: с июля 1922 по декабрь 1924 г. в должности референта по Китаю в отделе Дальнего Востока, затем был консулом в Маньчжурии, в 1928 г. назначен представителем НКИ-Да на Дальнем Востоке. С 1933 по 1935 г. — директор Центрального военного архива. В 1936 г. вышел на пенсию. 8 февраля 1938 г. был арестован, 2 августа «Тройкой» при УНКВД по Московской области осужден как агент японской и латвийской разведок и приговорен к смертной казни. 16 августа 1938 г. расстрелян на Бутовском полигоне. В июне 1957 г. реабилитирован [2. С. 566; 6. С. 112; 12].

Некоторые идеи, изложенные в «Докладной записке о текущем моменте в Чехии», пережили своего создателя. Правда, при отсутствии в распоряжении исследователей других документов, отражающих процесс формирования политики Москвы в отношении Чехословакии, трудно судить, насколько эти идеи были новы. Известно, что в течение 1920—1921 гг. велись двусторонние переговоры об экономическом сотрудничестве и, как отмечалось выше, в июне 1921 г. в Праге начала работу торговая делегация РСФСР, а в Москве — соответствующая делегация ЧСР. Очевидно, небезуспешной была деятельность в Чехословакии Коминтерна и ВЧК. А идея славянской взаимности была востребована в других исторических условиях — в годы Второй мировой войны и сыграла свою роль в становлении советско-чехословацких отношений в военные и первые послевоенные годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924. М., 1978. Т. 9.
2. В.И. Ленин и ВЧК: Сб. документов (1917–1922 гг.) 2-е изд., доп. М., 1987.
3. Гейцман Илья Моисеевич // Политическая каторга и ссылка. Биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М., 1929.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16435.
5. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг. В 2-х т. М., 1998. Т. 1.
6. *Юрьев Б.И.* Гейцман Илья Моисеевич // Новая российская энциклопедия. В 12-и т. / Гл. ред. А.Д. Некипелов. М., 2008. Т. 4 (2).
7. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. Оп. 43.
8. *Серпионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идеиные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М., 2006.
9. *Серпионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.
10. Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika a vznik Malé dohody 1920–1921. Praha, 2004. Sv. 1.
11. Archiv Ministerstva zahraničních věcí. Praha. II. Sekce. 1918–1939. Kř. 563. Ruské sovětské míše politické a obchodní.
12. Гейцман Илья Моисеевич // Жертвы политического террора в СССР (База данных) – Открытый лист [Электронный ресурс]: <http://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 19.09.2018)

СССР В ДОНЕСЕНИЯХ ХОРВАТСКИХ ДИПЛОМАТОВ ИЗ СОФИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941–1944)

© 2019 г. В.И. Косик

Д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

E-mail: kosikviktor@mail.ru

Текст, построенный на основе донесений хорватских дипломатов Софии, содержит ряд сюжетов, связанных с позициями болгарских властей по отношению к СССР в годы войны. Приводимая информация позволяет не только больше узнать о политических воззрениях государственных и общественно-политических деятелей III Болгарского царства, но и проследить их вариативность.

The text is built on the basis of the reports of the Croatian diplomats in Sofia contains some plots, related to the position of the Bulgarian authorities towards the USSR during World War Two. The adduced information let not only learn more about political views of the statesmen and political activists of the Third Bulgaran Kingdom, but also to pursue their variations.

Ключевые слова: София, Россия, Советский Союз, Германия, мир, перемирие, немцы, болгары, народ, политика.

Keywords: Sofia, Russia, Soviet Union, Germany, peace, armistice, Germans, Bulgarians, people, politics.

DOI: 10.31857/S0869544X0004763-2

Кровь, племя, язык – вот три компонента, связывающие наши страны, плюс Царьград. Это для романтиков от истории. Для реалистов – возможность решения своих стратегических задач. Для Москвы – выстраивание пояса безопасности через контроль над Проливами при одновременном создании в Болгарии своеобразного укрепрайона или плацдарма. Для Софии – строительство Великой Болгарии, утраченной вследствие многовекового турецкого владычества. Можно сказать, что цели двух стран совпадали. Но крепкого союзничества не получалось, вследствие несоразмерности поставленных задач и «исторического веса» империи и небольшого славянского государства, только встающего на свой путь развития. Мешала сама «история», точнее, национальный вопрос в его территориальной форме: для России он был облечен в «государственные одежды», для Болгарии – национальная и государственная задачи совпадали. И, разумеется, как свидетельствует само прошлое, решающую роль играл поиск союзников, способных помочь в решении исторической проблемы. Для

России Болгария в начале XX в. не играла заметной роли в геостратегических планах, у нее была Сербия, на которую Москва из «политики чувств», но не разума, сделала ставку, поддержав ее в 1914 г. В свою очередь для Софии, ранее проигравшей Вторую балканскую войну своим соседям, таким союзником стала Германия, начавшая успешную военную кампанию на Восточном фронте и обещавшая Болгарии вернуть ее исторические земли, например македонские. Первая мировая война и революции в России, Германии и Австро-Венгрии изменили политическую карту Европы. Однако в новой политической обстановке не было ослаблено стремление Софии добиться «исторической справедливости» в воссоздании Великой Болгарии. Ждали момента, который и наступил вместе с началом Второй мировой войны. Германия успешно завоевывала Европу и Балканы, подписала с СССР пакт о ненападении. В итоге снова был заключен союз с Германией и созданы условия для создания Великой Болгарии через территориальные расширения, т.е. отъем или возврат «исконных болгарских земель» у соседей, прежде всего у Сербии и Румынии. Здесь стоит добавить, что союз с Германией не мешал Болгарии сохранять дипломатические отношения с СССР, преемницей «матушки-России», имя которой вошло в историю освобождения болгарского народа. И, добавлю, не мешало царской Болгарии расстреливать коммунистов. По сути дела, здесь наблюдалась удивительная, в чем-то парадоксальная, картина: и та и другая страна находились по разные стороны «баррикад», что не мешало им поддерживать дипломатические отношения. Безусловно, это было определено политикой своеобразного нейтралитета Болгарского царства. Он позволял забирать «свои» земли и «оставаться как бы в стороне» от активного участия в войне, строя Великую Болгарию. Сам процесс ее строительства во многом зависел от исхода войны – Германия или Россия/СССР одержит верх. В первом случае Болгария становилась самым мощным государством на Балканах, исполнившим свою историческую задачу по собиранию «своих» земель. Во втором варианте Болгария превращалась в «спутника» Москвы со всеми сопутствующими последствиями. И здесь весьма интересно проследить динамику не отношений, а воззрений, взглядов болгарских властей на СССР/Россию в военные годы, когда сам ход войны был весьма непростым и «долгоиграющим», со своими прогнозами и реалиями.

Для начала: 5 сентября 1941 г. немецкий дипломатический представитель в Софии А. Бекерле уверял своего хорватского коллегу В. Жидовца, что «война в России идет очень хорошо [...]». Мы уверены, что до зимы мы успеем занять Петроград и Москву, и Киев, и Одессу, южную Россию и Кавказ, а это то, к чему мы стремимся. Наши соединения вообще не пойдут дальше, так как остаток русских сил сам собою пропадет, отрезанный от всех источников» [1. S. 36]. Видимо, и в Софии были уверены в мощи военной машины Германии, стремительно продвигавшейся по пространствам России. В частности, в сентябре немецкие войска заняли Киев, блокировали Ленинград, шли тяжелейшие бои под Смоленском, Одессой, советские войска несли громадные потери.

Однако привычного блицкрига не получалось. Немецкий вермахт застрелял в русских снегах, взятие Москвы откладывалось «на потом». 27 декабря 1941 г. болгарский премьер-министр Богдан Филов (расстрелян новой властью в 1944 г., реабилитирован в 1996 г.) говорил хорватскому дипломату, что «нынешняя немецкая неудача в России не будет иметь больших последствий [...], единственным последствием будет то, что война затянется, Германия в следующем году победит Россию» [1. S. 266]. В Загреб поступала информация даже о том, что «русские обратились к царю Борису быть посредником между Россией и Германией» [1. S. 271]. Возможно, здесь речь идет о более

ранних переговорах, которые закончились безрезультатно, и без участия царя Бориса III.

В этой ситуации весьма любопытно высказывание С. Радева, политика, дипломата, автора отличной книги о строительстве болгарского государства в первые годы его бытия. 27–28 ноября 1941 хорватский дипломат в своем до-несении передавал следующие слова Радева: «Что касается наших отношений с Россией, здесь нужно знать, что болгарский народ любит русских и мы благодарны им [...], но с другой стороны, мы никак не одобряем русскую политику ни до, ни после и никогда не можем договориться с Россией [...], в 1885 г. Россия была против нас, а в 1915 г. мы воевали, как и сейчас, против русских. Если бы русские были наши соседи, когда бы им удалось занять Дарданеллы и Босфор, то была бы смертельная опасность для нашего народа именно из-за похожести языка и одинаковой веры» [1. S. 213–214]. Весьма любопытно, не правда ли? Здесь только стоит заметить, что болгары имели право так говорить, зная и историю разрыва отношений почти на десять лет с 1886 г., и позицию России в македонском вопросе, в котором она больше играла на стороне Сербии, и войну, объявленную Россией Болгарии в 1915 г., и тяжелые бои между «освободителями» и «освобожденными». Относительно «смертельной опасности» здесь было все неоднозначно. Схожесть, бывает, может превратиться в свою противоположность, особенно, когда заходит речь об абсолютизации национального начала. И вполне возможна была потеря своей небольшой, но национальной самостоятельности. Хотя, если знать размышления Константина Леонтьева, известного «неравновесными» оценками славянства, то стоило не сбрасывать со счетов его гипотезу о создании восточноправославной политической, религиозной, культурной – но ни в коем случае не административной – конфедерации славянских стран.

Тем временем в первый день 1942 г. именно в храме Александра Невского, воздвигнутого в честь Освобождения Болгарии прошло торжественное богослужение, на котором присутствовали царь и царица, министры, депутаты Собрания, представители болгарской общественности, болгарской и немецкой армий, дипломаты государств Оси и дружественных государств. Не было только представителя СССР [1. S. 287].

Пожалуй, для того, чтобы лучше очертить «странную» позицию Болгарии в отношениях с Россией/СССР, можно дать слово графу Адаму Оршич-Славетичкому, посетившему царя и передавшего 20 января 1942 г. содержание беседы Жидовцу. Граф говорил: «Царь детально очертил мне политическую историю Болгарии от Освобождения до сегодняшнего дня, чтобы мне растолковать причины [...] укорененного русофильства», но заметил, что уровень русофильства от начального «экстремизма» постоянно снижается. Причины этого Борис III видел в следующем: «Россия фаворизировала совершенно открыто сербские претензии в ущерб болгарским, что особенно ясно обнаружилось во время арбитража в конце балканской войны (Вторая балканская война 1913 г., после которой Болгария покинула Македонию и потеряла южную Добруджу в пользу Румынии), когда уступка Македонии Сербии сильно потрясла болгарский народ. Еще больше Болгария была оскорблена, когда русский царь Николай II непосредственно после уступки Добруджи румынам совершил официальный визит в Бухарест». В позднейшее время, продолжал царь, большинству болгар стало ясно, что СССР в своем стремлении проникнуть в Болгарию «хочет использовать болгарский народ для того, чтобы за его счет дешево добиться своей давней цели – Дарданелл» [1. S. 319].

Могу добавить, что «коммунистические Дарданеллы» совсем не «нравилась» тем же болгарам, которые не могли не усматривать в этом потенциальную угрозу своим интересам.

Пока же болгары внимательно отслеживали события на Восточном фронте. 30 января 1942 г. генерал Хр. Луков, лидер Союза болгарских легионеров (ультраправая, антикоммунистическая, националистическая, антилиберальная военизированная организация, учреждена в 1932 г., запрещена в 1944 г.), говорил Жидовцу, что немецкие войска ведут большую подготовку для летнего наступления в России. Причем первой целью будет взятие Москвы. На Дальнем Востоке, продолжал генерал, «русские имели 60 дивизий, из которых на западный фронт отправили 40, и сейчас беспомощны против Японии и, безусловно, что Япония весной ударит одновременно с новым немецким наступлением. Немецкое наступление будет настолько сильным, что за два или три месяца победит Россию. Немецкое наступление из-за погодных условий может начаться в самое раннее время или где-нибудь в конце мая или с началом июня. Примерно спустя месяц немецкие войска будут на Кавказе» [1. S. 330].

Флаг на Эльбрусе был поднят немцами 21 августа 1942 г.

Но ожидания дальнейших успехов немецких войск перемежались и с горькими размышлениями о судьбе Болгарии в этой войне. 30 марта 1942 г. главный секретарь Министерства народного просвещения Б. Йоцов в разговоре со словацким дипломатом Писско (Pissko) замечал, что «если победит Россия, то это будет конец европейской культуры, а коммунисты уничтожат цвет болгарской интеллигенции. Если победит Англия, Болгария будет разбита на части, а остаток Болгарии будет в самом худшем случае югославской бановиной. Если победит Германия, немцы навяжут болгарскому народу национал-социалистический режим и болгарское народное самосознание не будет иметь сил к развитию [1. S. 403]. Видный филолог-славист, литератор, член-корреспондент Болгарской академии наук. (Б. Йоцов был расстрелян новыми властями в 1945 г., в 1996 г. реабилитирован.)

Тем временем болгарская власть заявила о проведении своего обычного внешнеполитического курса. 28 марта 1942 г. на заседании Народного собрания Филов подчеркнул «судьбоносную связь Болгарии с силами Оси, равно и то, что задачи Болгарии лежат на юго-востоке». Последнее было понято: Болгария «не будет должна посылать войска в Россию» [1. S. 412].

Хотя стоит добавить, что, судя по донесению хорватского дипломата Ст. Моснера от 6 марта 1942 г., группа болгарских офицеров побывала зимой 1942 г. на русском фронте вблизи Новороссийска [2. S. 232–233].

При всем этом, в болгарском обществе бытовала пестрая картина мнений относительно СССР. 17 октября 1942 г. Н. Мушанов, занимавший в 1931–1934 гг. пост главы правительства, был уверен, что «Европе не угрожает никакая опасность от большевизма. Россия претерпела такие ужасные поражения, что большевизм больше не опасен [...]. Германия заняла громадные территории в России, и сейчас народ там видит, что не все так, как ему Советы говорили 25 лет». Он верил и верит, что «на Украине и в других занятых русских краях дошло до таких глубоких внутренних перемен, что невозможно возвращение коммунизма [...], в Советской России предстоят огромные внутренние перемены, что там коммунизм, т.е. большевизм, вследствие самого внутреннего развития будет уничтожен. После того как Россия станет национальной державой, — по мнению Мушанова, — возможен мир между немцами и русскими [...],

согласно имеющейся у него информации из Куйбышева, такое развитие в России действительно существует». При этом Мушанов подчеркнул, что ему на днях «советский посол Лаврищев сказал, что борьба, которую ведет Россия, националистическая и националистический (видимо, здесь идет речь о национальном начале. — *В.К.*) дух полностью пронизал русскую армию» [1. S. 677]. Здесь не требуются какие-либо комментарии. Относительно мира с Берлином действительно шли тайные переговоры, но тогда, как и ранее, немецкая сторона была уверена в своей победе и они закончились безрезультатно.

С точки зрения националиста и антикоммуниста Т. Кожухарова, занимавшего ранее видные государственные посты, «в широких слоях болгарского народа не только между коммунистами дошло до глубокого разочарования». Болгары, говорил он 29 мая 1943 г., сохраняют «дружеские чувства к братскому славянскому русскому народу, болгарский народ инстинктивно чувствовал, что входит в очень опасный период, может дойти до поворота в войне, так как Германию ожидают тяжелые испытания в России. Немцы тогда этому не верили, но болгарский народ это инстинктивно чувствовал. До этого времени симпатии болгарского народа были на стороне Германии, но потом разделились». Дальше Кожухаров подчеркивал, что самое плохое в том, что «нынешняя власть и нынешний режим не имеют поддержки в народе» [2. S. 341–342]. (В 1945 г. Т. Кожухаров был расстрелян новой властью, в 1996 г. реабилитирован.)

Весьма любопытны строки хорватского дипломата, связанные с возможным поражением немцев под Сталинградом и сдачей Ростова. В донесении от 6 февраля 1943 г. Жидовец подчеркнул, что, по словам генерала Н. Михова, встречавшегося с Гитлером в 1943 г., фюрер сказал ему, что в немецкой оборонительной тактике главная цель — нанести больше всего потерь русской армии, в то время как территория не играет такой большой роли. Если Ростов и Сталинград падут, то это существенно не переменит ситуацию, так как это только эпизоды в войне». Гитлер сказал Михову, что «первые три года были только подготовкой». Гитлер добавил, что уже в 1941 г. Германия могла отбросить Россию за Волгу, но он не позволил, чтобы таким способом не повторить неудачу Наполеона. Сейчас Германия будет способна «к конечному расчету с Россией». И дальше о том, что Гитлер надеялся на весеннее наступление [2. S. 438]. (В 1945 г. генерал Н. Михов был расстрелян, в 1996 г. реабилитирован.)

В Болгарии были и другие люди, рассматривавшие варианты мирного советско-немецкого соглашения. Одним из них считался, по словам Жидовца, начальник политического отдела МИДа, «лучший знаток внешней политики, один из лучших политических умов», И. Алтънов (И. Алтынов) (1892–1972) — член Болгарской академии наук, профессор юридического факультета Софийского университета, член международного суда в Гааге.

20 мая 1943 г., как писал Жидовец, болгарский дипломат считал, что в будущем есть два пути: «компромиссный мир или поражение Германии» [2. S. 527].

Сама Болгария, по мнению Алтынова, могла бы, подчеркивал Жидовец, надеяться на полную реализацию своих целей только в случае победы Германии. В случае компромиссного мира возникнут сложности: «Турция и Греция были бы против сегодняшней великой Болгарии [...], будет гарантировано, что Греция вернет себе что-то [...]. В случае поражения Германии Болгария может надеяться, что не будет разобрана на части, так как этого не позволит Россия [...], с другой стороны, и сама Англия будет опасаться того, что что-то подобное

могут сделать из Болгарии, так как в этом случае Болгария сама подпадет под влияние России» [2. S. 533].

В Болгарии сама мысль о «возможности соглашения между Германией и Россией» вызывала «огромное удовлетворение» что, как писал 28 июня 1943 г. Жидовец, видно из разговоров «самых серьезных болгарских политиков», среди которых был Хр. Статев, активный деятель Союза болгарских национальных легионов, член прогерманского народного правительства в эмиграции (1945 г.) (заочно приговорен к смертной казни Народным судом, в 1996 г. реабилитирован). Здесь Жидовец назвал еще имя Й. Чкатрова, деятеля Внутренней македонско-одринской революционной организации (ВМОРО) (умер в 1946 г. в тюрьме г. Скопле, совр. Скопье) [2. S. 539].

Алтынов, подчеркивая, что соглашение было бы «с воодушевлением принято всем болгарским народом» [2. S. 571], говорил 27 июля, что «для нынешнего режима в Германии не так уж тяжело отступить от своего нынешнего направления и своей идеологии и заключить соглашение с Россией, но если это было бы невозможно этому режиму, было бы легко сделать, возможно, военной хунте, которая всегда может прийти к власти в Германии [2. S. 573–574]. (Заговор «Валькирия» 20 августа 1944 г. провалился.)

Тема советско-немецкого соглашения стала постоянной в болгарских политических кругах. Филов считал, что до него еще далеко: немцы еще думают задержать взятые земли, русские надеются на мировую революцию. Й. Чкатров полагал, что «в будущем будет решать военное руководство, а не идеология». «Представители армии, — заметил он, — всегда были склонны к идее сотрудничества с Россией [...], невозможно и ради самой Германии и ее союзников долгое время» вести военные действия на разных фронтах [2. S. 582]. «Военно-политическое положение в мире, — продолжал он, — все больше приводит к такому соглашению как единственному выходу, так как если Германия и Россия продолжают войну, тогда до или после план Рузвельта об “американском веке” (будущего мироустройства. — В.К.) будет осуществлен» [2. S. 584].

Пока болгарские политики перебирали гипотезы о заключении советско-немецкого соглашения, активно продолжали работать болгарские компетентные структуры.

Как сообщает хорватский дипломат, в Софии болгарские радиотехники, уже давно занимавшиеся поиском нелегальных радиостанций, утверждали, что в центре Софии в непосредственной близости от Народного собрания должен быть тайный радиопередатчик. Однако поиск в самом болгарском парламенте не дал результатов. Они последовали в начале мая после ареста в числе сомнительных лиц некоего молодого человека, у которого была найдена библия на русском языке и еще несколько старых русских церковных книг. В ходе допроса он признался, что имел радиопередатчик совсем близко от здания Народного собрания, точнее, в «общественном туалете». Два-три раза в неделю он передавал оттуда информацию. С этого момента дальнейшее расследование принял на себя абвер. Было установлено, что библия и остальные церковные книги служили для шифровки информации. После того как немцы взломали шифр, сотрудники абвера продолжили связь с Москвой. В результате им удалось разоблачить одного из главных лиц в этой деятельности, а именно генерала Н. Никифорова, а также многих других «конspirаторов». Было установлено, что «в Болгарии существует большая военная и политическая сеть, которая имеет целью установить сотрудничество с советской Россией» [2. S. 584–585].

Добавлю, что генерал Никифоров, как известно, был советским разведчиком и поставлял разнообразные сведения военного характера Москве. Как писал далее Жидовец, в этом деле был «замешан ни меньше, ни больше — сам военный министр Михов, затем болгарский посланник в Бухаресте Чомаков, болгарский посланник в Токио Пеев и остальные особы» (упоминания о разведывательной деятельности Михова, Чомакова мною в литературе не обнаружены). Жидовец подчеркивал, что вся эта деятельность выражает желание болгарского народа, чтобы Болгария нашла опору в России. И самое интересное: кроме увольнения Никифорова и довольно быстрого освобождения его из-под домашнего ареста ничего больше не последовало. Возможно, пишет Жидовец, «из-за остальных, замешанных в это дело». С немецкой стороны тоже ничего не последовало, возможно, потому, что немцам было уже «не до этого», у них были более важные задачи, чем судьба раскрытых советских разведчиков [2. S. 585].

Осенью в Софии стал работать новый хорватский дипломат Ст. Перич. В своем первом донесении от 1 октября 1943 г., касаясь русофильства и будущего Болгарии, он писал о воззрениях видного государственного деятеля, депутата Народного собрания С. Мушанова, который выступал «полностью открыто с проведением русофильской линии. Он единственный человек в Болгарии, с которым советский посланник в Софии поддерживает дружеские отношения. Сейчас он русофил из так понимаемого болгарского интереса. Если победят неприятели Европы (видимо, немецкой. — *В.К.*), то американцы и англичане придут к решающему влиянию на Балканах, они восстановят Югославию в своих старых, а может быть, в расширенных границах во вред Болгарии. По его уверению, существует опасность того, что англо-американцы не заставят насильно Болгарию войти в Югославию как федеративный социум, что, в действительности, означало бы болгарскую бановину в Великой Сербии. Если в случае поражения Европы будет, сильнее от англо-американцев, крепнуть влияние России на Балканах, тогда никогда не будет восстановлена Югославия в ее довоенных границах» [2. S. 591]. Конечно, «никогда», речь, как показывает будущее, пошла бы о создании «коммунистической» Балканской федерации.

К декабрю 1943 г. ситуация в Болгарии проходила под знаком организации двух группировок — «Отечественного фронта», соединявшего в себе все левые силы, включая коммунистов, и сил национального блока, вбивавшего в свой состав различные так называемые националистические структуры.

17 декабря, сообщил другой хорватский дипломат Моснер, «Отечественный фронт» потребовал разрыва отношений с Германией, созыва Великого народного собрания с последующим выбором регентов (после смерти царя Бориса III 28 августа 1943 г.) и установления под покровительством России «соглашений с соседями сербами и греками» [2. S. 594].

В начале следующего года оппозиция в лице лидера либеральной партии, министра иностранных дел в правительстве «Отечественного фронта» П. Стайнова уже требовала от правительства с целью «сохранения Болгарии от дальнейших бомбардировок» выхода из Тройственного союза, создания «правительства национальной концентрации», вывода болгарских оккупационных войск из Сербии и Греции, ликвидации немецкого военного командования, создания тесного союза с Советской Россией. Интересно, что эту речь Стайнова в Народном собрании радио Москвы передавало несколько раз [2. S. 597–598].

Москву и дальше учитывали в политических комбинациях болгар. Так, в новое правительство, составленное 1 июня во главе с И. Багряновым (арестован в 1944 г. и приговорен к расстрелу.), наряду с видным врачом, проф. А. Станишевым (арестован в 1944 г., расстрелян в том же году), председателем болгаро-немецкого общества в Софии, был введен и известный генетик проф. Д. Костов, председатель болгаро-«советско/русского» общества [2. S. 608]. Однако с его назначением возникли сложности. Профессор Костов в 1932 г. уехал в Ленинград по приглашению АН СССР, где проработал семь с половиной лет и вернулся в 1939 г. В новое правительство он отказался вступать якобы по причине отсутствия согласия Москвы на вхождение в правительство, кроме того, супруга Костова тогда находилась в СССР, и он опасался за ее судьбу в случае вхождения в «правительство, дружеское Германии» [2. S. 611, 612]. Небольшое добавление: в 1944 г. Д. Костов стал коммунистом.

Сам Багрянов сразу заявил о необходимости «любым способом улучшить отношения с Россией». Характерным примером здесь могут служить газеты, в которых, как сообщал в июльском донесении Моснер, открыто пишут о русском наступлении для возвращения ранее оккупированных земель. Само правительство выделило два роскошных авто для советской миссии, так как прежние были повреждены при бомбардировках Софии союзниками [2. S. 616–617].

Безусловный интерес представляет донесение Моснера о разговоре Багрянова с советским дипломатом С.П. Кирсановым в начале июля. Информация о нем была получена Моснером от Р. Алексиева, известного художника (его карикатуры, видимо, были причиной псевдонима «Фра Дьяволо»), встречавшегося с премьер-министром. Из сведений, полученных хорватским дипломатом, упомяну некоторые. Во-первых, Багрянов сообщил, что он «друг России и, будучи таковым, хочет добиться хороших отношений в любом случае». Болгария, подчеркивал собеседник Кирсанова, для России может рассматриваться как старый этап пути к Проливам. Но в этом вопросе, продолжал Багрянов, имеют свои интересы союзники СССР – англичане, поэтому «не в интересах России, чтобы Болгария сейчас ослабевала [...]. России гораздо лучше иметь на Балканах сильную славянскую страну» [2. S. 618].

В том же июле в одном из донесений Моснера промелькнуло сообщение о готовящейся амнистии «всем политическим противникам, так что все коммунисты будут освобождены из тюрем и лагерей» [2. S. 620]. Спустя два месяца, 2 сентября, была провозглашена общая амнистия, заявлено о ликвидации антиеврейских законов и расформировании фашистских организаций.

Пока же, как подчеркивал в июльском донесении Моснер, Болгария в преддверии превращения Балкан в активный театр военных действий «хочет обеспечить себе уже имеющиеся позиции, чтобы и дальше без жертв могла сохранить имеющиеся границы» [2. S. 621]. Причем, продолжал в начале августа хорватский дипломат, «среди известных групп преобладает боязнь, что будет с Болгарией, если дойдет до мира между Россией и Германией. Тогда Германия совсем освободит руки, а Болгария будет предоставлена России и станет обычной русской провинцией» [2. S. 650].

Тем не менее, точку над «и» попытался поставить министр иностранных дел П. Драганов (арестован новой властью в 1944 г., казнен в 1945 г.). В своем выступлении 22 августа 1944 г. в Народном собрании он говорил: «Особое место в политике Болгарии занимают ее отношения с советской Россией, которая воюет со странами тройного пакта, но с которой Болгария не только не

в состоянии войны, но и в регулярных дипломатических отношениях. Болгарский народ не забыл, что своей свободой он обязан пролитой крови братского русского народа и в своей политической жизни с тех пор до сегодняшнего дня полон благодарности и всегда выступал за его дружбу и покровительство. К сожалению, были моменты, когда царская Россия, может, и вследствие наших ошибок, но и из-за непонимания стремлений и интересов болгарского народа со стороны тогдашних русских правительств, относилась как мачеха к Болгарии и дошла до того, что вышла на северные границы Болгарии, чтобы отнять землю и свободу, которую она сама дала. С болью в сердце принимал болгарский народ эту политику и еще с большей болью боролся против своей освободительницы, но когда речь идет о сбережении родных очагов, национального единства и независимости, в душе болгарского народа поверх сентиментализма берет разбег их жизненный интерес и чувство национального достоинства. И сейчас со многих сторон и из многих кругов делается все возможное для того, чтобы отравить отношения между Советским Союзом и Болгарией, но мы уверены, что руководители великих держав [...] понимают глубокое желание болгарского народа быть не только в нормальных, но и в дружеских отношениях с Советским Союзом [...]. Вокруг урегулирования наших отношений с Советским Союзом и стремления избежать нежелательных столкновений со стороны болгарского народа и его (СССР. — В.К.) болгарское правительство приложило большие усилия с целью предпринять все возможное с необходимой осмотрительностью и тактом, чтобы избежать новых трудностей в положении Болгарии и Балкан. При этом болгарское правительство исходило из позиции нейтральности, в которой Болгария находится по отношению к советской России и ее войне с другими державами, и желая установить отношения дружеского доверия с Советским Союзом. После того, что сделано в этом направлении, и после решения болгарского правительства проводить и в будущем решительную и искреннюю эту политику ее успех зависит исключительно от Советского Союза» [2. S. 668—669].

В начале сентября 1944 г. Болгария была освобождена советскими войсками. К власти пришло правительство «Отечественного фронта». Начинаясь новая страница истории уже болгаро-советских отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Poslanstvo NDH u Sofiji Diplomatski izveštaji 1941—1945. Zagreb 2003. Sv. 1.
2. Poslanstvo NDH u Sofiji Diplomatski izveštaji 1941—1945. Zagreb 2003. Sv. 2.

XVI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ (БЕЛГРАД, 20–27 АВГУСТА 2018). ОБЗОРЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКЦИЙ И ТЕМАТИЧЕСКИХ БЛОКОВ

С 20 по 27 августа 2018 г. в Белграде проходил XVI Международный съезд славистов. Было проведено 115 секций, 32 тематических блока, 9 круглых столов, состоялись заседания 40 комиссий при МКС. В работе съезда приняли участие более 1000 ученых из более чем 40 стран: в том числе из России, Украины, Белоруссии, Сербии, Хорватии, Польши, Словении, Болгарии, Чехии, Македонии, Словакии, Черногории, Германии, Австрии, США, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии. Делегация от Российской Федерации была одной из самых многочисленных. В рамках съезда в Библиотеке города Белграда была организована книжная выставка, на которой комитет славистов каждой из стран-участниц представил книги по славистике, вышедшие за последние 5 лет.

Ниже даны обзоры докладов, сделанных на секциях: «Социолингвистика», «Контактные явления в языке», «Диалектология», «Семантика и прагматика», «Этнолингвистика» и других, а также на тематических блоках «Историческая память в языке», «Функциональной славянской книжности» и др.

ОБЗОР ДОКЛАДОВ НА СЕКЦИЯХ ПО СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ, ИНТЕРФЕРЕНЦИИ, ЯЗЫКОВЫМ КОНТАКТАМ И ДИАЛЕКТОЛОГИИ

© 2019 г. Г.П. Пилипенко

Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

В обзоре рассматриваются доклады, сделанные на XVI съезде славистов в Белграде на секциях по социолингвистике, контактными явлениям в языке, диалектологии. Большинство докладчиков концентрируется на изучении контактных зон славянского мира.

The review discusses the reports made at the XVI Congress of Slavists in Belgrade on sections on sociolinguistics, contact phenomena in language and dialectology. Most speakers concentrated on the study of contact zones of the Slavic world.

Ключевые слова: социолингвистика, диалектология, славянские языки, языковые контакты.

Keywords: sociolinguistics, dialectology, Slavic languages, language contact.

DOI: 10.31857/S0869544X0004764-3

Рассматриваемые доклады объединяет фокусирование на языковых контактах, в центре внимания ученых находится сопоставление славянских языков как с близкородственными, так и с неродственными, но территориально смежными языками, многие доклады базируются на уникальных полевых материалах самих авторов.

Среди докладов, прозвучавших на секции «Социоллингвистика», можно отметить следующие. *Г. Хентшель* (Германия) представил проект, который реализуется уже несколько лет в Ольденбургском университете, по изучению трасянки и суржика, смешанных идиомов, используемых сегодня в Белоруссии и на Украине, — «Белорусская трасянка и украинский суржик: структурно-количественные сходства». На основании анализа речи носителей трасянки и суржика была составлена подробная база данных, что позволило обработать и подсчитать русские и белорусские/украинские элементы в данных идиомах. Можно говорить об определенной структурной стабилизации тех и других элементов, а не о хаотичном их распределении. Созданная командой ученых Ольденбургского университета база данных является уникальной и может быть использована для всестороннего анализа контактных явлений в условиях русско-белорусского и русско-украинского двуязычия. Тема смешанных идиомов была продолжена в докладе *О. Палинской* (Германия) «“Украинскость” vs. “суржик”: украинская культура в восприятии носителей украинско-русской смешанной речи» («Українськість” vs. “суржик” українська культура у сприйнятті носіїв українсько-російського змішанного мовлення»), однако фокус выступления был выбран несколько иной, чем в предыдущем докладе. Автор рассматривает отношение носителей суржика к этому идиому. В основном негативное отношение к суржику распространено в кругах интеллигенции. Были приведены также результаты опроса, проводившегося в разных областях Украины в 2014 г. *З. Грень* (Польша) посвятил свое выступление «Этнические и религиозные стереотипы — взаимные отношения» («Stereotypy etniczne i religijne — wzajemne relacje») анализу этнических и религиозных стереотипов (например, *jeżeli Polak, to katolik, jeżeli Rosjanin, to prawosławny*). Автор обращает внимание на то, что даже в рамках одной этноконфессиональной общности эти стереотипы могут меняться в зависимости от региона (например, для Силезии был характерен стереотип: *jeżeli ewangelik, to Polak*), а также с течением времени. *Й. Вирккула* (Финляндия) рассказала о лингвистическом ландшафте на улицах столицы Боснии и Герцеговины Сараева («Imena na ulicama Sarajeva»). Был представлен анализ официальных надписей и надписей неофициального характера (граффити, частные объявления), зафиксированных автором во время собственного исследования на одной улице в центре Сараева и на улице, расположенной в Восточном Сараеве, являющимся частью Республики Сербской. Отмечено преимущественное использование латиницы в официальных надписях в одной части города и кириллицы в другой, а также названий, связанных с боснийской и сербской культурой и историей соответственно. *Э. Голяховская* (Польша) говорила о лексике, связанной с католицизмом, в современном белорусском языке — «Католическая религиозная лексика в современном белорусском языке. Лексикография и социоллингвистика» («Katolickie słownictwo religijne we współczesnym języku białoruskim. Leksykografia i socjolingwistyka»). Данная тема является актуальной, поскольку недавно был закончен перевод католических богослужебных книг на белорусский язык, хотя польский язык до сих пор широко используется в религиозной сфере. Таким образом, можно наблюдать становление конфессиональной католической белорусской лексики. Автор объединил социоллингвистические методы исследования (интервью

с представителями католических общин Белоруссии) с анализом новейших лексикографических источников белорусского языка. Большое внимание аудитории привлек доклад *К. Радюнцель* (Германия) «Доступный язык. История и характеристика новой языковой разновидности (на материале различных славянских языков)», поскольку он был обращен к такой важной проблеме, как разработка «доступных языков» в славянских странах. Доступный язык — язык, специально разработанный для людей с когнитивными расстройствами, которые испытывают трудности при восприятии текстов, написанных на литературном языке. В Германии, Финляндии существуют общества по продвижению «доступного языка», этой проблематике уделяется особое внимание. В славянских странах складывается разная ситуация. Был представлен анализ данных по «доступному языку», в том числе и в Российской Федерации. *Х. Курек* (Польша) посвятила свое выступление обзору изменений, происходящих в польской деревне в XX в. — «Глобализация и лингвокультурные изменения деревни» («Globalizacja a językowo-kulturowe przemiany wsi»). Докладчица обратила внимание на изменения в языковом репертуаре жителей деревни: после 1945 г. все больше стало ощущаться влияние литературного языка в речи жителей польских деревень. В начале XXI в. в Польше впервые увеличилась численность сельского населения, что связано с постепенным стиранием границ в уровне жизни между городской и сельской средой. Носителями традиции и местных диалектов остаются представители старшего поколения, тогда как в речь сельской молодежи проникают элементы из литературного языка, регионализмы, а также заимствования из английского.

В секции «Интерференция» прозвучало семь докладов. *Б. Бремер* (Германия) представил свое исследование о смешении кодов в русско-немецких двуязычных семьях («Типы смешения кодов в русско-немецких двуязычных семьях: сходства и различия между представителями первого и второго поколения иммигрантов»). На основе эксперимента, проведенного с 25 детьми из смешанных семей, автор попытался выяснить, элементы какого рода преобладают в их речи (по типологии П. Мэйскена: чередование, вкрапление, конгруэнтная лексикализация). *А. Зелиньская* (Польша) рассказала о языковых биографиях билингвов, проживающих на территории польско-немецкого пограничья, в докладе «Языковые биографии билингвов польско-немецкого пограничья (Польша, Любуское и Западнопоморское воеводства)» («Biografie językowe osób bilingwalnych z polsko-niemieckiego pogranicza (Polska, województwo lubuskie i zachodniopomorskie)»), тех немногих жителей, кто родился в этом регионе до 1945 г., перед тем как произошла смена населения. Автор использует данные собственных интервью с информантами, которые являются последними свидетелями довоенной жизни этих мест и могут рассказать о функционировании двух языков в то время. *З. Саваневская-Мохова* (Польша) представила данные о состоянии исследований польского языка в Литве после 1990 г. («Język polski na Litwie po 1990 roku. Stan badań i perspektywy»). Данный период характеризуется возросшим интересом лингвистов к состоянию польского языка не только в районе Вильнюса, но и в других областях Литвы. Особое внимание уделяется исследователями изучению идентичности литовских поляков. *Г. Легечкова* (Финляндия) в своем докладе обратилась к формам обращения в чешском языке в сопоставлении с финским — «Vážená paní docentko или Hej Heleno — обращения в чешском и финском языках» («Vážená paní docentko nebo Hej Heleno — Oslovování v češtině a finštině»). В чешском языке существует более разветвленная система обращения, чем в финском, поэтому финские студенты при изучении чешского языка испытывают трудности. Были проанализированы

примеры обращений из перевода пьес В. Гавела на финский язык. *М. Глушковский* (Польша) сосредоточил свое внимание на смешении кодов в ситуации контакта близкородственных языков – «Смешение кодов в контактах близкородственных языков. На материале польско-восточнославянских языковых контактов» («Mieszanie kodów w kontaktach języków blisko spokrewnionych. Na materiale polsko-wschodniosłowiańskiego kontaktu językowego»). Автор оперирует данными разных языковых ситуаций, многие из которых ему знакомы лично, поскольку он сам принимал участие в полевых исследованиях (например, исследование языка поляков в России (Иркутская область), на Украине). Собранный материал позволяет сделать обобщения о специфике смешения кода в условиях контактирования польского и восточнославянских языков. Закрывал секцию, посвященную исследованию интерференции, доклад *Г.П. Пилипенко* (Россия) о результатах исследования билингвальных сообществ в странах Латинской Америки («Маркирование интерферентных явлений в славянской речи Южной Америки»). Были представлены результаты полевой работы среди славянских сообществ в странах Южной Америки (Аргентина, Уругвай, Парагвай), проанализированы высказывания на украинском, польском, хорватском и словенском языках. Докладчик рассказал о способах маркирования испанских лексем и фрагментов, содержащих переключение кода со славянских языков на испанский: метаязыковое комментирование, паузы, растягивание звуков, обращение за помощью к собеседникам и т.д.

Среди докладов, прозвучавших на секции «Развитие славянских языков в условиях языкового контакта», хотелось бы выделить следующие выступления. *Э. Гербецца* (Италия) подробно рассказал об италянизмах в русском языке. Автор представил анализ лексикографических источников, особое внимание уделив при этом опосредованным заимствованиям. *Я.П. Целлер* (Германия) посвятил свой доклад уже упоминавшемуся феномену смешанной речи в Белоруссии и на Украине («Вариативность звуков в украинском «суржике» по сравнению с белорусской “трасянкой”»). Была рассмотрена фонетическая сторона украинско-русской смешанной речи, что исследователи обычно оставляют вне поля зрения в отличие, например, от словоизменения. Докладчик привел статистические подсчеты частоты использования украинских и русских звуков на основе корпуса устных текстов, собранных в полевых условиях и хранящихся в архиве Ольденбургского университета. *Й. Гловня* (Словакия) говорил о положении словацкого языка в сербской Воеводине – «Состояние и статус воеводинского словацкого языка как анклавного» («Stav a štatút vojvodinskej slovenčiny ako enklavného jazyka»). Поскольку словацкий язык находится в условиях контакта с сербским языком уже несколько столетий, то в нем присутствуют структурные контактные элементы, отличающие его от словацких диалектов на территории собственно Словакии. Были проанализированы примеры из словацких СМИ, выходящих на территории Воеводины, показаны особенности этого языка. Словацкую тематику продолжил доклад *К.В. Лифанова* (Россия), который выступил с докладом «Асимметричная дивергенция словацкого и чешского литературных языков в XX веке». В центре внимания автора находились контакты чешского и словацкого языков, а именно – влияние чешского языка на структуру словацкого, что предлагалось называть асимметричной дивергенцией ввиду одностороннего характера изменений. В результате в словацком языке эти изменения затронули все уровни: фонетический, лексический, морфологический и синтаксический. Достоинством доклада можно считать обилие примеров, иллюстрирующих изменения на каждом из языковых уровней. *М. Стаменов* (Болгария) обратился к проблематике турцизмов в болгарском языке – «Языковые

контакты в условиях культурного конфликта: история и место заимствований из османского турецкого в болгарский язык» («Езикови контакти в условијата на културен конфликт: историја и място на заемките од османски турски в българскиј език»). В докладе подчеркивалось, что после освобождения Болгарии от Османской империи не зафиксировано ни одного нового турцизма, тогда как до 1878 г. насчитывается около 7500 турцизмов. Сегодня турцизмы в болгарском языке переходят в архаизмы и приобретают пейоративное значение. *М. Лявинец-Угрин* (Венгрия) представила исследование о русинском языке («Тенденции использования венгерской орфографии в русинском языке»), распространенном в Карпатском регионе и испытывавшем сильное венгерское влияние: помимо многочисленных венгерских лексических заимствований, в XIX и XX вв. были попытки записи русинских текстов при помощи венгерской графики. Было рассказано об особенностях становления литературной нормы русинского языка. *М. Янковяк* (Польша) в своем докладе говорил о влиянии польского языка на лексику пограничных белорусских говоров, распространенных за пределами Белоруссии: на Псковщине, в Подлясье, в Латгалии и в районе Вильнюса — «Объем и дифференция польских лексических влияний в современных белорусских говорах на пограничье» (Подлясье — Виленщина — Латгалия — Псковщина) («Zakres i zróżnicowanie leksykalnych wpływów polskich we współczesnych gwarach białoruskich na pograniczach (Podlasie — Wilenszczyzna — Łatgalia — Pskowszczyzna)'). На основе полевых материалов, собранных автором в Подлясье, Латгалии, Псковской области и в районе Вильнюса, были проанализированы полонизмы в белорусских говорах информантов. Влияние польского языка в белорусском затрагивает разные сферы: это и религиозная лексика, бытовая, сельскохозяйственная, административная, техническая, лексика в области образования. Однако объем и функционирование полонизмов различаются в каждом из исследуемых регионов. Наибольшее влияние проявляется в Подлясье, а также в Виленском крае, тогда как в Латгалии и на Псковщине, отошедших от Речи Посполитой в 1772 г., польское влияние намного меньше.

Большинство докладов секции «Диалектология» также было посвящено проблемам контактирования языков. *В. Фридман* (США) представил доклад на македонском языке о рефлексах юсов в юго-западных македонских говорах — «Еще раз о рефлексах юсов в юго-западных македонских говорах: ареальное и балканистическое исследование» («Уште еднаш за рефлексите на јусовите во југозападните македонски говори: ареално и балканолошко истражување»). Автор полагает, что рефлекс юсов в виде гласный+носовой согласный в юго-западных македонских говорах является старым балканизмом, а не славянским архаизмом. В соседних неславянских идиомах (албанский, греческий, арумунский) также фиксируется назальность, развившаяся в результате фонологической конвергенции в условиях взаимного многоязычия. Лингвисты из Санкт-Петербургского университета *А. Н. Соболев*, *А. Ю. Руцаков*, *М. Л. Кисилиер*, *М. С. Морозова*, *В. В. Козак*, *А. Л. Макарова*, *Д. В. Конёр* (Россия) рассказали о реализации проекта по изучению южнославянских диалектов в симбиотических сообществах Балкан. Авторы пытаются ответить на вопрос, является ли балканский регион местом симбиоза разных этнических групп, для которых характерен особый вид билингвизма. В результате серии полевых и историко-лингвистических исследований в разных контактных регионах на Балканах удалось выявить определенные закономерности в развитии конкретных сообществ. Речь идет о румынских, греческих, арумунских, албанских, южнославянских диалектах в краинах Мрковичи, Преспа и Карашево, на острове Крк и в Цаконии на полуострове Пелопоннес. Однако из-за

ограниченного времени для презентации доклада подробно были проанализированы лишь две языковые ситуации: в Карашево (Румыния) и в районе озера Преспа. *М. М. Макарецев* (Россия) продолжил балканистическую тематику. В своем докладе он сосредоточил внимание на функционировании да-форм у славян в Албании («Да-формы в славянских идиомах Албании. К типологии албанско-славянских языковых контактов»). Славянская речь в Албании неоднородна и по генезису идиомов, и по их географическому распределению, и по языковой ситуации. Докладчик изложил свои наблюдения над функционированием да-форм в речи славян Албании, базирующиеся в том числе на его собственных полевых исследованиях. Отмечены случаи калькирования албанских конструкций, сознательное употребление стандартных форм, отсутствующих в диалекте. Классификация случаев использования да-форм может быть предложена в качестве основы для описания других изменений в славянских идиомах на территории Албании. *Д. Рембишевская* и *Й. Сятковский* (Польша) рассказали о диалектной польской лексике на польско-восточнославянском пограничье – «Заимствование или калькирование – проблематика восточнославянского пограничья в свете диалектной лексики» («Zapożyczenie czy nawiązanie – problematyka pogranicza wschodniosłowiańskiego w świetle leksyki gwarowej»). В словаре польских говоров существует много лексем, которые являются заимствованиями из восточнославянских языков. Часто для определения их происхождения приходится привлекать историю слов, а также семантическую мотивационную прозрачность дериватов. Были приведены такие восточнославянизмы в польских говорах как *hreczka*, *korowaj*, *cyłuszka*, *berda* и др. Доклад *Я. Феллера* (Великобритания) был посвящен особенностям синтаксиса польского городского говора Львова довоенного периода – «Синтаксические черты городского говора Львова в период до 1939 г.» («Cechy składniowe gwary miejskiej Lwowa sprzed 1939 roku»). До 1939 г. во Львове был распространен особый городской говор, содержащий заимствования из немецкого языка и из идиша. Автор полагает, что городской говор Львова не был польским диалектом с многочисленными украинизмами, а являлся смешанным польско-украинским кодом со своей собственной грамматикой. Это положение было проиллюстрировано примерами на синтаксическом уровне, однако оно же и вызвало оживленное обсуждение уже после доклада.

ОБЗОР ДОКЛАДОВ НА СЕКЦИИ «СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА»

© 2019 г. Т.С. Ганенкова

Канд. филол. наук, доцент Университета им. А. Мицкевича, Познань

E-mail: tanyastd@yandex.ru

В обзоре представлена информация о докладах, прозвучавших во время следующих заседаний XVI Международного съезда славистов: секция 1.11 «Семантика и прагматика»; тематический блок «Именные предикативы и дативные модели предложения в славянских языках»; круглый стол «Корпусная лингвистика».

The review contains information about presentations that took place within panels during the XVI International Congress of Slavists: 1.11 Semantic and pragmatic; Nominal predicatives and syntactic structures with a dative marking on the semantic subject; Corpus linguistic.

Ключевые слова: семантика, прагматика, корпусная лингвистика, именные предикативы.

Keywords: semantic, pragmatic, nominal predicatives, corpus linguistic.

DOI: 10.31857/S0869544X0004765-4

Одна из секций XVI Международного съезда славистов была посвящена семантике и прагматике. В рамках этой секции были представлены 18 докладов и один постер. В выступлении В. Раевой (Болгария) рассматривались деривационные процессы в славянских языках с точки зрения языковой экономии.

С. Топоска (Македония) в докладе «Семантическая деривация у префиксов в македонском языке (с параллелями из других славянских языков)» показала на примере приставки *од*, что в центре семантической структуры как в македонском, так и в других славянских языках (приводились параллели из сербского, хорватского и польского) находится пространственное значение удаления, выделения, которое дает начало употреблению приставки для выражения временного значения, а затем и других более абстрактных значений.

Т. Брунс (Германия) рассмотрел случай семантической корреляции между дериватами, которые образованы от наименований профессий лиц мужского пола и которые обозначают лиц женского пола, на примере пары «дальнобойщик – дальнобойщица». В данной паре первое значение слова «дальнобойщица» является стандартным для дериватов подобного

рода — «дальнобойщик-женщина». Второе значение, по мнению докладчика, является уникальным, поскольку именуется профессию по объекту — «прости-тутка, обслуживающая дальнобойщиков». Данное утверждение вызвало вопросы, в ходе дискуссии приводились примеры аналогичных деривационных отношений.

И. Любоха-Круглик (Польша) представила доклад «О перцептивных текстах и полимодальности восприятия», в котором предложила ввести термин «перцептивные тексты». К таким текстам относятся бы тексты, в которых окружающая действительность описывается с помощью органов чувств и которые содержат определенные механизмы связи — соответствующую лексику, фигуру наблюдателя, пространственные синтаксемы и т.д.

Объектом исследований *А. Кисель* (Польша) стали наречия и метаединицы. За метаединицы принимаются единицы, которые по своей форме напоминают наречия, могут употребляться в позиции наречий и указывают на различие двух объектов. По мнению докладчицы, наречия используются для описания мира и синтаксически зависимы от других единиц, в то время как метаединицы синтаксически независимы и используются для описания речи и нас как говорящих. Анализ примеров на русском, болгарском и польском языках из Параллельного корпуса славянских языков показал, что наречия и метаединицы занимают различные позиции в тема-рематической организации предложения, а также имеют различные эквиваленты при переводе.

Доклад *Р. Шафиевой* (Азербайджан) был посвящен описанию сравнительных оборотов с базовым символическим компонентом—наименованием культурных и религиозных понятий в чешском и азербайджанском языках, связанных с различием доминирующих в соответствующих странах религий — христианства и ислама.

В докладе «Семантические структуры предлогов в болгарском, македонском, сербском и словенском языках» *Т.С. Ганенкова* (Россия) на примере македонского предлога *на* показала, что в результате использования метода «семантических карт» выделение значений у многозначных единиц становится более формальным. Анализ проводился на материале Параллельного корпуса славянских языков. Было установлено, что на материале корпуса хорошо выделяются наиболее частотные значения анализируемых предлогов, а выявление более редких значений приходится производить «вручную», используя толковые словари и проводя дополнительный анализ материала.

В рамках Съезда прошло несколько тематических блоков. Один из них — «Именные предикативы и дативные модели предложения в славянских языках» — был организован *А.В. Циммерлингом* (Россия). Блок был посвящен неглагольным предикативам, выражающим значения состояния и модальности. *А.В. Циммерлинг* выступил с докладом «Параметрическое описание предикативов: синтаксис и семантика», где описал параметры «приоритетный актант в косв.п.» и «дополнение в им.п.», исследовал случаи несоответствия морфологического и синтаксического согласования, а также выделил три типа производящих основ для адъективных предикативов.

А.А. Градинарова (Болгария) и *Е.Ю. Иванова* (Россия) представили доклад «Дативная модель с предикативом на -о в русском и болгарском языках: продуктивность и сферы распространения», в котором проанализировали активность исследуемой модели, коррелятивную связь между предикативами на -о и качественными прилагательными, а также возможность соотнесения предикативов

с другими типами основ. Кроме того, Е.Ю. Иванова указала на увеличение числа соответствий с прилагательными вследствие высокой продуктивности дативной модели (в том числе на примере текстов из сети интернет).

Г.М. Петрова (Болгария) в докладе «Именные предикативы, присоединяющие дательный экспериенцер в болгарском языке: семантика и синтаксис» рассмотрела семантические группы предикативов, связанных с обозначением различного рода экспериенцеров, базовые синтаксические схемы таких конструкций в болгарском языке, а также наличие/отсутствие коррелятивных конструкций без дательной клитики и семантические различия коррелятов.

По аналогичной схеме (семантические группы предикативов, базовые синтаксические схемы, наличие/отсутствие коррелятивных конструкций без дательной клитики и семантические различия коррелятов) были организованы доклады *Б. Марич* (Сербия) «Конструкции типа *Тешко ми је и Мука ми је* в сербском языке», *Л. Митковской* (Македония) «Конструкции с именными предикатами и дативными субъектами в македонском языке». В докладе *Е. Кулинич* (Канада) «Дательный субъект с предикатами состояния в украинском языке» исследуемые конструкции также были рассмотрены с точки зрения современных синтаксических теорий. В докладе *М. Ухлика* (Словения) «Выражение экспериенцера в словенских предикативных конструкциях» был представлен анализ семантических разновидностей дативного экспериенцера, возможные коррелятивные конструкции (чаще всего с винительным падежом), а также сравнение русских и словенских конструкций.

Помимо тематических блоков и секций работа также велась в рамках «круглых столов». Один из них был посвящен корпусной лингвистике. Развитию Национального корпуса русского языка (НКРЯ) был посвящен доклад *В.А. Плунгяна* (Россия). Особый интерес публики вызвала информация об относительно новых разделах — акцентологическом и мультимедийном корпусах. *Е.В. Рахилина* (Россия) рассказала о трех «малых» корпусах, создаваемых в Высшей школе экономики, а также задачах, которые данные корпуса позволяют решать. Корпус эритажного русского языка состоит из текстов студентов, изучающих русский как иностранный, и эритажных говорящих — людей, которые начали усваивать русский язык как родной, но уехали за границу, не успев овладеть им до конца. Корпус русских учебных текстов содержит тексты на русском языке, написанные студентами разных вузов и сопровождаемые метатекстовой, морфологической разметкой и разметкой по ошибкам. Корпус региональных вариантов русского языка на данный момент включает тексты, записанные от проживающих в Дагестане носителей даргинского, аварского, кумыкского, лакского, арчинского, табасаранского и других языков. В корпусе доступны не только расшифрованные тексты, но и звук. Размечены типичные грамматические особенности. *Д.В. Сичинава* (Россия) рассказал о параллельных корпусах в составе НКРЯ. Доклад *М. Лазиньского* (Польша) «В поисках вида и одушевленности в славянских корпусах: морфемы и грамматические теги» был посвящен вопросу, как можно использовать материал корпусов для исследования категорий вида и одушевленности в корпусах различных славянских языков и какие проблемы при этом возникают. Доклады *М. Крена* (Чехия), *С. Коевой* (Болгария), *Д. Вутаса* (Сербия) и *Ц. Крстевой* (Сербия) были посвящены современному состоянию и направлениям дальнейшего развития национальных корпусов чешского, болгарского и сербского языков, соответственно.

ОБЗОР ДОКЛАДОВ ТЕМАТИЧЕСКОГО БЛОКА «ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ»

© 2019 г. Н.Н. Запольская

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

E-mail: zapolskaya n@mail.ru

В обзоре докладов тематического блока представлены явившиеся предметом обсуждения теоретические проблемы: построение функциональной типологии славянской книжности с учетом сферы назначения текстов; определение функционального статуса отдельного текста и определение функциональных отношений текстов (функциональное тождество, функциональная вариантность, функциональный сдвиг, функциональное реплицирование в пространстве и времени культуры).

The review of reports of the themed panel presents the theoretical issues discussed in the panel: construction of a functional typology of Slavic literature, taking into account texts' target sphere; determination of the functional status of an individual text and definition of functional relations of texts (functional identity, functional variation, functional shift, functional replication in space and time of culture).

Ключевые слова: Slavia Christiana, функциональность славянской книжности, церковнославянский язык.

Keywords: Slavia Christiana, Functionality of the Slavic Literature, Church Slavonic.

DOI: 10.31857/S0869544X0004766-5

Особенностью тематического блока «Функциональность славянской книжности» явилась теоретическая модальность докладов, позволившая организовать работу блока как обсуждение иерархически выстроенных теоретических проблем:

— представление культурно-языкового ареала Slavia Christiana (а затем культурно-языкового ареала Slavia Orthodoxa) как коннективной структуры общего знания, общего опыта, общей памяти;

— построение функциональной типологии славянской книжности с учетом сферы назначения текстов (церковная сфера: богослужебная / монашеская / приходская // светская сфера);

— определение функционального статуса отдельного текста и определение функциональных отношений текстов: функциональное тождество,

функциональная вариантность, функциональный сдвиг, функциональное реплицирование в пространстве и времени культуры¹.

Обсуждаемые теоретические проблемы были верифицированы в докладах на материале текстов разных функциональных типов, созданных в культурно-языковом ареале *Slavia Orthodoxa* и в культурно-языковом пограничье в XI–XVIII вв.².

Доклад *Н. Запольской* (Россия) «У истоков славянской книжности: функциональная легитимация славянского литургического языка» был посвящен исходной для данного тематического блока проблеме – легитимации славянской книжности и славянского книжного языка. «Римский» этап институциональной легитимации славянских богослужебных текстов и славянского богослужебного языка включал ритуал – освящение славянских богослужебных книг и совершение литургии на славянском языке в Риме в конце 867 г. или в начале 868 г., и документы – буллы римских пап, содержавшие разрешение совершать богослужение на славянском языке в славянских землях, непосредственно подчиненных римскому престолу. Созданные в разных исторических условиях разные источники демонстрируют разные стратегии описания процесса легитимации славянских текстов и славянского языка, что осложняет реконструкцию этого процесса. Исследовательское внимание автора доклада сосредоточилось на описании процесса легитимации текстов и языка в Житии Константина, в котором процедура легитимации представлена как действие, последовавшее за перенесением в Рим обретенных Константином мощей св. Климента. В таком церемониальном дискурсе важность приобретали содержание и ход действия: сначала в церкви св. Марии были освящены славянские книги, затем, после рукоположения учеников Константина и Мефодия, совершалась славянская литургия в римских храмах – в первый день в церкви св. Петра, во второй день в церкви св. Петрониллы, в третий день в церкви св. Андрея и затем в церкви св. Павла. Выбор храмов и последовательность совершения в них богослужения отражали логику «храмового сознания», актуализирующего функциональный статус святого. Первое богослужение происходило в главном храме – церкви св. Петра, основателя Римской церкви, последующее богослужение – в церкви св. Петрониллы, духовной дочери Петра, что могло символически указывать на отношения римского престола и поместных церквей. Выбор церкви св. Андрея определялся тем, что апостол Андрей считался основателем Константинопольской церкви, а завершение процедуры легитимации службой в церкви св. Павла определялось статусом апостола Павла как «апостола народов», провозгласившего в посланиях идею христианского универсализма. Не столь понятен выбор церкви св. Марии для освящения славянских богослужебных книг: принятое исследователями объяснение выбора тем, что этот храм был «особенно любим папой Адрианом II», представляется автору доклада недостаточно убедительным, поскольку речь может идти не столько об отношении папы Адриана к этому храму, сколько о роли этого храма в церемонии поставления римских пап, а именно, об аккламации римского народа после избрания папы. Ключом к пониманию выбора, по мнению автора

¹ В преддверии XVI Международного съезда славистов данные теоретические проблемы были обсуждены участниками тематического блока на международной научной конференции «Восьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения» (Рим–Флоренция, 5–10 февраля 2018 г.), организованной Центром междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН, кафедрой славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова и кафедрой славистики Флорентийского университета.

² Развернутые тезисы докладов представлены на сайтах: inslav.ru; slaviachristiana.ru.

доклада, может быть название церкви — *beata Maria ad Praesepe*, свидетельствующее о главной реликвии храма — Яслях Христовых. С целью сохранения святыни Ясли Христовы вместе с другими реликвиями в 642 г. были вывезены из Вифлеема в Рим и помещены в церкви св. Марии, что создавало символическое пространство, связанное с Рождеством Христовым. В церкви св. Марии, в алтаре, нашли упокоение и мощи св. Иеронима, вопрос о времени перенесения которых остается открытым: перенесение могло состояться либо вместе с перенесением Яслей Христовых, либо в периоды с 1099 г. по 1187 г. или с 1229 г. по 1244 г., т.е. когда Вифлеем был под властью крестоносцев. Даже если в IX в. мощи св. Иеронима еще не были реликвией церкви св. Марии, сам «вифлеемский контекст» напоминал о библейском переводчике и экзегете, родившемся в Римской провинции Иллирик, жившем в Риме и в Вифлееме, похороненном в Вифлееме рядом с Пещерой Рождества Христова. В перспективе освящения славянских библейских книг в Риме переводческая деятельность Константина Философа могла функционально соотноситься представителями Римской церкви с переводческой деятельностью св. Иеронима, что могло повлиять на выбор храма для церемонии освящения и определить функциональный характер легитимации: св. Иероним исправил в Риме латинские редакции евангельских текстов по греческим оригиналам, а в Вифлееме перевел с древнееврейского языка книги Ветхого Завета, Константин Философ перевел Евангелие, Апостол и Псалтырь с греческого языка на славянский. Таким образом, именно функциональный подход позволяет предложить объяснение незамеченных ранее исследователями особенностей процедуры легитимации славянского литургического языка и выявить собственно функциональный характер этой легитимации.

Введение в научный оборот нового текстового материала и определение его функционального статуса было представлено в докладе Е. Ухановой (Россия) «Новые результаты в прочтении Хлудовского глаголического палимпсеста XI в.». Явившийся предметом исследования глаголический палимпсест состоит из восьми пергаменных листов, использованных в конце XIV — начале XV в. сербским писцом при составлении богослужебного сборника-конволюта (ГИМ. Хлуд. 117. Л. 7—14). Еще один палимпсест, использованный тем же писцом в этом сборнике, содержит латинский текст, вероятно, текст Лекционария (л. 105—108). Расшифровке и атрибуции смытого текста были посвящены работы А.А. Турилова, который дал название этому памятнику — Хлудовский глаголический палимпсест (ХГП). В УФ-лучах ему удалось лишь частично прочесть 12 строк на л. 13об., однако он смог атрибутировать их как отрывок канона Козьмы Маюмского на Рождество Христово. Сотрудничество автора доклада с коллегами из Института космических исследований (ИКИ) РАН позволило применить современные естественнонаучные методы в чтении ХГП. Использование мультиспектральной и макрофотосъемки, а также последующая обработка полученных цифровых изображений специализированными программными средствами дали принципиально новые результаты в чтении палимпсеста. Предварительный анализ графико-орфографических особенностей показал, что палимпсест был создан в XI в. в юго-западных землях Первого Болгарского царства (Македонии). Использование славянским писцом большого латинского инициала в глаголическом тексте свидетельствует о славяно-латинской контактной культурной зоне, из которой происходит эта рукопись. Латинский палимпсест выполнен южноитальянским беневентанским письмом эпохи его становления — в X в., а специфичная орнаментика его огромных инициалов — мотив стилизованной «головы змеи» («головы

собаки») — стала визитной карточкой греческих и латинских южноитальянских рукописей. Следовательно, можно говорить о существовании прямых контактов двух книжных культур — латинской южноитальянской и ранней болгарской. Прочтение автором доклада четырех листов показало, что это древнейший список глаголической праздничной минеи: выявлены фрагменты служб архистратигу Михаилу и собору бесплотных сил (8 ноября, л. 12об.), преп. Иоанну Златоусту (13 ноября, л. 11, 14об.) и Рождеству Христову (25 декабря, л. 13об.). Текстологическое сравнение различных списков минеи обнаружило тот факт, что глаголический текст чаще всего совпадает с чтениями древнейших праздничных минеи — Ильиной книги и Скопльской минеи. Автор доклада также отметила, что в службе 8 ноября архистратигу Михаилу (л. 12об./10–22) присутствуют три уникальные стихиры 3-го гласа, неизвестные по другим славянским и греческим спискам. Велика вероятность, что эти стихиры являются оригинальными славянскими песнопениями, созданными первыми болгарскими гимнографами. ХГП делает возможным объективную реконструкцию древнейшей болгарской праздничной минеи Охридской редакции. Его заметная близость с Ильиной книгой на фоне древнерусских полных минеи делает последнюю не маргинальным списком, а представителем древнейшей редакции минейного гимнографического сборника, когда-то бывшей, вероятно, основной для русской литургической практики.

Результат исследования самого процесса книгописания представлял второй доклад *Е. Ухановой* «Формы организации книжного производства в Древней Руси: данные кодикологии и палеографии», в котором на примере древнерусских рукописей устанавливалось соотношение разных форм организации книгописания — монастырской, церковно-приходской и временной артельной.

Доклад *М. Гардзанини* (Италия) «Происхождение и цель первого славянского сборника — Изборника 1073 г.» был посвящен проблеме *функционально-го тождества* оригинального и переводного книжного текста. Для ответа на вопрос о функциональном статусе первого славянского сборника автор доклада обратился к содержанию греческого оригинала и историческим обстоятельствам его создания. Греческий оригинал — $\Sigma\tau\eta\rho\iota\omicron\varsigma$ — состоит из собрания вопросов и ответов Анастасия Синаита, при этом самому Анастасию принадлежат только первые 23 вопроса, а также 40, 55, 60, 63–64 и 128 вопросы. Остальные принадлежат составителю сборника Псевдо-Анастасию, вероятно, современнику патриарха Фотия. Тематически центральная часть сборника включает несколько разделов: первые 22 вопроса касаются христианской жизни, затем идут вопросы о Ветхом завете и вопросы о Новом завете в соответствии с порядком провозглашения на литургии. Заключительная часть содержит серию основополагающих текстов для понимания богословия Троицы и толкования Библии, среди которых представлены списки библейских книг с указанием их каноничности. Для понимания функционального статуса греческого оригинала принципиально важным оказывается константинопольский контекст IX в., период, когда патриарх Фотий организовывал миссионерскую деятельность, о которой свидетельствуют его Письмо к Восточным патриархам и хану Борису, а также Жития Константина и Мефодия. Можно предположить, что $\Sigma\tau\eta\rho\iota\omicron\varsigma$ был предназначен для миссионеров, которые должны были излагать христианское учение так, как оно представлено в традиции христианского Востока. Следовательно, и славянский перевод — Симеоновский сборник, как свидетельствует его список, Изборник 1073 г., представляет собой сочинение, предлагавшее «набор инструментов», необходимых для понимания и истолкования Священного писания на уровне содержания и на уровне формы, т.е.

сочинение, чрезвычайно полезное для обучения миссионерского духовенства, среди которого были и первые ученики Кирилла и Мефодия. Доказательством этой функциональной направленности сборника является наличие библейских и святоотеческих цитат, ключевых для понимания и славянской миссии. Греческий оригинал мог служить также для обучения новообращенных христиан знатного рода, к которым относился и молодой Симеон во время его учебы в Константинополе. Таким образом, автор доклада опровергает традиционный взгляд на первый славянский сборник как явление «средневекового энциклопедизма», поскольку греческий оригинал – *Σωτήριος* – не был трактатом христианской эрудиции, написанным в энциклопедической форме. В славянском переводе этот сборник стал моделью вопросно-ответной формы как мнемонического средства и моделью аргументации, сопровождения Священного писания экзегезой святых отцов. Сборник не имел, конечно, прямой литургической функции, но как пособие для монастырских школ и как собрание проповедей был связан с конкретными потребностями христианских общин, участвуя тем самым в формировании «церковной памяти» сначала на Балканах, а позже у восточных славян.

В докладе *И. Шнадиер* (Сербия) «Функциональность сербской литературы XIII в. – агиографические и гимнографические сочинения, посвященные святому Симеону», рассматривалась проблема *функциональной вариантности* книжного текста. В течение XIII столетия святому Симеону Мироточивому были посвящены три жития – старейшее, вышедшее из-под пера святого Саввы, младшего сына Симеона (около 1207?); более позднее житие, автор которого – Стефан Первовенчанный, средний сын Симеона и наследник на престоле (закончено после 1216?); и позднейшее, написанное Доментианом (1264?). «Житие святого Симеона» Саввы невелико по объему и подчиняется рамкам более широкого целого, так что не имеет типичной композиции византийской агиографии. Оно было предназначено братству монастыря Студеницы, в котором Симеон был ктиторм и где покоятся его мощи. В отличие от первого, Житие, написанное Стефаном Первовенчанным, должно было послужить повсеместному укреплению культа основателя святородной династии. Оно представляет собой пространную агиографию со всеми элементами житийной композиционной схемы. Третье, наиболее обширное «Житие святого Симеона», написанное Доментианом, является сложной компиляцией, мозаикой, составленной из «Жития святого Саввы» Доментиана и «Жития святого Симеона» Стефана, а также «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона. Заимствования из этих произведений, особенно из «Жития святого Саввы» и труда Стефана, сменяются поочередно, и Доментиан весьма удачно комбинирует более древние сочинения, создавая новое функциональное целое. В начале XIII в. святой Савва написал также первую службу святому Симеону – произведение с простой, доиерусалимской структурой. В последние десятилетия этого столетия Феодосий Хиландарец сочинил для него новую службу. «Служба святому Симеону» Саввы сохранилась лишь в пяти списках, а служба Феодосия насчитывает свыше тридцати. Служба Феодосия, «иерусалимская» по структуре, возникла в результате введения в сербское богослужение Иерусалимского устава. «Иерусалимская» служба Феодосия вытеснила из богослужения произведение Саввы, что подтверждается и большим числом ее списков. Такая ситуация – намного более скромная литургическая «жизнь» службы Саввы – показатель *функциональности* богослужебной поэзии и ее литургической практики. Произведение Саввы «выжило» в тех более поздних списках, которые возникали

на периферии, а не в центральных областях сербской письменности и церковной жизни.

В докладе С. Темчина (Литва) «Функциональный сдвиг в церковнославянской гимнографии: службы Сербляка» проблема *функционального сдвига* раскрывалась на материале служб, текст которых менял свою первоначальную функцию из-за переадресовки иным святым или даже целым ликам, сопровождавшейся переработкой исходного текста (как минимум заменой имен). Автор доклада провел детальное исследование приписываемой белградскому митрополиту Михаилу «Службы сербским просветителям» (30 августа) в составе служб Сербляка (1861, 1986 гг.), которая состоит в основном из песнопений, заимствованных из более ранних церковнославянских гимнографических произведений, переводных и оригинальных (древнерусских). Так, первый канон (8-го гласа) и ряд стихир этой сербской службы заимствованы из семантически весьма близкой русской службы Симеона Шаховского на Собор святителей Московских Петра, Алексия, Ионы, всея России чудотворцев (5 октября), в которую позже были добавлены имена Филиппа и Ермогена. Из этого же источника заимствованы и иные песнопения сербской службы: стихиры на Господи, возвах (глас 4-й), по 1-й кафизме седален (глас 3-й), по полиелеи седален (глас 4-й), по 50-м псалме стихира глас 6-й), седален (глас 4-й), кондак (глас 3-й) с икосом, на хвалитес стихиры (глас 8-й). Второй канон (также 8-го гласа) также состоит из заимствованных песнопений. Первый тропарь 1-й песни основан на 3-м тропаре 1-го канона (8-го гласа) службы всех преподобных отцев, на святей горе Афонстей просиявших (исполняется во 2-ю неделю по Пятидесятнице, но печатается как приложение к майскому тому московских миней), написанной Никодимом Святогорцем (1749–1809). Несколько тропарей заимствовано из 2-го канона 8-го гласа (авторства Иоанна Евхайтского) из переводной Службы трем святителям Григорию Богослову, Василию Великому и Иоанну Златоусту (30 января). Еще несколько тропарей восходят к переводному канону 4-го гласа Феофана Начертанного из Службы св. Макарию Египетскому (19 января). Начиная с 5-й песни, все тропари заимствованы из двух канонов (3-го и 7-го гласа) древнерусской Службы св. Никите († 1108), епископу Новгородскому (31 января), составленной Маркеллом Безбородым. Выявленные гимнографические источники позволили автору доклада предположить, что служба сербским просветителям создавалась в два этапа. Первоначально она состояла лишь из песнопений, заимствованных из русской службы московским святителям (1-й канон и минимально необходимый комплекс стихир), а позже к ним были добавлены гимны, почерпнутые из иных источников (2-й канон и, видимо, большинство стихир). Лишь для второго хронологического слоя характерны особые черты: а) песнопения взяты из разных гимнографических композиций; б) практически все источники (кроме 1-го тропаря канона) принадлежат январской служебной минее; г) лишь здесь присутствуют оригинальные песнопения, хотя и редкие. Таким образом, данная гимнографическая композиция является ярким примером *функционального сдвига* церковнославянских гимнографических текстов и значительным памятником русско-сербских культурных контактов в области церковной литературы середины второй половины XVIII–XIX в. Ее вполне можно рассматривать в качестве своеобразного продолжения Второго восточнославянского влияния на южнославянскую книжность конца XV – первой четверти XVIII в.

Доклад А. Альберти (Италия) «Филологическая деятельность тырновских книжников XIV в. и восстановление кирилло-мефодиевского наследия» был посвящен проблеме *функционального реплицирования текстов во времени*

культуры. Исследовательское внимание автора доклада было направлено на книжное наследие эпохи царя Ивана Александра (1331–1371), на деятельность «Тырновской книжной школы», традиционно рассматриваемой как результат «покровительства» со стороны царской семьи. Автор доклада пришел к выводу, что типология и конкретное содержание текстов, написанных в течение четырех десятилетий царства Ивана Александра, ясно показывают стремление к восстановлению кирилло-мефодиевского наследия, т.е. «славянских» и монашеских корней книжной культуры: последние десятилетия Второго Болгарского Царства демонстрируют диалектику «возвращения к прошлому» и влияния современной византийской культуры.

Доклад *И. Климова* (Белоруссия) «Православный ответ на вызовы Реформации и Контрреформации: украинско-белорусский печатный сборник в составе Псалтыри и Нового Завета (конец XVI – 1-я треть XVIII в.) был посвящен проблеме *функционального реплицирования в пространстве (пограничье) культуры*. Реформация, а затем и Контрреформация явились определенным вызовом для православных сообществ Восточной Славии XVI–XVII вв., находившихся в составе Речи Посполитой. Ответом на этот вызов стал печатный сборник, состоящий из Псалтыри и Нового Завета на церковнославянском языке. Примечательно, что ранее сборник подобного состава не был известен ни у православных славян, ни в Западной Европе. Благодаря наличию лекционной разметки и лекционных таблиц издание могло использоваться как для индивидуального чтения, так и для богослужения; имея отдельную фолиацию для каждой части библейских книг, оно также могло разниматься, и каждая его часть была способна существовать самостоятельно. Впервые такая книга была выпущена форматом 8° в Остроге в 1580 г. в связи с изданием Острожской Библии, видимо, как часть грандиозного издательского проекта, финансируемого князем Константином Острожским. Появление на восточнославянской почве сборника подобного содержания, не связанного с местной традицией, позволяло издателям вводить новации как в библейский текст, так и в его сопровождение. Уже в 3-м издании на полях были помещены маргиналии (а в библейском тексте – аргументы) на «русской мове», что придало сборнику двуязычный характер и пасторальное, дидактическое звучание. Автором этих маргиналий (а также, возможно, и аргументов) выступил Мелетий Смотрицкий, который частично ориентировался на польский кальвинистский перевод Брестской (Радзивилловской) Библии 1563 г., а частично, на церковнославянские источники. Также в 3-м издании были внесены некоторые небольшие, но важные изменения в библейский (церковнославянский!) текст (например, добавлена *comma johanneum*), отражающие преимущественно западную традицию.

Проведенный тематический блок «Функциональность славянской книжности» показал важность как новых фактов, так и обновленной проблематизации для плодотворного изучения славянской книжности.

ОБЗОР ЗАСЕДАНИЙ СЕКЦИИ ПО ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ

© 2019 г. А.А. Плотникова

*Д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН**E-mail: annaplotn@yandex.ru*

Обзор включает доклады по этнолингвистике, сделанные на XVI Международном съезде славистов во время заседания секции, специально посвященной этому направлению в языкознании. Проведена их классификация по ориентации на одно из ведущих течений в современной этнолингвистике: либо в русле исследований Московской этнолингвистической школы, либо польской, изучающей аксиологические культурные концепты и развивающей программу ETNO (EUROJOS), либо в рамках антропологического направления.

The review includes the reports on ethnolinguistics made at the XVI International Congress of Slavists during the session of the section purposely dedicated to this direction in linguistics. Their classification on orientation to one of the leading currents in modern ethnolinguistics is carried out: either in the course of researches of the Moscow ethnolinguistic school, or Polish, studying axiological cultural concepts and developing the ETNO (EUROJOS) program, or within the anthropological direction.

Ключевые слова: этнолингвистика, ареалогия, лингвогеография, лексика, языковые образы, народная культура, фольклор, славянские древности.

Keywords: ethnolinguistics, arealogy, linguogeography, vocabulary, language images, folk culture, folklore, Slavic antiquities.

DOI: 10.31857/S0869544X0004767-6

Секция, посвященная этнолингвистике (1.6.5.), включала разнообразные доклады, сделанные в русле нескольких этнолингвистических направлений. Среди докладчиков основу секции составили участники, представляющие Московскую школу этнолингвистики и занимающиеся реконструкцией языка и традиционной народной культуры славян, в основном из Института славяноведения РАН (А.А. Плотникова, И.А. Седакова, Е.С. Узенёва, М.М. Валенцова, М.В. Ясинская, О.В. Чёха), а также и из зарубежных вузов и научных институтов (К. Задоя из Германии; Н.П. Антропов, Т. Авилин, Е.М. Боганева из Белоруссии; К. Женьюхова из Словакии). Были сделаны доклады в рамках антропологического направления в Сербии (С. Ристич, И. Лазич-Коник) и ученых, занимающихся исследованиями, посвященными современному состоянию народного восприятия ряда основополагающих, главным образом социальных, концептов мировоззрения

(С. Небжеговская-Бартминьская, А. Невяра). Следует отметить, что в работе секции участвовали и молодые ученые-этнолингвисты. Всего было проведено два заседания в течение одного дня (ведущие секции – А.А. Плотникова и И.А. Седакова). Практически после каждого доклада велась оживленная дискуссия, в которой принимали активное участие ведущие слависты-диалектологи и фольклористы (например, П.Е. Гриценко, А.Л. Топорков, Л. Раденкович и др.). Далее обзор докладов строится в порядке их следования.

А.А. Плотникова (Россия) в докладе «Карпато-балканские этнолингвистические параллели» рассмотрела несколько карпато-балканских этнолингвистических параллелей, характеризующих, с одной стороны, центральную зону Южной Славии, с другой – аналогичные явления в Западной Украине, зафиксированные на Гуцульщине. В докладе речь шла о лексике народной духовной культуры общего славянского происхождения, а также о существенных текстуальных совпадениях в кратких фольклорных жанрах у славян в восточных Карпатах и на Балканах. В центре внимания докладчицы была так называемая низшая мифология славян. Анализировались, во-первых, наименования, связанные с магией и колдовством (от *činiiti); во-вторых, названия мифологических персонажей, предсказывающих судьбу ребенка (от **spd-*): серб. *суђенице*, з.-серб. *усуд(а)*, гуцул. *судци*; и в-третьих, фольклорные мотивы, касающиеся запретов и предписаний, которые высказываются в песнях мифологических персонажей типа ю.слав. ⁺*vila*. В двух первых случаях рассматривалась лексика традиционной народной культуры, в последнем – практически текстуальные совпадения в малых фольклорных жанрах («песнях вил»). Все проанализированные параллели относятся к архаическому слою культурно-языковой народной традиции. Аналогии на Гуцульщине и в центральном регионе Южной Славии показали общие глубокие корни населения двух славянских регионов.

А. Невяра (Польша) доклад «Универсализм и релятивизм ключевых слов и понятий в славянских культурах в сравнительной перспективе» посвятила вопросам лингвистической аксиологии. По мнению докладчицы, следует определить, во-первых, возможности типологизации в пределах славянского мира таких ключевых слов, как «человек» или «бог», происходящих из праславянского языка и называющих основополагающие понятия; во-вторых, возникновение относительно разного восприятия ключевых слов в отдельных славянских культурах и традициях; в-третьих, стоит предпринять попытку выявления связи между языком и культурой, т.е. соответствием между концептуализацией ключевых понятий и культурными сценариями, распространенными в отдельных славянских культурах. Более подробно в этом аспекте анализировались о.-слав. **č(b)lověka*, рус. *свобода* и некоторые другие.

С. Ристич и *И. Лазич-Кониц* (Сербия) в докладе «Тенденции развития этнолингвистики в современной сербской лингвистике» сделали обзор этнолингвистических течений в современном славяноведении, подробно остановившись на достижениях сербских ученых в этой области. По словам докладчиков, цель их выступления состояла в том, чтобы показать основные результаты проведенных к настоящему времени этнолингвистических исследований в Сербии, определить фазы и тенденции их развития. При этом основным отправным пунктом такого обзора стали теоретические и методологические принципы, с одной стороны, «московской», с другой – «люблинской» школы, задействованные так или иначе в исследованиях сербских лингвистов.

М.М. Валенцова (Россия) в докладе «Карпатская мифологическая лексика (этнолингвистический аспект)» остановилась на специфике карпатской мифологической лексики, отличающей ее от севернославянских традиций. Докладчица показала, что карпатская мифологическая лексика определяется рядом общих черт, связанных

как с заимствованиями разного времени из венгерского, романских и тюркских языков и диалектов (например, наименования *босорка*, *шаркан* происходят из венгерского языка, *стрига* – из латинского), так и с изменениями в семантике славянских слов. Карпатские изоглоссы продолжаются в южнославянском языковом ареале, равно как и балканские изоглоссы – в Карпатах, образуя непрерывный карпато-балканский континуум. По мнению докладчицы, карпатская мифологическая лексика имеет ряд специфических параллелей (лексических, семантических, этнолингвистических) в полесской, севернорусской, отчасти в серболужицкой и других севернославянских традициях (например, *pošnica*, *veštica*, *boginja*, поверья о двоедушниках). Был также сделан краткий обзор лингвистического изучения Карпат с особым вниманием к лексике духовной культуры региона.

К. Задоя (Германия) в докладе «Эвфемистические наименования змей в восточнославянских карпатских диалектах» проанализировала богатый материал украинских Карпат, где названия змей, по замечанию докладчицы, очень многообразны и варьируются от села к селу. Эвфемистические названия змей этого региона рассматривались в докладе вместе с поверьями, объясняющими или мотивирующими запрет на прямое упоминание змеи в речи. Докладчица выделила некоторые ареалы бытования специфических наименований и поверий: например, упоминание змеи призывает этого «гада» или наносит вред здоровью человека, не связанный непосредственно с активными действиями пресмыкающихся. Рассматривались также календарные запреты на упоминание змей, анализировался комплекс поверий, относящийся к уходу змей в землю на зиму. Было уделено внимание табу на те глаголы, которые обозначают укусы змеи. Вместе с тем, анализ рассматриваемых эвфемизмов в речи разных поколений жителей карпатских сел показал сложности сохранения традиционной карпатской культуры в современных условиях.

М.В. Ясинская (Россия) в докладе «Представления о зрении в похоронно-поминальной обрядности славян» показала, что в условиях ситуации перехода человека в иной мир представления о зрении становятся особенно актуальными, поскольку зрение выступает в качестве одной из основных примет этого мира (рус. *белый свет*, болг. *бело видело*), а слепота является признаком того света. В похоронном и поминальных обрядах значительное внимание уделяется зрению умершего, тому, что с ним происходит после смерти: каким образом утрачивается земное зрение и приобретает потустороннее, отличное от человеческого. Многие ритуально-обрядовые действия, а также ряд запретов объясняются заботой о зрении покойников: так, зажигается свеча, чтобы освятить умершему путь в иной мир; на Русском Севере гроб изготавливается с прорезанными или нарисованными окошками, и т.д. По словам докладчицы, заботой о посмертном зрении мотивируется обычай носить белый траур (чтобы умершим, особенно детям, не было темно на том свете). В Полесье запреты на работу в поминальные дни объясняются опасением засорить глаза умершим предкам. Кроме того, в славянской похоронно-поминальной обрядности уделяется внимание зрению живых, оказавшихся в ситуации контакта с умершим. О этом свидетельствуют зрительные запреты и предписания, которые должны соблюдать близкие покойного (например, нельзя оглядываться во время участия в похоронной процессии или, наоборот, обязательно нужно заглянуть в печь по возвращении с кладбища, чтобы избавиться от тоски по умершему). Некоторые запреты смотреть на покойника касаются определенных групп людей (например, беременных).

И.А. Седякова (Россия) в докладе «Концепт “любовь” в этнолингвистическом освещении (на болгарском и инославянском материале)» обратилась к болгарским (и частично другим славянским) лексико-фразеологическим, фольклорным

и обрядовым материалам с целью реконструкции понятия любви в патриархальном обществе, его языке и культуре. Докладчица подчеркнула, что любовь как понятие многоаспектное в данном случае ограничивается сферой человеческих отношений (любовь между мужчиной и женщиной), отчасти с включением типичных для народной культуры мифологических представлений о связи человека с умершим супругом и/или демоническим персонажем. В патриархальном обществе любовь подвергается аксиологической характеристике по многим параметрам («законная», «запрещенная», «неразделенная», «с инородцем», «с иноверцем» и др.) и служит ключевым мотивом в создании и разрешении ряда жизненных и обрядовых ситуаций. Любовь коррелирует с базовыми оппозициями «жизнь – смерть», «тайное – явное», «счастье – несчастье», «здоровье – болезнь», «порядок – хаос» и др. Седатова показала, как метафорика любви раскрывается через анализ акционального кода в обрядовой практике и ритуалах жизненного цикла человека, которые связаны с рождением человека, вступлением в брак и смертью/погребением. Особенно же ярко символическая составляющая концепта любви присутствует в любовной (приворотной и отворотной) магии и народномедицинских текстах, где любовь синонимична страсти и зачастую выступает как болезнь, навязчивая идея фикс (болг. заимствованное *мерак* «страстное желание»). В народных песнях, нарративах о воспитании детей, рассказах о молодости, влюбленности, свадьбе и других текстах формируется своеобразный «любовный дискурс», особая прагматика, с устойчивыми речевыми оборотами и определенным набором мотивов.

С. Небжеговская-Бартминьская (Польша) посвятила свой доклад «Единение с жизнью в традиционной культуре – от принципа к постулату» гносеологическим аспектам жизни и смерти, микрокосмоса и макрокосмоса, единению и борьбе как процессам движения в природе и окружающей человека среде. В основе народного мировоззрения лежит представление о единстве человека со вселенной и трактовка космоса как некоего целостного и живого организма, частью которого является человек. Связь между человеком и миром опирается на принцип взаимодействия: как человек заботится об окружающей среде, оказывает поддержку слабеющим силам природы, так и окружающий мир помогает и обеспечивает человека – удовлетворяет его потребности, предоставляет средства к существованию. Докладчица рассмотрела двустороннюю деятельность природы и человека в традиционной культуре, которая, в частности, не сводится лишь к борьбе с внутренним миром, поскольку «единение с жизнью» пронизывает всю вселенную, или к борьбе против злых и вредоносных существей, так как единственно общей борьбой можно считать борьбу против смерти, точнее, против процессов распада, одной из форм которых выступает смерть. Представленный в докладе анализ принципа «единения с жизнью» (предложенный В. Томасом и Ф. Знанецким) автор вписывает в рамки более широких исследований аксиологических культурных концептов по программе ETNO(EUROJOS), которой в настоящее время активно занимаются польские этнолингвисты.

Е.С. Узенёва (Россия) в докладе «Славяне-мусульмане Южной Славии: терминология духовной культуры» рассмотрела терминологические системы разных сфер традиционной культуры (календарь, семейная обрядность, мифология) славян-мусульман на Балканах. В основу исследования автора легли материалы по культуре болгар-мусульман (*помаки*, *ахряне*) – этнических болгар, говорящих на болгарском языке, проживающих в различных регионах страны и представляющих разные культурные диалекты одной традиции. Эти данные докладчица сравнивала с культурно-языковыми традициями других представителей исламского мира Южной Славии: славян-мусульман Боснии и Герцеговины (*бошняки*), Македонии (*торбеши*), историко-культурного региона Гора на стыке Метохии, Албании и Македонии

(горанцы). При этом в докладе были широко задействованы полевые материалы, собранные автором в экспедициях по Болгарии и другим странам за последние десять лет. Подробно проанализировав разные пласты лексики традиционной народной культуры, докладчица пришла к выводу о том, что славянская по происхождению лексика составляет большую часть всей терминологической системы разных традиций славян-мусульман на Балканах, тогда как турцизмы закрепились главным образом в религиозной сфере и связанных с ней ритуалах и представлениях. В докладе были приведены различные примеры лексики и соответствующих явлений народной культуры из разных славяно-мусульманских регионов на Балканах (прежде всего, из Северной и Южной Болгарии, из регионов Средних и Восточных Родоп и т.д.).

Совместный доклад *Н. Антропова, Т. Авила и Е. Боганево* (Белоруссия) «Белорусско-инославянские изодоксы в картографической проекции» был ориентирован на принципы исследования белорусско-инославянских изодокс (т.е. изоглосс, касающихся явлений народной духовной культуры) на основе, с одной стороны, базы данных «Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа» (вместе с комплексом карт), и с другой стороны, славянских лингвистических и этнографических атласов, а также специальных картографических разработок (как, например, книга А.А. Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии»). Докладчик Н.П. Антропов сообщил о дальнейших планах коллектива белорусского этнолингвистического атласа (и электронной базы данных в его основе) экстраполировать полученные белорусско-инославянские изодоксы на максимально возможный на сегодняшний день общеславянский этнокультурный ландшафт.

К. Женохова (Словакия) прочитала доклад «Кириллические лечебные справочники XVIII века (этнолингвистический анализ лексики)», в котором на основе текстологического анализа старых лечебников восточной Словакии показала терминологическую лексику традиционной духовной культуры, использовавшуюся в XVIII в. В этой сфере наиболее яркими в плане исследования были признаны названия растений и ингредиентов лекарств в предлагаемых рецептах, а также названия болезней человека и животных. Выявленная терминология содержит словацкие, русинские, немецкие и венгерские лексические элементы, многие из названий флоры снабжены латинскими ботаническими наименованиями. Особое внимание докладчица сосредоточила на мотивации и символике наименований, соотносимых с народной картиной мира и фольклорными представлениями славян.

О.В. Чёха (Россия) посвятила свой доклад «Мотивационные модели названий лунных фаз в языках балканских славян и их соседей» анализу мотивационных моделей номинации лунного времени, отметив, что системность его номинации более заметна в названиях половин (а не четвертей) лунного месяца, почти всегда взаимообусловленных, что объясняется первоначальным двоичным членением лунного цикла. Рассмотренные докладчицей номинации демонстрируют наличие двух разных концепций лунного времени в пространстве Южной Славии. Первая модель, реализуемая в сербской, словенской и частично македонской традициях, антропоцентрична, в большей степени основана на представлениях о «жизни» и «смерти» месяца (молодая и старая луна, безлуние интерпретируемое как смерть луны). Вторая модель, представленная греческой, болгарской и частично македонской традициями, ориентирована на луну как на изменяющийся в объеме предмет. Эти выводы были подтверждены показанной картой наименований первой половины рождающейся луны, производных от корней **mold-* и **nou-*.

ОБЗОР ДОКЛАДОВ ТЕМАТИЧЕСКОГО БЛОКА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЯЗЫКЕ»

© 2019 г. С.М. Толстая

Д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

E-mail: smtolstaya@yandex.ru

Обзор посвящен тематическому блоку № 18. «Историческая память в языке», в котором приняли участие докладчики из Польши, России, Белоруссии и Бельгии. Речь шла о традиционных и современных механизмах и средствах, с помощью которых в языке, ритуале и фольклоре сохраняется память о прошлом.

The review is devoted to the thematic block N 18 «Historical memory in language», which was attended by speakers from Poland, Russia, Belarus and Belgium. It was about traditional and modern mechanisms and means by which the memory of the past is preserved in language, ritual and folklore.

Ключевые слова: славянские языки, лексика, этимология, фольклор, обряд, память.

Keywords: Slavic languages, vocabulary, etymology, folklore, rite, memory.

DOI: 10.31857/S0869544X0004768-7

Тематический блок № 18 был посвящен проблеме памяти и назывался «Историческая память в языке». Его организатором был проф. Ежи Бартминьский, глава люблинской школы этнолингвистики. Участниками обсуждения, помимо польских ученых, были представители московской этнолингвистической школы, а также ученые из Белоруссии и Бельгии.

В своем обстоятельном выступлении «Как история откладывается в памяти и как память откладывается в языке» В. Хлебда (Польша), которому принадлежит целая серия исследований, посвященных концепту памяти, рассмотрел соотношение между названными в заглавии тремя понятиями (История, Память и Язык) и соответствующими многозначными словами (*история-1* как цепь реальных событий и *история-2* как их интерпретация и повествование; *память-1* как индивидуальное, внутреннее психическое переживание и *память-2* как внешний, коллективный опыт; именно *история-2* и *память-2* прежде всего находят выражение в языке и текстах). Он выделил пять основных признаков, которые объединяют *историю-2* и *память-2*: это субъективность,

повествовательность (нарративность), избирательность (селективность), интерпретативность и вербальность (языковая выраженность). Язык предоставляет необходимые средства, формы и структуры, которые позволяют отразить культурно-языковую «картину мира» прошлых эпох, и сам служит хранителем исторической памяти. Главные вопросы, на которые должны дать ответ этнолингвисты, по мнению Хлебды, следующие: какие формы языка сохраняют память о прошлом; что именно из событий прошлого они выделяют; каковы языковые механизмы и средства, с помощью которых передаются знания о прошлом следующим поколениям; какой образ прошлого на их основании воссоздается. При этом язык взаимодействует с другими видами культурной интерпретации прошлого, такими, как историография и память; все они приближают нас к пониманию прошлого, которое иначе нам недоступно.

Е. Бартминьский (Польша) посвятил свое выступление «Традиция и языковая память — стертая, оберегаемая и оживляемая» проблеме реконструкции на основе языка «живой старины», элементов былой культурной традиции, которые могут иметь в наше время разный статус, принадлежать к активному или пассивному слою культуры, сознательно поддерживаться или пребывать в «спящем» состоянии. Обращение к исторической перспективе позволит ответить на вопрос, в каких культурных кругах формировались те или иные семантические группы славянской лексики, какое место в отдельных славянских языках занимает наследие индоевропейское, праславянское, античное, иудео-христианское, кирилло-мефодиевское, западноевропейское; насколько и в какой форме связаны с прошлым собственные имена и т.д. Представление об индоевропейском наследии в польском языке можно получить из работы Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы»: это — названия главных психических функций (*wola, myśl, pamięć, miłość, strach, żal, radość*); религиозных и этических понятий (*duch i dusza, wiara; czart, bies, grzech; prawy* ‘праведный’ *i prawda, wina; raj, piekło, niebo; dziw, cud, mara*), названия деревьев (*drzewo, brzoza, buk, jabłoni*), названия животных (*wilk, lew, osioł, owca, prosie, kot, kura*), явлений природы (*stońce, złoto*); имена родства (*matka, brat, siostra, żona, wdowa, syn*); некоторые личные имена, проливающие свет на систему ценностей древних славян (*Bogdan/Bogodan, Zbigniew/Zbigniew, Czesław, Dobrogost* и др.). О праславянском наследии в польском языке впервые писал Т. Лер-Сплавинский в 1935 г., однако позже наши познания в этой области значительно расширились за счет новых этимологических словарей и прежде всего двух сводных этимологических словарей славянских языков — московского и краковского. В современном сознании поляков память об общеславянском наследии в достаточной мере стерта, более актуальным оказывается представление о различиях между славянскими языками. Христианская лексика вместе с комплексом понятий включает польский язык и польскую культуру в общеевропейский контекст. Наиболее заметны христианские элементы в лексике, прежде всего церковной (костельной), а также в личных именах — древнееврейских, греческих, латинских по происхождению; в библейской и античной фразеологии, а также в новых, христианских, значениях исконных слов (ср. *niebo, gwiazda, wiatr* и др.). Принадлежность польского языка и культуры к кругу западноевропейского христианства открыла дорогу для проникновения в польский язык не только греческих и латинских элементов, но и французских, немецких, английских, итальянских слов, выражений и понятий. Воспринятые польским языком общеевропейские языковые элементы относятся к разным сферам: политической, административной, культурной, научной и др. Изучение численного соотношения современных польских

фамилий, восходящих к разным слоям польского общества в прошлом (дворянству, мещанству, крестьянству), позволяет заметить, что доля дворянских по происхождению фамилий на *-ski* составляет ныне почти 40%, что значительно превышает процент дворянского слоя в прошлом. Некоторые «ключевые» для современного польского слова, такие, как *równość*, *honor*, *naród*, также восходят к дворянской культурной традиции, тогда как, например, *solidarność* имеет «плебейское» происхождение.

А.А. Кожина (Белоруссия) в своем сообщении «Внутренняя форма слова и ее реализация в древних славянских текстах» показала, что прозрачная мотивировка слова участвует в формировании так называемой *figura etymologica*, а деэтимологизированная внутренняя форма слова, утратившая мотивировку, может порождать новое, народно-этимологическое осмысление слова и способствовать установлению особых текстовых связей и отношений. Материалом для наблюдений послужили древнеславянские тексты, оригинальные и переводные. Во многих переводных текстах воспроизводятся глагольно-именные этимологические фигуры, присутствовавшие в греческом тексте Нового завета, например Мт 2:10 фигура *ἐχάρησαν χαρὰν μεγάλην* в Мариинском евангелии была переведена как *взра(доваш)а са радостиж велиж зьло* (Мар.) и повторена в Острожской библии (*взрадоваша радостію велию зьло* (Острож.)). Но в переводах *figura etymologica* может появляться даже при отсутствии ее в языке оригинала. Этимологические фигуры могут регулярно повторяться в текстах, как, например, *ковь ковати* ‘замышлять зло, строить козни против кого-л.’, приводимом «Словарем русского языка XI–XVII вв.» в качестве устойчивого, повторяющегося в различных текстах. Примером, демонстрирующим роль народной этимологии, может служить сопоставление в тексте притчи, созданной Кириллом Туровским, лексемы *вкусъ* и *уксусъ*: *заушение же иеръискаго новоплодья по образу Адамова отъ дръва възбранаго вкуса, вкушаеть зьльч съ вкусомъ*. То, что вкусил Христос на кресте, обычно именовалось лексемой оцьть (лат. *acetum* ‘уксус’), форма же, восходящая к греч. *ἄξος*, впервые отмечена в грамматике 1136 г. Следовательно, для епископа Кирилла она была новой и необычной, но, прибегнув к народной этимологии, он нашел место неологизму в своей лексической системе и создал новую и необычную параллель между реальностями Ветхого и Нового Заветов, продемонстрировав тем самым роль народной этимологии в построении текста. Не обладающие формальным сходством, но связанные одной внутренней формой лексемы могут устанавливать своего рода этимологическую сеть; так, уже с древнейших текстов сближались слова *гнев* и *огонь* или *гнев* и *гнити, гной*.

Сообщение С.М. Толстой (Россия) «Этимологическая память слова» было посвящено роли языка, прежде всего лексики и дисциплин, ее изучающих (лексикологии, семасиологии, этимологии), в реконструкции древней славянской культуры. В области реконструкции материальной культуры и древнейших видов производственной деятельности сделано очень много и прежде всего на основе языковых данных. Опираясь на «ключевые» слова культуры, этимологам удалось реконструировать основные черты древнеславянского образа жизни и хозяйствования, такие, как оседлость (ср. *седети, село, усадьба, сосед* и их дериваты), обработка земли (*цельй, пустой, новый, лежать*) и занятия земледелием (*сеять, нива, поле, копати, орати, пахати, рало, лемех, плуг* и т.д.; *жито, пшеница, овес, ячмень* и т.д.; *семя, родить, урожай*); орудия земледельческого труда – *соха, плуг, серп* и т.д), животноводством (*скот, настух, говядо* и т.д.), птицеводством, охотой, рыбной ловлей, собирательством – все эти области деятельности отражены в праславянской лексике и известны всем

славянским языкам. Большое внимание уделяли этимологи ремеслам древних славян (обработке дерева, кузнечному делу, ткачеству, гончарному производству, скорняжному делу и др.). Столь же значимы «ключевые» слова для реконструкции социальных отношений и духовной культуры. В этой области глубокие исследования оставили нам В.Н. Топоров, Вяч. Вс. Иванов, О.Н. Трубачев. Из многочисленных работ В.Н. Топорова необходимо упомянуть прежде всего его исследование концепта святости, начало которым положила этимологическая реконструкция слова *святой* (корень *свят* с первичной семантикой роста, разбухания, распространения вширь); затем работы о слове *мир*, именах с компонентом *мир-* и выражении *мир и воля*, открывшие глубокие связи славян с иранской культурной традицией. Анализ слова *обряд* (в соотношении с другим индоевропейским обозначением *ritus* – ритуал) позволил Топорову раскрыть суть ритуала как культурного явления и его первостепенную роль (в том числе и по отношению к мифу) в архаических традициях.

Усилиями ряда исследователей, прежде всего Вяч.Вс. Иванова, В.Н. Топорова, В.М. Живова была реконструирована (вслед за Э. Бенвенистом) система понятий и терминов древнего славянского права или «предправа», еще неотделимых от мифопоэтической традиции, таких, как *суд*, *судить*, *пытать*, *истец*, *истина*, *истый*, *правый*, *правда*, *править*, *расправа*, *преступити*, *казать*, *кара*, *казнь*, *мир*, *вера*, *клятва* и т.п. Позже многие из архаических юридических терминов и формул древнего славянского права получили дальнейшее детальное рассмотрение в работах других славистов.

И.А. Седакова (Россия) в своем докладе «Память народно-культурной традиции в современном ритуальном дискурсе» обратилась к современному состоянию болгарской народной традиции в сопоставлении с некоторыми российскими ритуальными практиками. Наблюдения и выводы автора опирались на собственные полевые исследования в Болгарии и России, а также на данные болгарских и российских сайтов и форумов. Они касались соотношения традиции и новаторства в свадебных обрядах, в бытовом поведении, в запретах и предписаниях для беременных женщин и их окружения, в обрядах, связанных с рождением ребенка, выбором имени для новорожденного, а также ритуалов погребения и траура. Отмечались как явления редукции традиционных обрядовых сценариев, так и оснащения их новыми элементами. При общем для Болгарии и России (как и других постсоциалистических стран) повышенном интересе к проблеме исторической и общественной памяти различия между двумя странами весьма значительны. Болгария – более патриархальная страна, которая не утратила связи с народной традицией. Так, после 1944 г. народный праздник Бабин день (21.01) стал Днем родовспоможения, День св. Трифона (14.02) – Днем виноградаря, и даже в официальные праздничные сценарии включались элементы народной обрядности. В болгарском обществе сохранилось почитание крестного (кум) и поддержание с ним ритуального общения на протяжении всей жизни. Строго сохраняется родовое именование в честь бабушки или дедушки, хотя бы с использованием одного слога или первой буквы их имени, и рассказы о выборе имени с учетом различных обстоятельств рождения становятся семейными нарративами. Церковные праздники, не подвергавшиеся в НРБ столь сильным запретам, как в СССР, отчасти сохранились именно благодаря болгарскому (и балканскому) культу имени собственного. Например, Вербное Воскресение (болг. *Цветница*) служит общим праздником для всех людей, носящих имена, ассоциирующиеся с растениями, – а таковых в Болгарии почти треть населения. Прекрасно сохраняются и постоянно используются в речи вербальные формулы – поздравления,

благопожелания, обязательные при получении известия о рождении ребенка, вступлении в брак. Все болгары умеют танцевать *хоро*, и все праздники – вплоть до государственных – заканчиваются массовым исполнением этого танца. В России народные обряды, если они и сохраняются в некоторых регионах, не вошли в официальный календарь и не стали государственными праздниками, а календарь носит более церковный характер. Болгары же придерживаются народной версии календаря, поэтому даже в церковные праздники (Рождество, Богоявление, Пасха, Успение, Воздвижение) на первое место выходят архаические представления и народные ритуалы. Глобализация и влияние западного праздничного календаря на ритуальный год в России и Болгарии способствуют актуализации памяти, трансформации фрагментов народной культуры. День св. Валентина внес коррективы и в российский, и в болгарский ритуальный год. В Болгарии 14 февраля – День виноградаря, и основные мотивы двух праздников – вино и влюбленность хорошо дополняют друг друга. В России празднование Дня св. Валентина «вписалось» в официальный цикл гендерных праздников (23 февраля, День защитника Отечества, и 8 марта, Международный женский день). Обращает на себя внимание развитие новых поминальных практик в Болгарии. Ритуальное ежедневное поминовение усопших на могилах в течение девяти дней после смерти – яркая черта патриархального болгарского общества. В городе поминовения на кладбище совершаются раз в неделю (в субботу) до одного года со дня смерти близкого. В последние годы особое развитие получили ритуалы, посвященные жертвам голодомора, Холокоста, терактов (Нью-Йорк – 11 сентября 2001 г.; Беслан – 1 сентября 2004 г.) и других трагических событий. Россия и Болгария в постсоветское время оказались в разных стартовых позициях для реконструкции традиционной культуры, с учетом 70-летней истории социализма в России и 40-летней в Болгарии.

А. Юдин (Бельгия) выступил с сообщением «Память в имени: топонимия восточнославянских заговоров», в котором подчеркнул, что имя собственное является «единицей памяти» в языке, оно аккумулирует в себе историческую информацию о реальных лицах и событиях или мифологические представления о них; имя способно порождать нарративы о прошлом или моделировать прошлое. Именам собственным в восточнославянских заговорах посвящена большая литература; о некоторых из них, в частности о таких топонимах, как Иерусалим, Иордан, Сион, Синай, Голгофа, Дунай, море Океан, река Смородина, камень Алатырь, остров Буян и т.п., существуют специальные исследования. Автор предложил обзор основных работ о мифотопонимии восточнославянских заговоров и содержащейся в них исторической информации.

Подробные материалы тематического блока будут опубликованы в люблинском ежегоднике «Etnolingwistyka» (2019. Т. 31).

ОБЗОР РАБОТЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ СЕКЦИЙ

© 2019 г. Н.Н. Старикова

Д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

E-mail: nstarikova@mail.ru

В обзоре представлена работа литературоведческих секций XVI съезда славистов, дана краткая характеристика основных заявленных направлений и их проблематики. В целом можно отметить некоторое повышение интереса к концептуальным проблемам литературного процесса и крупным национальным художественным явлениям.

The review presents the work of literary studies sections of the XVI Congress of Slavists, gives a short description of the main declared directions and their problems. In general, it may be noted some increasing interest to the conceptual problems of the literary process and major national artistic phenomena.

Ключевые слова: славянские литературы, история и теория литературы, поэтика, компаративистика, переводоведение.

Keywords: Slavic literatures, history and theory of literature, poetics, comparative studies, translation studies.

DOI: 10.31857/S0869544X0004769-8

Раздел программы XVI съезда славистов, связанный с исследованием парадигмы славянских литератур и широкой литературоведческой проблематикой, можно назвать весьма репрезентативным: 11 секций (около трети от общего числа), 10 тематических блоков (половина заявленных) и несколько выступлений на междисциплинарном «круглом столе», посвященном Первой мировой войне. Представленные ниже наблюдения основаны на личных впечатлениях – посещении заседаний пяти секций и трех тематических блоков. Сотрудники ИСл РАН выступили с докладами на следующих, посвященных словесности секциях: «Текстологические исследования славянских литератур» – А.И. Грищенко; «Развитие славянской письменности; славянские литературы Средневековья» – Л.К. Гаврюшина, А.А. Турилов; «История славянских литератур – направления, жанры, литературные традиции» – И.Е. Адельгейм, Н.Н. Старикова, А.Г. Шешкен; «Славянские литературы – интерактивность, интерлитературность, интертекстуальность» – Л.Ф. Широкова и «Славянские литературы – религия – философия – политика – культура; диалог Восток–Запад; национальные идеологии» – В.Я. Петрухин, а также приняли участие

в работе двух тематических блоков: «Функциональность славянской книжности» — Н.Н. Запольская и «Михаил Булгаков в зеркале славянской культуры» — Е.А. Яблоков, Н.Н. Старикова и упомянутого «круглого стола» — Е.А. Яблоков.

Наряду с традиционными, «отработанными» проблемно-тематическими узлами, такими, как развитие и эволюция письменности и средневековой книжности, история славянских литератур Нового времени, теоретические аспекты изучения словесности, текстология, сравнительный анализ славянского и европейского литературных локусов, теория и практика литературного перевода, организаторы съезда предложили несколько более эклектичных, объединяющих разные дискурсы формулировок. Результатом этого стало весьма пестрое и неравноценное содержание секций «Славянские литературы — интерактивность, интерлитературность, интертекстуальность» и «Славянские литературы — религия — философия — политика — культура; диалог Восток—Запад; национальные идеологии», логика селекции и последовательность докладов в которых часто вызывали вопросы. Почему, например, явно объединенные компаративным ракурсом сообщения «Т.Г. Масарик в творчестве русских философов-эмигрантов в межвоенной Чехословакии», «Адаптации Чехова в современной венгерской литературе», «Милош Црнянский и русская литература», «Рецепция поэзии Душанки Максимович в Болгарии», «Чешское восприятие русской детской литературы во второй половине XX века» в итоге оказались в разных секциях? Отсутствие системного подхода, а также тот факт, что отдельные докладчики на фоне в целом достаточно высокого научного уровня литературоведческих выступлений, отличались довольно поверхностной презентацией материала, несколько снизило общее впечатление от конечного продукта секции «Публицистика, медиа, критика». Чего нельзя сказать о секции истории литературы, в ходе работы которой прозвучало почти четыре десятка докладов, освещавших вопросы генеалогии, типологии, художественных направлений, поэтики, традиций и инноваций всех славянских литератур. При этом интерес исследователей к концептуальным проблемам литературного процесса и крупным национальным художественным явлениям явно возрос, можно сказать, что «копание» в частных деталях отдельно взятого произведения, характерное для проблематики докладов этой секции на съезде в Минске, отошло на второй план. Несколько удивила весьма скромно представленная секция теории литературы (всего шесть заявок), отдельные доклады в секциях «Европейские литературные и культурные парадигмы в славянской литературе и культуре» и «Славянские литературы и культурное наследие в XXI веке» фактически тематически дублировались. Большое внимание традиционно привлекла секция перевода, на которой прозвучали интересные сообщения, в первую очередь связанные с функционированием переводного текста как культурного трансфера. Опыт показывает, что практическая составляющая переводоведческих докладов всегда привлекает большое внимание научной аудитории. Это, в частности, подтвердил и курьезный случай, произошедший в Белграде, который свидетельствует о недостатках системы координации и логистики при проведении там крупного научного мероприятия: два десятка слушателей, пришедших на дневное заседание секции перевода 21 августа, довольно долго ждали его начала, пока вдруг случайно не выяснилось, что четверо из пяти заявленных докладчиков, включая модератора из Японии, на съезд не приехали, пятый же где-то потерялся. В итоге заседание не состоялось, а пришедшие опоздали на параллельные секции, которые их также интересовали.

Весьма продуктивной, на наш взгляд, была работа тематических блоков. Диапазон вынесенных на обсуждение тем и здесь был достаточно широк: от

истоков славянской книжности и традиции средневекового переводоведения до современной онлайн поэзии. Особо хотелось бы отметить три дискуссии: о фантастике в славянских литературах (организатор Б. Троха, участники из Польши, России, Украины и Чехии); о нарративных стратегиях югославянских литератур в постюгославский период (организатор С. Владив-Гловер, участники из Австралии, Австрии, БиГ, Сербии и Хорватии) и о рецепции М. Булгакова в славянских культурах (организатор Е.А. Яблоков, участники из БиГ, Польши, России, Сербии, Украины и Эстонии). Они вызвали интерес у коллег, по окончании выступлений во всех трех случаях состоялся живой обмен мнениями.

Общие впечатления от белградской встречи вызывают осторожный оптимизм: славистическое литературоведение в эпоху глобализации продолжает оставаться на плаву, хотя смена поколений, конечно, дает о себе знать. Актуальная сегодня тенденция междисциплинарности гуманитарных штудий открывает возможности для «смежников»: компаративные, типологические, нарратологические, методологические аспекты изучения славянских литератур все чаще попадают в орбиту научных интересов литературоведов-«зарубежников», культурологов, историков, даже журналистов. Литературоведческая славистика помолодела, расширила географию – ряды участников пополнили русскоговорящие граждане стран западной Европы советского и даже постсоветского происхождения. Впрочем, несмотря на это, приходится с сожалением констатировать, что русский язык как средство научного общения славистов постепенно уступает свои позиции английскому языку.

ПАМЯТИ МОЕГО УЧИТЕЛЯ – Г.П. МУРАШКО
(1932–2018)

© 2019 г. С.М. Слоистов

Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

E-mail: centrum821@rambler.ru

Сообщение посвящено памяти историка-слависта, специалиста по новейшей истории Чехии и Словакии, д.и.н. Г.П. Мурашко (1932–2018). Делается акцент на последних годах ее работы в Институте славяноведения РАН, раскрываются особенности ее научного творчества и педагогического таланта.

The essay is dedicated to the memory of historian, expert on contemporary Czech and Slovak history Galina Pavlovna Murashko (1932–2018), it pays attention to the last years of her work in the Institute of Slavic Studies of RAS, and highlights specific features of her scholarly work and pedagogical talent.

Ключевые слова: Г.П. Мурашко, Институт славяноведения РАН, история славяноведения, Чехия, Словакия.

Keywords: Galina P. Murashko, Institute of Slavic Studies of RAS, history of Slavic studies, Czech Republic, Slovakia

DOI: 10.31857/S0869544X0004770-0

16 июня 2018 г. от нас ушла Галина Павловна Мурашко. Несмотря на прошедшее после ее кончины время, боль от утраты близкого человека все так же ежедневно напоминает о себе. По сравнению с членами семьи и старшими коллегами по Институту славяноведения РАН, с которым у Галины Павловны была связана большая часть жизни, я был знаком с ней не столь продолжительное время – чуть более 10 лет. Однако считаю возможным прибавить и свои скромные слова памяти, поделиться воспоминаниями об этом светлом человеке.

Доктор исторических наук Галина Павловна Мурашко была ведущим научным сотрудником Института славяноведения РАН, известным историком-славистом, специалистом по новейшей истории Чехии и Словакии. Она родилась 3 января 1932 г. в г. Тейково Ивановской промышленной области. Отец и мать происходили из крестьянской среды.

Отец Галины Павловны Павел Иванович Резонов (1910–1971) – выпускник Ивановского педагогического института, в 1940–1956 гг. служил в рядах Красной (Советской) Армии, в 1960–1971 гг. работал в Институте славяноведения

АН СССР (далее ИС АН СССР, 1968–1991 г. Институт славяноведения и балканистики АН СССР – ИСБ АН СССР). Он был не только военнослужащим, ветераном Великой Отечественной войны, преподавателем в военных учебных заведениях, но и историком-славистом. Занимаясь под руководством академика Е.А. Косминского историей гуситского движения, в 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию. Работая в ИС/ИСБ АН СССР, он также занимался проблемами развития антифашистского сопротивления в Чехословакии, становления народно-демократического строя в ЧСР в первые годы после ее освобождения. Чехословакия была очень близкой для него страной – являясь заместителем председателя центрального правления Общества советско-чехословацкой дружбы, ученым секретарем советской части Комиссии историков СССР и ЧССР, заместителем директора ИС/ИСБ АН СССР, он много сил вложил в расширение научных контактов между советскими и чехословацкими учеными. Конечно же, особое место в семье Галины Павловны принадлежало ее матери – Елене Николаевне Косыревой, учителю русского языка и литературы в одной из школ г. Иваново.

В 1954 г. Г.П. Мурашко с отличием окончила Исторический факультет МГУ, по распределению работала учителем средней школы в Полоцке (Белорусская ССР) и подмосковном Голицыне, затем внештатным преподавателем вечернего университета марксизма-ленинизма при Доме офицеров в Веймаре (ГДР). С 1954 г. она обучалась в аспирантуре Института славяноведения АН СССР, а в 1959 г. была зачислена в штат Института, где и проработала до января 2018 г. В 1993–2004 гг. Галина Павловна руководила Научным центром истории сталинизма в Восточной Европе Института славяноведения и балканистики РАН/ИСл РАН.

В 1964 г. Г.П. Мурашко защитила кандидатскую диссертацию «Положение рабочего класса и формирование революционного направления в профсоюзном движении Чехословакии в годы послевоенного экономического кризиса (1921–1923)», а в 1980 г. – докторскую диссертацию «Борьба рабочего класса за национализацию промышленности (из опыта революций 1940-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы)»¹.

Подробно рассказать о научном наследии Галины Павловны, учитывая ее большой вклад в изучение истории Чехословакии, не представляется возможным в рамках ограниченного формата небольшого некролога. Думается, в скором времени мы обязательно увидим статью, раскрывающую именно этот пласт истории отечественной славистики. Но появление этого и других подобных исследований, при всей их чрезвычайной значимости в деле полного описания биографии ученого и сохранения памяти о нем, не позволит полноценно осветить очень важную составляющую научной жизни Галины Павловны. Речь идет о такой значимой ее компоненте, как способность передавать свои знания и накопленный опыт младшему поколению историков.

Последние годы жизни Галины Павловны мне пришлось очень тесно работать с ней, общаясь практически ежедневно. К встречам и совместному изучению материалов в Институте славяноведения РАН, а на раннем этапе наших совместных проектов и в архивах, добавились постоянные, весьма продолжительные по времени и насыщенные по содержанию беседы по телефону.

¹ Эти и другие биографические сведения о Г.П. Мурашко и ее отце – П.И. Резонове подробнее см. [1. С. 72–73; 2. С. 122–123. 3. С. 4–20; 4. С. 281–283, 357–358; 5. С. 124–126; 6. С. 141–142].

Естественно, что наше общение строилось в хорошо всем известной системе координат, а именно «ученик — Учитель».

Получив профессиональное образование, имея определенный опыт научной работы в академической среде, мне посчастливилось совершенствоваться на поприще исторической науки уже при всецелом содействии и научном попечении Галины Павловны. Сама Галина Павловна часто подчеркивала значение базового исторического образования, большую роль Л.Е. Горизонтова, который заложил основы для моего профессионального становления. Пишу здесь об этом, не только из-за желания поблагодарить моего первого учителя и руководителя на выпускающей кафедре, которому я очень признателен и с благодарностью вспоминаю все то, что он для меня сделал, но и поскольку это еще один штрих, характеризующий Галину Павловну.

Ее педагогический метод был прост — включить молодого коллегу в работу. «Коллегу» и этим все сказано! Конечно, для меня это воспринималось как большой аванс. Для Галины Павловны же такое отношение было естественным. Можно сказать, что с самого начала она стала выстраивать наши отношения как партнерские, когда ученик и Учитель вместе делают одно дело, проводят совместное исследование, находясь в состоянии постоянного открытого диалога. Делалось с ее стороны это очень деликатно, не нарушая ту нормальную грань, которая проходит между обучающим и учащимся.

Желание Галины Павловны работать со мной на таких началах было для меня большой честью. Еще больше мотивировало ее стремление заинтересовать меня всеми теми проблемами, которыми в то время она сама занималась. Если сжато, то тогда ее внимание было нацелено на различные аспекты трех проблемных блоков чехословацкой истории: социально-политическая трансформация, национальные меньшинства и церковно-государственные отношения (в хронологическом плане ею затрагивались различные периоды с момента окончания Второй мировой войны вплоть до событий «Пражской весны»).

Да, можно дискутировать, насколько резонно сразу открывать перед молодым исследователем столь обширное проблемное поле. Ясно только одно, что без этого невозможно научить, работая сразу по нескольким взаимосвязанным направлениям, через ставшее понятным в одном из них, находить путь поиска верного ответа в другом; за множеством частных в различных проявлениях жизни общества видеть главное, лимитирующие, то, что собственно и определяло ход его развития.

Ведь каждый, ставящий своей целью передать свой опыт научного творчества, должен в первую очередь заинтересовать своего ученика тематикой предстоящих исследований. Стандартный прием — оттолкнуться от его собственных научных интересов. Эта тактика была не чужда и Галине Павловне, которая с первого дня нашего знакомства проявляла внимание к моим устремлениям. Однако стратегия была другой. Поскольку понятно, что при изначальной установке ознакомить обучающегося со столь обширной в тематическом плане областью собственных изысканий, применять исключительно данную методику работы с учеником было бы непродуктивно. Отсюда иной способ мотивации — постараться сделать мир своих исследований, в том числе сферу связанных с постоянным научным поиском размышлений, сопутствующим им выводов и даже эмоций, настолько открытым, что даже не имеющий пока больших наработок начинающий исследователь будет с легкостью в нем ориентироваться. При помощи

своего наставника свободно продвигаться, находя верные маяки, указывающие правильный и кратчайший путь к решению поставленных научных задач.

Несмотря на кажущуюся простоту, сделать это на практике в полной мере удается немногим. Поскольку требуется полная искренность в раскрытии перед абсолютно чужим на начальном этапе обучения человеком своих сомнений, порой тягостных размышлений, в том числе и над ставшими тупиковыми, а ранее казавшимися вполне достойными вариантами научного поиска, решениями. По-настоящему на это способен лишь тот педагог, который научился быть откровенным с самим собой и имеет мужество поделиться своим самым сокровенным с учеником. Таким человеком стала для меня незабвенная Галина Павловна, полностью предоставившая в мое распоряжение все то огромное богатство знаний, которое было накоплено за многие годы кропотливого труда на ниве исторической науки.

Надо сказать, что начиная более полувека назад с проблем укрупнения и огосударствления собственности, изучения связанных с этим процессов воспроизводства в аграрном и промышленном секторах экономики Чехословакии (см. [7; 8]), Галина Павловна в 1990–2010-е годы продолжила изучение чехословацкого общества, но уже в иной плоскости, с акцентом на политическую историю.

Отход от социально-экономической проблематики в сторону общественно-политических вопросов можно объяснить по-разному. В первую очередь это было связано с новыми возможностями, позволяющими работать с ранее недоступными архивными материалами. Ведь доступ к закрытым в советский период фондам открыл перспективу изучения многих десятилетиями замалчиваемых или предвзято освящаемых сюжетов общей для России и стран Центральной Европы истории. С другой стороны, характер Галины Павловны, ее прямота и честность не позволили ей остаться в стороне от вспыхнувших с новой силой дебатов о природе советского строя в нашей стране и родственных ему политических режимов в Восточной Европе. Тотальный пересмотр в 1990-е годы ранее принятых подходов и оценок неминуемо вел к радикализации взглядов на прошлое, таил в себе опасность появления новых идеологов и догм. Нужно было включаться в дискуссию и с опорой на более полную источниковую базу пытаться скорректировать столь поспешные выводы о советском периоде, проникшие из общественных споров в сугубо академическую науку. Первой ласточкой в этом нелегком деле стала написанная в соавторстве с Т.В. Волокитиной и А.Ф. Носковой монография «Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг.» (М., 1993 г.). В дальнейшем последовали и другие не менее фундаментальные работы: по проблеме становления политических режимов советского типа в странах Центральной и Юго-Восточной Европы [9], по многоаспектным вопросам отношения власти и церкви в государствах данного региона в период общественно-политических трансформаций 1940–1950-х годов [10].

В то же время нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как становившаяся все более явной в последние годы тенденция отойти от привычного подхода исследования прошлого с опорой на политико-экономическое основание. Так, в современной чешской и словацкой историографиях появилось значительное количество работ, написанных в жанре экономической истории, без нацеленности рассматривать анализируемые в них чисто экономические явления в тесной связке с параллельными социальными и политическими процессами. Признавая существенный вклад данных исследований в приращение

наших знаний о функционировании той или иной сферы экономики, стоит отметить, что сами по себе эти достижения не приведут к более глубокому пониманию взаимовлияния экономических, социальных и политических процессов в жизни чехословацкого общества в 1940–1980-х годах.

Поэтому для меня было весьма показательным с каким вниманием Галина Павловна, сама преимущественно занимаясь проблемами политики на высшем уровне (различные аспекты советско-чехословацких отношений, положение внутри руководства КПЧ и др.), обращалась к современным работам, разбирающим разнообразные явления жизни чехословацкого общества на более локальных примерах. Ее рекомендации относительно важности ознакомления с такими исследованиями зависели не от масштаба рассматриваемых в них проблем, а от умения автора увязать изменения в экономической и социальных сферах с развитием политической ситуации и наоборот. Ведь при таком подходе даже на первый взгляд незначительные, очень частные сюжеты чехословацкой истории становятся важным звеном в понимании более общих явлений.

Талант, обращая внимание на частное, видеть общее, тонкое умение пользоваться по мере необходимости и тем, и другим подходом были присущи Галине Павловне и в такой важной сфере научной деятельности, как публикация архивных документов. Среди опубликованных при ее непосредственном участии архивных источников нельзя не упомянуть пользующиеся заслуженным признанием среди специалистов сборники документов и материалов, иллюстрирующие многие ранее слабоизученные исторические сюжеты в области проводившейся по межгосударственным и межпартийным каналам советской внешней политики, становления в государствах региона политических режимов советского типа, церковно-государственных отношений (см. [11–13]). Наряду с этими фундаментальными документальными публикациями также были подготовлены сборники документов по отдельным наиболее проблемным вопросам. Среди них стоит отметить издание, посвященное проблематике венгерского меньшинства в Чехословакии в 1944–1951 гг, над которой Г.П. Мурашко работала в последние годы своей жизни [14].

Галина Павловна считала работу с неопубликованными источниками одной из приоритетных. Собственно, это подтверждал сам образ ее жизни: присутственные дни в родном институте, остальное время изучение документов в архивах или же многочисленных ксерокопий и собственноручных выписок из них на рабочем месте дома. В последние годы она активно исследовала документы из фондов Архива внешней политики РФ и Российского государственного архива социально-политической истории. Отсутствие Галины Павловны в читальном зале архива воспринималось как нечто неординарное, нарушающее привычную атмосферу.

Успех в таком деле, как публикация архивных документов был бы невозможен без желания поделиться ранее не известным источником с другими исследователями, без глубокого уважения к труду рядовых сотрудников архивов — работников читальных залов и фондохранилищ, без способности работать в коллективе, когда мнение коллег имеет существенное значение для критического осмысления собственных выводов. Все эти качества, так необходимые в работе историка, Галина Павловна старалась поддерживать и у меня.

Для нее не существовало мелочей. Признавая важность издания архивных источников для расширения круга работающих с ними исследователей, Галина Павловна обращала внимание на необходимость историка, активно используя

сборники опубликованных документов, продолжать свои изыскания в архивах, поскольку огромный массив неизбежно просматриваемых при этом материалов, большинство из которых не будет опубликовано, имеет для реконструкции прошлого большое значение. Благодаря знакомству с ним формируется более общее представление о задокументированных событиях, более рельефно проявляется связанный с ними исторический контекст. Отсюда и стремление при подготовке корпуса выявленных документов и материалов к изданию, когда отбираются наиболее значимые из них, постараться отобразить при их публикации содержание и менее важных источников, в первую очередь активно используя их при написании научных комментариев.

Иллюстрируя те аспекты, на которые Галина Павловна делала акцент во время нашей совместной работы, наряду с методологической теорией и бережным отношением к источникам, нельзя не упомянуть третьей важной составляющей будней историка — общения с коллегами. Для историка-слависта такие контакты просто необходимость. Умение их налаживать и поддерживать является большим подспорьем в его работе. Это и связи с братьями по цеху из стран, на истории которых сфокусировано его внимание. Углубленное погружение в ставшую своей иностранную культуру невозможно без взаимодействия с исследователями, изучающими ее наследие сквозь призму языкознания, литературоведения и истории искусств. Системный же подход часто обязывает выходить за рамки национальных границ, смотреть шире — в региональном или даже глобальном разрезе. Для Галины Павловны все эти сферы научного сотрудничества с коллегами были естественным дополнением к ее обширному исследовательскому инструментарию.

Практически до последних дней своей жизни она поддерживала интенсивные контакты с учеными из Чехии и Словакии. Причем не только по вопросу обмена литературой, рецензирования и публикации текущих работ, но и в рамках совместных издательских проектов. Особенностью стиля ее общения были такт и внимание к проблемам собеседника, изначальное стремление помочь партнерской стороне по максимуму своих возможностей. Искренность, способность вести диалог прямо, но при этом достаточно деликатно позволяли ей решать необходимые вопросы как со старыми друзьями, так и с представителями более молодого поколения. За советом к Галине Павловне — ведущему специалисту в своей области — обращались молодые историки из Чехии и Словакии, братских Украины и Белоруссии.

Сама междисциплинарная среда Института славяноведения РАН служила Галине Павловне органичным подспорьем для сотрудничества с филологами, занимающимися исследованиями в области чешского и словацкого языков, чешской и словацкой литератур. В условиях нависших над Академией наук разрушительных реформ опасение потерять в таком составе формировавшийся не одно десятилетие уникальный коллектив болью отзывалось в сердце Галины Павловны. Ее любовь к родному Институту и его традициям стала примером и для меня, постепенно входившего в дружную семью славистов.

Любовь к родному Институту начинается с отношения к отделу, в котором приходится трудиться, его нуждам, научным планам и общим проектам. Для Галины Павловны жизнь ее сектора/центра/отдела всегда была среди приоритетов. Здесь можно было узнать компетентное мнение специалистов по другим странам. В дискуссиях плодотворно обсудить свои работы и исследования коллег. В этом плане Галина Павловна часто вспоминала атмосферу прошлых лет, годы, когда она, будучи молодым историком, работала в Институте. Конечно,

эти экскурсии в прошлое всегда были наполнены не только стоящими упоминания подробностями, но и добрыми словами памяти об уже ушедших сотрудниках. Думается, тем самым, как чуткий педагог, она стремилась передать мне это бесценное достояние — живые традиции Академии наук, советского и российского славяноведения.

Завершая, хочется еще раз засвидетельствовать, что все мы — коллеги из России (по отделу и в целом по Институту славяноведения РАН, МГУ и других отечественных научных центров), из Чехии и Словакии будем помнить Галину Павловну как прекрасного специалиста, отзывчивого, очень внимательного к нуждам других человека. Для меня же лично Галина Павловна навсегда останется примером ученого, посвятившего всего себя без остатка своей любимой профессии историка-слависта, моим Учителем. Вечная ей память!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Юбилей Галины Павловны Мурашко // Славяноведение. 2002. № 3.
2. *Волокитина Т. В.* К юбилею Галины Павловны Мурашко // Славяноведение. 2007. № 3.
3. *Мурашко Г. П.* Избранное. М., 2011.
4. Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь / Отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М., 2012.
5. К юбилею Галины Павловны Мурашко // Славяноведение. 2017. № 5.
6. *Хренов И. А.* Павел Иванович Резонов // Советское славяноведение. 1972. № 1.
7. *Marjínová V. V., Murašková G. P.* Rozorané medze. K histórii socialistického združstevňovania československej dediny. 1948–1960. Bratislava, 1971.
8. *Мурашко Г. П.* Политическая борьба в Чехословакии в 1944–1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986.
9. *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. 1-е изд. М., 2002. 2-е изд. М., 2008.
10. *Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. М., 2008.
11. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. / Отв. ред. Г. П. Мурашко; сост. Н. М. Баринаева, Т. В. Волокитина, Т. М. Исламов и др. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1. 1944–1948 гг.; М.; Новосибирск, 1998. Т. 2. 1949–1953 гг.
12. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х т. Документы / Отв. ред. Т. В. Волокитина; сост. Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова. М., 1999. Т. 1. 1944–1948 гг.; М., 2002. Т. 2. 1949–1953 гг.
13. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2-х т. / Отв. ред. Т. В. Волокитина; сост. Т. В. Волокитина, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова. М., 2009. Т. 1. 1944–1948 гг. Т. 2. 1949–1953 гг.
14. Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. / Отв. ред. Г. П. Мурашко; сост. Г. П. Мурашко, С. М. Слоистов. М., 2017.

Д.О. ЛАБАУРИ. Евангелие и револьвер: Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в. СПб., 2018. 328 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0004771-1

В 2018 г. вышла вторая книга екатеринбургского историка Д.О. Лабаури, специалиста по болгарскому национальному движению в Македонии на рубеже XIX–XX вв. В первой монографии он ставил целью показать характер этого движения, «исследовать содержание и особенности национальной идеологии и программных установок данного движения, факторы их формирования и трансформации, а также эффективность и результаты применения на практике» [1. С. 23], и основным «персонажем» стала полулегальная Внутренняя македонско-одринская революционная организация (ВМОРО). Теперь же Лабаури сделал резкий методологический разворот и обратился к проблеме в более интересном и значительно более сложном ракурсе, поставив во главу угла не элиты, а само население. Такой подход, как он отметил, невозможен «без реконструкции ментальной и социальной повседневности македонского болгарина на рубеже XIX–XX вв., без воссоздания коллективного психологического портрета мобилизованного для борьбы болгарского общества в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в.» (с. 16). Условно говоря, целью книги стал ответ на вопрос: почему болгарское население Македонии и Фракии шло на жертвы ради свободы, и к чему это привело?

Данная тема весьма интересна, поскольку, как отмечалось очевидцами в середине XIX в., а позже и участниками русско-турецкой войны 1877–1878 гг.,

далеко не все болгары были готовы ради собственной свободы идти на подвиги. В монографии Д.О. Лабаури исследует то болгарское население, которое по решению Берлинского конгресса 1878 г. осталось в рамках Османской империи, но отбросило, как он выразился, «ценностные установки поколения 1840–1850-х годов, прекрасно описанного Любеном Каравеловым в его эпохальном произведении “Болгары старого времени”» (с. 45).

Ответ на главный поставленный вопрос дается в книге в виде описания нескольких, по определению автора, революций. Первой указана «демографическая и поколенческая революция», объясняющая всплеск насилия и обращения к террористическим методам борьбы с турками тем, что большую долю населения составляла молодежь, среди которой радикальные идеи находили отклик. Это в свою очередь вылилось в конфликт поколений – родители категорически выступали против желания сыновей отправиться сражаться за свободу (как тут не вспомнить, за что лидер Первого сербского восстания получил свое прозвище). Вторая революция, – социально-статусная – процесс изменения социального и экономического положения болгар в Европейской Турции, что повлекло неприятие ими собственной подчиненной роли и породило «претензии на новую, доминирующую, социально-политическую роль» (с. 44). Далее показано, как распространились идеи, в результате действия которых

«тысячи невидимых нитей сознания [...] начали связывать этот бывший гедонистический этнос в новую нацию» (с. 47). Немалую роль в данном процессе играла школа, в которой под абсолютно легальным прикрытием учителя растили будущих революционеров.

Для объяснения причин успешности распространения революционных идей Лабаури описал и положение турок в регионе. Среди них царили апатия, фатализм и неверие в собственные силы, что порождалось в том числе и разочарованием в государстве, где они являлись титульной нацией. В итоге, как резюмируется, «такие понятия, как честь, достоинство, национальная гордость, патриотизм, общественный долг, которые становились сверхценностями для подрастающего поколения болгар, были почти незнакомы их турецким сверстникам» (с. 77–78).

Описанные процессы в конечном счете породили конфликтность, в основе которой лежала и личная месть туркам за какие-то притеснения близких или самого мстителя, но существовали и «абстрактные мстители за народ», чьи мотивы коренились, прежде всего, в прошлом. Отметим, что этому чувству не были чужды и болгары, жившие к тому моменту в своей собственной стране. «Страшна [...] месть освобожденного от пятивекового кошмара многострадального населения», — писал журналист Н.П. Мамонтов, наблюдавший поведение болгар во время Балканских войн 1912–1913 гг. [2. С. 66]. Однако потомкам османов противопоставить этому было нечего, и слова историка служат им горьким приговором: «Народ, утративший идеалы, а также волю к сиданию и борьбе, должен был неминуемо уступить место более пассионарным соседям» (с. 112). Само использование данного термина, как и частое обращение к спорной теории Л.Н. Гумилева, сложно признать продуктивным. Автор признает, что основа этой концепции является элементом «квазинаучной фантастики» (с. 9), однако в таком случае концепция не дает никаких объяснений. Гипотеза самого Д.О. Лабаури («людьми движут идеи и идеалы, соединенные с множеством других вспомогательных социальных, экономических, политических и психологических факторов» (с. 9)) в этом плане намного более научна и перспективна. В то

же время могло бы принести пользу обращение к социальной психологии, хотя бы к работам С. Московичи (напр., [3]).

В последующих главах предстает яркая картина, напоминающая процессы, протекавшие при распаде многонациональных государств в конце XX в. В Македонии фактически возникло собственное теневое государство, вершившее суд и собиравшее налоги. Местное население активно включилось в построение собственного идеального общества, в том числе и борясь с женским распутством. В конечном счете реальными хозяевами этих земель стали представители революционной организации ВМОРО. Читая описание творившегося, невольно начинаешь искренне сочувствовать туркам, быстро превращавшимся из господ в засидевшихся гостей. Им оставалось либо бежать, либо ждать расправы, в то время как официальные власти, призванные их защищать, в происходившие процессы не вмешивались или шли на уступки незаконным формированиям.

В следующей части книги Д.О. Лабаури сосредоточил внимание в основном на политических событиях. Хотя он и указывает, что «новая революционная элита и болгарское общество в Македонии и Фракии разговаривали на одном понятийном языке, были ментально и ценностно близки друг другу» (с. 235), но, на мой взгляд, ставить знак тождества между людьми, посвящающими себя борьбе, и обывателями нельзя. С другой стороны, в книге показаны масштабы поддержки в стране этой элиты, и процесс самоорганизации народа, что ярко воплотилось в Ильинденско-Преображенском восстании 1903 г., которому посвящена отдельная глава. Нельзя не отметить, что, хотя и удивляет активное и сознательное участие женщин в тех событиях, не возникает ощущения полного участия в них населения, как и остается не ясно, был ли преодолен поколенческий конфликт, описанный в первой главе.

Тем не менее восстание потерпело поражение, Болгария не пришла на помощь соплеменникам (на что вряд ли была и готова), и началась, по словам автора, деградация как ВМОРО, так и самой национальной идеи среди болгар Македонии. В качестве последнего аккорда Д.О. Лабаури рассматривает Балканские войны

1912–1913 гг. В связи с описанием этих событий хотелось бы сделать несколько замечаний. 29 февраля (13 марта) 1912 г. был заключен сербско-болгарский договор, в тайном приложении к которому оговаривались будущие приращения в случае войны с Турцией, фактически – раздел Балкан, в том числе и Македонии. Эти договоренности автор назвал «крупным успехом дипломатии Болгарского государства, впервые с момента своего восстановления в 1878 г. нашедшего общий язык по территориальным вопросам со своей неуступчивой западной соседкой» (с. 291). Однако вплоть до 1911 г. одними из столпов болгарской внешней политики являлись неделимость Македонии и требование предоставить ей автономию, что рассматривалось как этап к дальнейшему национальному объединению. Сербь же готовы были на раздел и предлагали его еще в 1904 г., но именно в Софии идею отвергли [4. С. 184–185].

Необходимо указать и на ряд упущений автора. Например, вызывает вопросы утверждение, что «феномен “Молодой Болгарии”, как и феномен “Молодой России”, “Молодой Сербии” и т.д., характерный для крестьянских обществ второй половины XIX – начала XX в., был уникален и неповторим в их дальнейшей истории» (с. 20), поскольку «Молодой Россией» называлась монархическая и фашистская организация русских эмигрантов. Представляется спорной идея экстраполяции реалий сербского общества на болгарское, а слова об обладании ими «похожим менталитетом и похожей иерархией ценностей» (с. 87) – не обоснованными, поскольку и в XIX, и в XX в. наблюдатели отмечали огромную разницу между сербами и болгарями в отношении к труду, войне и т.д. (см: [5]).

Нельзя обойти стороной и дискуссионную проблему – проблему модернизации на Балканах на рубеже XIX–XX вв. Д.О. Лабаури выразил несогласие с оценкой этой модернизации как имитационной. В этом (правда, не называя имен) он, очевидно, полемизирует с постулатами, выраженными в последних трудах А.Л. Шемякина и Р.П. Гришиной [6–7], которых, видимо, и причислил к «современным западноцентричным исследователям-глобалистам» (с. 295) (чему они очень бы удивились). Автор обосновывает

свою позицию тем, что нельзя сравнивать балканскую модернизацию с западной в силу различных условий и иных задач, что справедливо. Но в то же время, если обратиться к формальным атрибутам государственности в Сербии и Болгарии, то мы увидим копирование европейских образов – конституционную монархию, выборный парламент, законы о всеобщем образовании; да в конце концов и сам внешний вид городов, прежде всего Софии, указывал на то, где искали вдохновения преобразователи Балкан. Другое дело, что реальное содержимое этих европейских явлений было совершенно иным, с «балканским акцентом», а это зачастую и являлось имитацией, позволяя в свое время Л.Д. Троцкому, не раз посещавшему Балканы, назвать эти страны «запоздалыми» [8. С. 37]. Однако рассматриваемый в книге материал логично приводит исследователя к выводу о «модернизации-мобилизации», состоящей «в мобилизации национального самосознания и национального чувства, а также в массовом вовлечении населения в национальное движение, что подразумевалось в качестве необходимых условий для политического освобождения и объединения всей нации в одном государстве» (с. 294).

Указанное противоречие проистекает из двух главных проблем книги. Первая связана с тем, что как данность принимаются заинтересованность и участие в освобождении Македонии населения Болгарии. Однако немалая доля его желала прежде всего развития своей страны и возможности приложить собственное трудолюбие для достижения личного благополучия. Недаром политика Болгарии после 1885 г. под руководством С. Стамболова была сосредоточена на росте экономики, внешнеполитические вопросы откладывались на далекое будущее (за что бывший премьер в 1895 г. и был убит македонскими деятелями). Болгар называли в то время «пруссакими» и «японцами» Балкан за их достижения отнюдь не в деле национального объединения. А активизация государственной политики, направленной на пестование настроений, согласно которым требовалось выступить на помощь «братьям по ту сторону Рилы и Родоп», приходится на время угасания революционной идеи в Македонии (см. [9]).

Вторая проблема книги – источниковедческая. Д.О. Лабаури при реконструкции той самой «ментальной и социальной повседневности македонского болгарина» опирается в первую очередь на источники личного происхождения, созданные активными деятелями македонского революционного движения. Однако надо иметь в виду, что зачастую эти тексты создавались именно для публикации, т.е. являлись, по выражению М. Блока, «намеренными свидетельствами», в силу чего к ним нужно подходить с большой долей критичности и стараться диверсифицировать источники. Осторожнее следовало бы апеллировать и к этнической карте Балкан, составленной В. Кынчовым, которую сербские историки называют не иначе как «пропагандистской» [10. С. 34]. Данную оценку сложно признать взвешенной и объективной, но необходимо учитывать, что В. Кынчов являлся учителем, а затем и директором болгарской гимназии в Салониках, которую сам же Д.О. Лабаури называет «главным поставщиком революционных кадров для Македонии и Фракии» (с. 56). Все это делает книгу довольно уязвимой в плане доказательств новаторской и интересной концепции автора.

Ну, и, наконец, скажу несколько слов о романтическом, но вызывающем вопросы заголовке. Сам автор его объясняет, указывая, что данные предметы являлись основными атрибутами посвящения в члены «возникшей в Македонии в 1893 г. болгарской ирредентистской организации, более известной как ВМОРО» (с. 7). Подзаголовок у отечественного читателя может породить вопрос о термине «национальная революция», но у читателя из Северной Македонии слова именно о болгарской национальной революции в Македонии и вовсе могут вызвать нервную реакцию. Потому интересен и заслуживает внимания взгляд Д.О. Лабаури на то, как сформировалась отдельная македонская нация. Отвергая идею о «рождении» македонцев в XIX в. или его привязку к существовавшему в начале XX в. в Петербурге Македонскому литературному обществу, исследователь связывает данный процесс с последствиями Ильинденско-Преображенского восстания. Этот точный и примечательный вывод стоит привести полностью: «Именно

эти представления об отдельной исторической судьбе македонцев, особенно после провала очередной и последней объединительной попытки Болгарии в 1941–1944 гг., явились объективной предпосылкой для начавшегося в середине XX в. процесса складывания новой македонской нации. Они, а вовсе не навязанные силами и методами тоталитарного государства в СФРЮ искусственно кодифицированные элементы македонского этноязыкового своеобразия, стали фундаментом новой идентичности. Сердцевинной этих представлений и соответственно новой идентичности стала пустившая первые корни еще после Ильинденско-Преображенского восстания коллективная обида на Болгарию, которая не сумела защитить и спасти своих поработанных соотечественников» (с. 290–291).

Таким образом, при всех оговорках, Д.О. Лабаури представил серьезный труд, основанный на широком круге источников (в том числе и на большом массиве неопубликованных), и поставил вопрос, который до этого исследователи молчаливо обходили либо же давали ответы неудовлетворительного качества. Дан ли ответ в этой монографии – судить читателю, но, бесспорно, работа вносит существенный вклад в достижение научной истины. Указанная книга для одних может стать настольным справочником по болгарскому национальному движению, для других – отправной точкой для новых исследований, для кого-то – интересным чтением про балканские горячие головы, но в любом случае Д.О. Лабаури был прав, и взявшись за реализацию этой задумки, и давая книге такой подзаголовок.

© 2019 г. *Н.С. Гусев*
gusevns@mail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Лабаури Д. О.* Болгарское национальное движение в Македонии и Фракии в 1894–1908 гг. Идеология, программа, практика политической борьбы. София, 2008.
2. *Мамонтов Н. П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чатагджи. М., 1913.
3. *Московичи С.* Век толп. М., 1996.
4. История на Нова България. 1878–1944. София, 2006. Т. III.

5. *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Судьба «балканских союзников» 1912–1913 годов. Взгляд из XXI столетия // Новая и новейшая история. 2013. № 4.
6. *Гришина Р.П., Шемякин А.Л.* Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX – начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014.
7. Человек на Балканах: Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг. / Отв. ред. А.Л. Шемякин. М., 2016.
8. *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011.
9. *Кайчев Н.* Македонийо, възжелана... Армията, училището и градежът на нацията в Сърбия и България (1878–1912). София, 2006.
10. *Тимофеев А.Ю., Живанович М.* «Работа комиссии провалена... потому, что один из ее членов – открытый неприятель Сербии и Греции». Взгляд из Белграда на пропагандистский удар по Балканам в 1913–1914 гг. и его повторение через 79 лет // Военно-исторический журнал. 2017. № 5.

Н.Б. ЩАВЛИНСКИЙ. Первая мировая война и национальный вопрос в деятельности белорусских партий, организаций и обществ на территории России и Украины. Минск, 2018. 144 с.

DOI:

На одном дыхании прочитал только что вышедшую монографию кандидата исторических наук, доцента кафедры «История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального технического университета (БНТУ) Николая Борисовича Щавлинского «Первая мировая война и национальный вопрос в деятельности белорусских партий, организаций и обществ на территории России и Украины». Прежде чем читать книгу, внимательно посмотрел на ее обложку, всерьез задумался над названием. Вполне естественной представлялась постановка такого вопроса: «Что я, преподаватель истории с 37-летним стажем, знаю о деятельности белорусских партий, организаций и обществ на территории России и Украины в годы Первой мировой войны? По большому счету ничего. Что же открыл для меня доцент БНТУ своей книгой?»

Снял покров тайны с деятельности «Белорусского общества в Петрограде по оказанию помощи пострадавшим от войны», впервые показал помощь данному обществу со стороны Комитета великой княжны Татьяны. Наиболее красноречив следующий факт, приводимый в монографии. «Только с апреля по ноябрь 1916 г. обществом было истрачено 77 900 рублей, ассигнованных Татьянинским комитетом [...], общество оказывало помощь белорусским беженцам теплыми вещами и топливом, открывало для белорусских студентов и учеников общежития» (с. 109).

Автор установил факт причастности великого белорусского поэта Максима Богдановича к деятельности Ярославской белорусской рады, нашел ценнейшую информацию о деятельности Минского педагогического института в Ярославле. Здесь и преподавание в нем Всеволода Макаровича Игнатовского, и славные дела директора института Д. Степуры. По инициативе последнего студенты стали изучать белорусоведение.

Щавлинский показал «ту культурно-национальную работу, которую проводили среди белорусских беженцев “Оренбургский кружок белорусов” [...], Белорусско-украинский комитет помощи жертвам войны» в Барнауле, «Белорусская хатка» в Орле, «Белорусский национальный кружок» в Богородицке Тульской губернии, «Кружок белорусской социальной молодежи» в Калуге» (с. 19).

Ученый раскрыл причины слабости созданной в Москве в мае 1917 года Белорусской народной громады, определил место и роль Петроградской организации Белорусской социалистической громады (БСГ) в размежевании осенью 1917 года. Обращается также внимание на то, что в Петрограде в 1917 году «по инициативе А. Червякова была образована Белорусская социал-демократическая партия, присоединившаяся к большевикам» (с. 33).

Доцент БНТУ заполнил нишу в проблемном поле, связанную со спецификой деятельности «Белорусской национальной

организации» в Киеве. Просто замечательно рассказано о ее лидерах, печатном органе газете «Белорусское слово», позже переименованной в «Белорусское эхо», описаны различные нюансы, связанные с деятельностью в Киеве Белорусской торговой палаты, «Белорусской технической организации».

Николай Борисович впервые системно рассмотрел тесную связь истории Белоруссии с историей украинского города Одессы в 1917–1918 гг. В декабре 1917 г. имели место два события. С первого события начала отсчет истории Белорусская войсковая рада. Ее появление – главный итог съезда воинов-белорусов Румынского фронта. Второе событие – возникновение общества «Белорусский гай», которое пыталось выполнять культурно-просветительные и благотворительные функции при явно ограниченных возможностях. «9 января 1918 года при штабе Главнокомандующего армиями Румынского фронта была учреждена Белорусская войсковая комиссия» (с. 113). Первый весенний месяц 1918 г. был отмечен появлением Белорусской национальной рады, Белорусского национального комиссариата, которые фактически пришли на смену «Белорусскому гаю» и, что еще более важно, эффективнее выполняли указанные функции.

Следующее событие свидетельствовало о том, что белорусы в Одессе тщательно следили за тем, что происходило на родной земле. Провозглашение государственной независимости Белорусской народной республики (БНР) стало поводом для датированного 21 апреля 1918 г. общего собрания белорусов. Оно «состоялось по инициативе белорусских организаций, приняло постановление в защиту и поддержку БНР» (с. 113). Следует особо отметить, что «Белорусская национальная рада и Комиссариат после образования БНР [...] стали себя рассматривать как ее полномочные и государственные органы» (с. 80).

В хронологическом ряду есть событие, которое при определенных

обстоятельствах могло стать прологом кардинального улучшения положения белорусов в образовательном плане. «В июне 1918 года Белорусская национальная рада и Комиссариат возбудили перед украинскими властями ходатайство об открытии с начала учебного года в Одессе 30-ти низших национальных училищ, содержание которых должна была взять на себя Одесская городская управа. В то же время в Одессе планировалось открыть Белорусскую частную гимназию с преподаванием на русском языке, но с включением предметов по белорусоведению» (с. 115). Если бы у городской управы были возможности профинансировать сформулированный в ходатайстве проект и если бы руководимому ею городу удалось избежать оккупации, Гражданской войны, то ходатайство обернулось бы успешным осуществлением. Увы, все произошло с точностью до наоборот.

Замыкают хронологический ряд два события, датированные сентябрем 1918 г. Появляются консульства БНР и Белорусский национальный центр, созданный «вместо Белорусской национальной рады и Комиссариата, которые упразднились» (с. 115).

Несомненно, книга удалась. Главная причина успеха – резкое преобладание в работе источников, впервые вводимых в научный оборот. Сказывается напряженная работа Николая Борисовича с документами и материалами, хранящимися в архивах. «В первую очередь были использованы материалы Национального архива Республики Беларусь, Национального архива Белоруссии, Государственного архива Могилевской области, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (Киев) и в некоторой степени архивохранилища Санкт-Петербурга» (с. 8).

© 2019 г. *М.В. Стрелец*
mstrelcz@mail.ru

ДИСКУССИЯ РОССИЙСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВОССТАНОВЛЕНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

Очередная конференция Комиссии историков России и Польши «Rok 1918 – koniec starej i narodziny nowej Europy. Odrodzone Państwo Polskie i Sowiecka Rosja. Год 1918 – конец старой и рождение новой Европы. Возрожденное Польское государство и Советская Россия» (Варшава, 26–29 сентября 2018 г.) была посвящена 100-летию восстановления независимого Польского государства. Однако, отмечая юбилейную годовщину этого выдающегося события, следует подчеркнуть, что его историческое значение выходит далеко за рамки собственно польской истории и истории российско-польских отношений. Несомненно, последние имели для возрождения Польши ключевое значение. Однако 1918 год, помимо символической роли в истории России и Польши, обозначил кардинальную смену векторов общеевропейского и мирового развития, что стало возможным вследствие свершения Великой российской революции 1917 г., положившей начало эпохе революционных потрясений в Европе и в Азии. 1918 год ознаменовал окончание Первой мировой войны, оставшейся в памяти многих европейских народов как «Великая война», роковые последствия которой среди прочего послужили одной из предпосылок появления нацизма и Второй мировой войны, ставшей величайшим военным потрясением в истории человечества. Эти события определили направление, важнейшие тенденции и характер исторического развития человечества на протяжении всего XX ст.

Первая мировая война кардинально изменила жизнь людей в великом и в малом: от образа повседневности, от бытового и семейного уклада – до форм политической жизни и межгосударственных отношений, изменила миропорядок в целом. На смену имперскому миру великих держав пришло сообщество национальных государств, формально олицетворявшееся Лигой Наций. Элитарные аристократические политические системы во многих странах были сметены массовыми общественными движениями, новыми политическими формами государств, такими как республика Советов, электоральная демократия, авторитаризм и тоталитаризм.

Все эти глобальные процессы нашли отражение в истории Польши и Советской России межвоенного периода 1918 – конца 1930-х годов, что и стало предметом рассмотрения на указанной конференции Комиссии историков России и Польши. Ее организаторами выступили Польская академия наук, Институт изучения Восточной Европы Варшавского университета, Институт истории науки ПАН, Институт истории ПАН, Варшавское научное общество, Касса имени Юзефа Мянковского. Содействие в проведении конференции оказал фонд «Российско-польский центр диалога и согласия».

О значении диалога российских и польских историков говорил, открывая конференцию, Президент Польской академии наук профессор *Е. Душинский*. Он, в частности, подчеркнул, что в нынешней сложной ситуации в межгосударственных отношениях Польши и Российской Федерации развитие сотрудничества между польскими и российскими учеными имеет большое не только научное, но и общественное значение. Он выразил надежду, что конференция внесет позитивный вклад в атмосферу взаимопонимания между Россией и Польшей. Этими идеями были проникнуты и выступления сопредседателей с российской и польской сторон Комиссии историков России и Польши профессоров Ю.А. Петрова и Л. Заштовта.

На конференции было заслушано около 50 докладов по широкому кругу вопросов: от фундаментальных проблем до отражения социально-политических процессов развития России и Польши в истории повседневности, в судьбах отдельных людей и явлениях так называемой микро истории.

Ряд докладов был посвящен проблемам характеристики исторической эпохи Первой мировой войны, Великой русской революции и восстановления Польского государства, а также и иным всесторонним изменениям социальных, политических и ментальных процессов, протекавших в Европе в ходе преодоления первого величайшего социально-политического кризиса, поразившего человечество в начале XX в. В частности, *Ю.А. Петров* (Ин-т российской истории РАН) констатировал, что при изучении грандиозных потрясений первых десятилетий XX ст. перед современными историками стоит задача «перейти от имевшего места ранее и еще не преодоленного в наши дни мифотворчества к объективному осмыслению преемственных этапов исторического процесса», отказавшись от односторонней идеализации «красного» или «белого» лагеря. Он также поставил вопрос об особенностях развития революционного процесса в «окраинных» национальных регионах Российской империи, в царстве Польском и на польских землях Германии и Австро-Венгрии: явились ли революционные события на этих территориях следствием местных социальных движений или же стали выражением общегосударственных и даже общеевропейских революционных процессов.

М. Корнат (Ин-т истории ПАН) показал, что в условиях общеевропейского кризиса 1917 – начала 1920-х годов, с одной стороны, провозглашение самоопределения для Польши не означало «определения форм и структур его реализации», с другой стороны, становление советской государственности как выражение диктатуры пролетариата, воплощенной в политической системе большевизма, также характеризовалось неопределенностью его политических форм. В итоге в обоих случаях на становление советской и польской государственности существенное (если не решающее) влияние оказало становление версальской системы, в которой Польша стала одним из важных элементов, а Советская Россия выступила по отношению к Версальской системе радикальным антиподом. В этих условиях, как констатировал докладчик, антикоммунизм (антисоветизм) стал основным идеологическим и политическим элементом восстановления независимой Польши.

Характеристике эпохи революционных потрясений был посвящен доклад *А. Новака* (Ягеллонский ун-т, Краков). В центре его внимания находилась российская концепция евразийства как, с одной стороны, значительное явление русской общественной и философской мысли переломной эпохи кануна Великой революции, а с другой – как геополитическая теория, позволившая, с точки зрения докладчика, обосновать претензии Советской России на особый путь цивилизационного развития и обеспечить преемственность российского и советского великодержавия, в частности путем внедрения понятия «постнациональной цивилизации». В ходе дискуссии по докладу А. Новака в центре обсуждения оказался вопрос об антикоммунистическом основании идеологии евразийства, приспособлении в СССР некоторых ее постулатов к концепции советского интернационализма и трансформации евразийства в современном российском общественном сознании и его восприятию в ближнем и дальнем российском зарубежье, а также в других странах, в частности в современной Польше.

Проблемам международного значения польского вопроса во время Первой мировой войны был посвящен доклад *И. Шиллер-Валицкой* и *А. Валицкого* (Ин-т истории науки ПАН). Авторы рассмотрели взгляды на эту проблему Романа Дмовского, изложенные им в курсе лекций, прочитанных в Кембридже в 1916 г. Они исходили из тезиса, что и в тот период, когда все польские земли были оккупированы войсками Германии, лидер польских национальных демократов не отказался от пророссийской ориентации и именно с Антантой связывал свои надежды на разрешения польского вопроса. По его мнению, главное противоречие российской истории заключалось в «территориальном расширении и недоразвитости сил общества и народа». В этих условиях, согласно Дмовскому, потенциал польского народа давал бы тому шанс на эмансипацию путем компромисса между народами и обществами России и Польши, первоначально реализованного в форме автономии с перспективой полного национального освобождения на основе «согласия» с Россией. При этом Дмовский рассчитывал, что достижению компромисса могли бы поспособствовать западные союзники русского царя, а также, что соответствующий политический курс мог бы найти поддержку у кадетов, как и решение вопроса о так называемых «восточных польских землях», которые, согласно его концепции, не относились к «польской цивилизации». Выступая в дискуссии по докладу, в ответ на тезисы оппонентов, А. Валицкий подчеркнул, что отношение Дмовского к России, на протяжении всего его долгого пути в политике, было двойственным: доктринально он последовательно выступал за признание неизменного и существенного влияния России на судьбу Польши с позиций учета фундаментальных интересов восточного соседа. С конъюнктурной точки

зрения, несмотря на понятные колебания, Дмовский никогда не опускался «до фанатизма». А. Валицкий подчеркнул, что еще в 1920-е годы политик писал о неизбежности «после падения коммунизма» возвращения России к великодержавной политике. В ходе дискуссии были подняты также вопросы о соотношении концепции Дмовского и воззрений русских неославистов в 1915–1916 гг. и об отношении Дмовского к внутриполитической программе и тактике кадетов этого периода, в частности, по вопросу о так называемом «ответственном правительстве».

Видное место на конференции принадлежало докладам, посвященным идеологии и программным установкам освободительного движения в Польше XIX – начала XX в., их воплощению в национальном культурном коде поляков (доклады *В. Цабана* (Ун-т им. Яна Кохановского, Кельце), *С.М. Фалькович* (ИСЛ РАН), а также антиномии идеалов освободительной борьбы и превращенных форм их реализации в польской общественной практике и в общественном сознании после обретения независимости в межвоенной Польше *А. Лейванд* (Ин-т истории ПАН)).

Большинство докладов на конференции в большей степени относились к конкретным проблемам политики Российской империи, Советской России и Польши 1914–1930-х годов. Так *Г.Ф. Матвеев* (МГУ) остановился на роли в восстановлении Польского государства противостоявших в Первой мировой войне союзов великих держав и на их взаимодействии с военно-политическими группировками на польских землях в период кризиса 1918 г. В частности докладчик подробно обосновал тезис о существовании германо-польского плана передать власть на оккупированных Германией польских землях (в Регентском совете и над сформированным немцами польским вермахтом) Ю. Пилсудскому в расчете на то, что именно социалисты (ППС и Польская военная организация (ПВО)) во главе с Пилсудским смогут удержать под контролем ситуацию в Польше и не допустят революционного кризиса на восточных рубежах Германии в виду неотвратимого поражения центральных держав в Первой мировой войне.

О политике США на исходе Первой мировой войны в польском вопросе говорила *Х. Марчевска-Загданьска* (Ин-т истории ПАН), прямо связав действия правительства США с обоими этапами разразившейся революции в России. Администрация президента Вудро Вильсона, несмотря на принципиальное непризнание Советской России, считала невозможным без участия последней ни урегулирование ситуации на востоке Европы в целом, ни решение на долговременной и справедливой основе польского вопроса, что в полной мере нашло выражение в позиции США на мирной конференции 1918 г. В дискуссии по докладу участника обсуждения поставили вопрос о том, в какой мере эта позиция США в ходе Версальской конференции была продиктована объективной оценкой ситуации, а в какой – необходимостью, оказавшись в одиночестве, противостоять, главным державам Антанты (Англии и Франции), стремившимся свести к минимуму влияние США в европейских делах и в системе послевоенного раздела мира.

Большая группа докладов была посвящена истории взаимоотношений Советской России и возрожденного польского государства в период Гражданской войны в России, начиная со времени еще до формального провозглашения Польшей независимости, что свидетельствует об участии в той или иной мере польских политических сил и националистических организаций на стороне контрреволюции в событиях Гражданской войны в России еще до решающего советско-польского противостояния 1920 г. Косвенно этого вопроса касался, в частности, также *Г.Ф. Матвеев*. Выдвинутые им тезисы получили развитие в докладе *М. Волоса* (Педагогический ун-т, Краков), посвященном деятельности эмиссаров Ю. Пилсудского на Украине и в России с целью присоединить к ПВО сторонников польской независимости на Украине и в западных областях прежней Российской империи, установить контакты с представителями Антанты и их военными формированиями, а также собрать на этих территориях деньги и другие ресурсы для деятельности ПВО. Одним из таких эмиссаров был Юзеф Бек. В сентябре 1918 г. перед эмиссарами ПВО были поставлены новые задачи: реализовать план союза с Петлюрой для борьбы с большевиками и прогерманскими силами Скоропадского. О «польском опыте революции на литовско-русских землях» говорил *В. Менджецкий* (Ин-т истории ПАН), осветивший деятельность ПВО и других сторонников «польской независимости», их стратегию и тактику применительно к местным особенностям в Литве и Белоруссии.

В дискуссии по докладам был поставлен обращенный к *Г.Ф. Матвееву* и *М. Волосу* вопрос: как можно оценить потенциал сторонников польской независимости в 1918 г. на территории царства Польского, в Галиции и на восточных землях (на Кресах), куда и были направлены эмиссары Пилсудского? Мнения участников обсуждения в этом вопросе разошлись, однако, очевидно, что на Кресах этот потенциал, по сравнению с другими польскими землями, был существенно ниже. Тогда почему именно на восток были направлены столь значительные усилия ПВО? С одной стороны, это объясняется наследием старого лозунга шляхетского польского освободительного движения о возврате к границе Речи Посполитой 1772 г., включавшей украинские и белорусские земли

в сферу территориальных притязаний возрожденного польского государства в 1918 г. Эта же тенденция, по мнению некоторых участников дискуссии, свидетельствовала также и о стратегии Пилсудского и его сторонников, направленной на вмешательство в Гражданскую войну в России еще до событий 1919–1920 гг.

Этот вопрос был в частности рассмотрен в докладе *В. Росса* (Варшавский ун-т), посвященном стратегии партии большевиков и Советского правительства в польском вопросе в 1918–1920 гг. Проблема не раз уже становилась предметом изучения советской и новейшей российской историографии (см., например «Польша в XX веке. Очерки политической истории» / Отв. Ред. А.Ф. Носкова. М., 2012), однако автор доклада проанализировал позиции Л.Д. Троцкого в вопросе о развитии революционного процесса в Европе в 1918–1920 гг. Согласно оценке В. Росса, «Троцкий выступал за самоопределение народов, рассматривая это как стимул революционного процесса. С этих позиций он подходил к утверждению о возможности революции в Австрии и в Германии, а также в Польше. На этом основывалась тактика Троцкого в Бресте». Однако уже в 1919 г. он стал рассматривать действия Польши как «поход Антанты», а установленный Пилсудским в стране политический режим как контрреволюционную бонапартистскую диктатуру. Эти оценки послужили основой стратегии Советской России в войне 1920 г., призванной «проложить через Польшу путь в революционную Европу». После поражения Красной армии на Висле в сентябре 1920 г. В.И. Ленин, как полагает В. Росс, выступал за продолжение войны в следующую кампанию 1921 г., Троцкий же, лучше зная положение в армии, высказывался за заключение мира на основе линии Керзона. В дискуссии по докладу в центре обсуждения оказался вопрос об альтернативных концепциях развития русской революции, в основе которых лежали различные подходы: классовый, этнополитический и государственно-правовой.

Значительное внимание на конференции было уделено проблемам становления и территориального разграничения новых государственных, протогосударственных и псевдогосударственных образований в Восточной Европе от Прибалтики и Причерноморья – до Урала. Само их появление стало характерной чертой революционной эпохи в условиях распада многонациональных империй. О социально-политической типологии такого рода феноменов, об особенностях их национальной формы, государственно-правовом своеобразии говорил в докладе *Ю.А. Петров*. Разумеется, главное внимание на конференции было уделено западному пограничью бывшей Российской империи, ставшему, с одной стороны, сферой польской экспансии, а с другой – наступления Советской России. В частности, *Ю.А. Борисёнок* (МГУ), говоря о конституировании Советской Белоруссии, подчеркнул, что варианты государственно-правового оформления белорусской идентичности в 1918–1921 гг. в существенной мере зависели от геополитической и культурной ситуации в Восточной Европе, «включая и радикальный большевистский вариант мировой революции». Выбор же конкретного пути определялся соотношением военно-политических сил вовлеченных в кризисную ситуацию сторон. Докладчик показал, что степень влияния интернациональных факторов на национально-политическую ситуацию на востоке Европы нашла отражение в практически прямой аналогии «белорусского» и «украинского» вопросов, а также в проводимой в СССР в 1920–1930-е годы политики «белорусификации» и «украинизации».

«Украинскому вопросу» было уделено внимание, хотя и опосредованно, в докладах *А.К. Сорокина* (РГАСПИ) и *В.Н. Захарова* (Ин-т российской истории РАН), посвященных истории Новороссии. Научный интерес к процессам, происходящим на этой исторической территории, большей своей частью относящейся ныне к Украине, обусловлен влиянием на международные отношения на востоке Европы и на континенте в целом. Так В.Н. Захаров, дав краткий очерк истории Новороссии до 1917 г., отметил, что судьбу региона в 1917–1922 гг. определили «разного рода народные движения» (с точки зрения их социальной и политической характеристик). Возникшая здесь в 1918 г. Донецко-Криворожская республика в силу классовой природы и политического устройства тяготела к Советской России. При этом на этой же территории создавалась и Советская Украина. В итоге СНК РСФСР сделал выбор в пользу создания национальной Советской Украины в расчете на то, что национальные движения к западу от рубежей Советской России могут стать союзниками пролетарской революции в деле ее продвижения на запад. В целом же В.Н. Захаров пришел к заключению, что в Новороссии национальный вопрос как главный фактор государственного и политического размежевания в 1917–1918 гг. уступил в дальнейшем ведущую роль социально-экономическим и хозяйственно-административным факторам.

Несколько докладов были посвящены социально-политической ситуации в Литве. В частности *Л. Заитовт* (Варшавский ун-т) проследил эволюцию политических позиций польских верхов в Литве в завершающий год Первой мировой войны. Согласно дневникам Михаила Ромера, уже в это время федералистский проект Пилсудского рассматривался ими как реальная политическая программа, что восстановленная «свободная Польша», занимая положение между Россией

и Германией, могла бы стать условием «освобождения Литвы». Положению в Литве в январе 1919 г. после эвакуации немецких войск и установления в Вильно советской власти был посвящен доклад *И. Геровской-Келлаур* (Ин-т истории ПАН), основным источником для которого послужили воспоминания Д.Ю. Гопнера. Автор воспоминаний – видный деятель РСДРП – естественно следовал методам марксистского анализа. Он осветил деятельность в городе различных партийных организаций, подчеркнув особенность борьбы пролетариата «в мелкобуржуазной среде при условии господства польского и еврейского капитала». В дискуссии по докладу отмечалось, что в данном случае мы можем наблюдать ту же особенность, которая была отмечена В.Н. Захаровым для Новороссии. Она состояла в том, что, если в 1917–1918 гг. первостепенное значение в Литве получил национальный вопрос (как отметил Л. Заштовт), то в 1919 г. на первое место (в свете воспоминаний Гопнера) выходит уже социальное противостояние «красных» и «белых», между пролетарской революцией и силами контрреволюции.

Еще одну группу тем, рассмотренных на конференции, можно было бы озаглавить как «Социальная и семейная история, история повседневности». В известной мере эта тема была затронута еще в докладе *Ю.А. Петрова*, отметившего, что активные участники революционной борьбы со всех сторон, и со стороны «красных», и со стороны контрреволюции, составляли относительно пассивное меньшинство вовлеченных в социальные движения масс.

К посвященным этой теме докладом, хотя и условно, можно отнести сообщение *М. Гурны* (Ин-т истории ПАН) о социальных конфликтах в Центральной и Восточной Европе в 1917–1918 гг. Докладчик констатировал, что мировая война и вызванные ею бедствия привели в движение массы (от легальных форм социального протеста – вплоть до голодных бунтов и антисемитских эксцессов), сформировали в социальных низах, в том числе и в среде вернувшихся с фронта и из плена солдат, эгалитарные устремления. Все это, по его словам, поставило перед элитами всех воюющих стран задачу канализировать народный протест, выработать новые формы управления и контроля, помимо традиционных методов военного подавления и полицейских репрессий. В дискуссии по докладу отмечалось, что одной из существенных проблем исследования социальных движений, которые автор доклада рассматривал как стихийные, является выявление в них элементов организованности. В целом участники дискуссии указывали также и на то, что еще накануне войны страны обеих противостоявших военных группировок рассчитывали, в частности, использовать условия военного времени для разгрома организованного рабочего движения, укрепить идеологическое господство правящих кругов путем внедрения в общественное сознание крайних форм национализма. К этим методам в условиях войны добавились методы прямого и косвенного государственного регулирования важнейших отраслей экономики и социальных отношений в интересах политической власти элит под лозунгом достижения общественной стабильности, сохранившихся и в послевоенное время.

К. Лятавец (ун-т М. Складовской-Кюри, Люблин) посвятил доклад судьбам русских чиновников царства Польского после падения империи Романовых и восстановления независимой Польши. Он, в частности, подчеркнул особую роль политического фактора в выборе людьми этой категории жизненной и общественной позиции, отметив определяющее влияние большевистской доктрины «слома старой государственной машины», побудившее специалистов прежней царской администрации перейти на службу в аппараты «белых» правительств, а также в органы власти Польши, стран Прибалтики и Финляндии. В определенной мере этому тезису противоречили важные положения доклада *В.П. Тарасова* (РГВА), рассмотревшего, в частности, мотивы перехода царских офицеров и генералов на службу в Красную армию. Автор указал, что причины подобного выбора объяснялись не идеологическими или политическими взглядами и предпочтениями, а преимущественно материальной необходимостью и национально-государственными убеждениями, когда в конце Гражданской войны Советская Россия уже воспринималась в среде старого офицества как исторический преемник Российского государства.

М. Кулик (Ин-т истории ПАН) посвятил доклад исследованию такой социальной категории, как польские военнослужащие русской царской армии, *Я. Легеть* (ун-т им. Яна Кохановского, Кельце) – судьбам военных инвалидов российской армии в независимой Польше. По общей оценке людей этой категории из русской, австрийской и немецкой армий в Польше было около 70 тыс. чел., что ставило вопрос о формах и уровне их социального обеспечения. Эта, казалось бы, частная проблема, как показал докладчик, позволяет выявить важные тенденции в развитии польского государства и его местных органов власти, а также поставить некоторые существенные историко-социальные вопросы в виду введения в научный оборот значительного комплекса ранее не исследованных исторических источников политико-административного и юридического характера.

Революционная эпоха нашла выражения не только в социальных движениях, она специфическим образом отразилась и в сугубо индивидуальных судьбах отдельных людей, что также

является важным предметом исторического исследования. Такой подход позволяет индуктивным методом верифицировать характер социальных процессов. В частности, с этой точки зрения для историка-исследователя важно как изучение отдельных биографий и эпизодов биографического характера, так и исследование сугубо индивидуального восприятия отдельных явлений и событий.

Такой подход был применен во многих докладах. Среди них хотелось бы выделить доклады *Л.Е. Горизонтова* (ГУ-ВШЭ), исследовавшего мемуары профессора Ягеллонского университета Романа Дыбовского, и *Ст. Веха* (ун-т им. Яна Кохановского, Кельце), посвятившего выступление образу Варшавы 1915 г., накануне немецкой оккупации, в изображении варшавского губернатора П.П. Стремоухова; *А. де Лазари* (ун-т Лодзи), рассказавшего о событиях 1918 г. «в семейной истории» своих предков — братьев Константина и Александра де Лазари; *М. Филиповича* (Ин-т Центрально-Восточной Европы Католического ун-та, Люблин) — о судьбах поляков-участников революционных событий в России на стороне большевиков, принадлежавших в дальнейшем к советской номенклатуре и проживавших в 1920—1930-х годах в Москве в знаменитом «Доме на набережной». *Д. Бочковским* (Белостокский ун-т) была исследована на основе новых источников своеобразная ситуация в области российско-польского пограничья, когда в ноябре 1918 г., практически в момент заключения Компьенского перемирия и начавшейся революции в Германии, в Белостоке (на польских Кресах), в городке с преобладанием еврейского населения вспыхнуло восстание немецкого гарнизона, и одновременно небольшая группа поляков попыталась установить в городе польскую власть, но была разоружена немцами. Описанный эпизод представлял собой яркую картину политической нестабильности и неопределенности на российско-польском пограничье в переломный момент провозглашения польской независимости.

Особый круг проблем, представленный в докладах на конференции, составляли вопросы восприятия жившими в России поляками событий русской революции, а также их политические позиции и действия в новых условиях. *И. Граля* (Варшавский ун-т) сосредоточил внимание на роли польского населения Санкт-Петербурга/Петрограда в исследуемую переломную эпоху. Он констатировал, что численность поляков в Петрограде в 1926 г. по сравнению с предвоенным периодом сократилась не менее, чем в три раза. В годы Первой мировой войны они сыграли видную роль в организации помощи польским беженцам из царства Польского, а также в возвращении в Польшу после восстановления независимости кадров высококвалифицированных специалистов, в том числе в области науки и культуры, а также в реституции польских исторических и культурных ценностей.

В ходе дискуссии по докладу развернулся оживленный обмен мнениями по вопросу, рассматривать ли петроградскую колонию как этническую диаспору или, напротив как сообщество российских подданных (россиян польского происхождения)? Отмечалось, что эти люди во всех отношениях были интегрированы в российское общество, в ином случае не смогли бы занять в нем элитарного положения. Земляческие отношения, в этом смысле, не противоречили их статусу. В частности, обсуждался вопрос, является ли основанием присутствие лиц польского происхождения во главе российских промышленных и финансовых компаний для отождествления этих предприятий с польским капиталом? В более широком плане аналогичный подход может быть применен к анализу процессов развития науки, технологии и культуры России.

Важным аспектом социального и культурного возрождения Польши стало отношение поляков — деятелей науки и культуры, работавших за пределами родины — к возрожденному польскому государству. Эта проблема, лишь частично затронутая в докладе Грали, стала предметом специального рассмотрения в докладах *З. Онацкого* (Гданьский ун-т) и *З. Вуйцика* (Ин-т истории науки ПАН).

З. Вуйцик указал, что «элиты из числа участников Польского восстания 1863 г., еще задолго до Первой мировой войны, будучи в эмиграции, а также в германской и австрийской частях разделенной Польши, исходили из убеждения, что наступит возрождение Польши, когда страны-захватчики начнут войну между собой». Готовясь использовать такую возможность, лидеры польского освободительного движения ставили задачу создать условия для возвращения в Польшу представителей интеллигенции, в том числе и научной, работавших за пределами страны, рассматривая это как важнейшую национальную цель. Ее практическая реализация стала возможной с провозглашением в 1918 г. независимости, создавались комитеты, которые разыскивали таких специалистов и создавали им условия для переселения в Польшу. В первую очередь это касалось выпускников русских высших учебных заведений, а также находившихся в России и в Польше военнопленных германской и австрийской армий. Из переселившихся в Польшу до середины 1920-х годов ученых преобладали поляки по национальности, но были и другие лица, видевшие в переезде в Польшу возможность избежать революционных репрессий, голода и других превратностей

судьбы в переломную эпоху. З. Опацкий показал, что переезжавшие в Польшу ученые направлялись в основном в Варшаву и в Вильно, что традиционно соответствовало систематическим связям польских и русских университетов, в меньшей степени — в Познань и Краков, где также открывались вакансии. В Галиции, по словам докладчика, обосновывались единицы.

В дискуссии по докладам участники отмечали, что в революционную эпоху трансферт научных кадров между Россией и Польшей не только имел существенное значение для становления польской науки межвоенного периода и представлял собой существенный вклад российских университетов в развитие польской науки, но и отражал объективную связь науки обеих стран, взаимную потребность научного сотрудничества, несмотря на практическую враждебность межгосударственных отношений. Говоря о «единичных случаях» переездов российских ученых в Галицию, участники дискуссии отмечали, что, за исключением Львовского университета, научный потенциал этой части тогдашней Польши был относительно невысок, поэтому здесь не было возможности принять значительное число ни репатриантов, ни иммигрантов. Хотя и в Галиции такие «единичные случаи» имели немаловажное значение, поскольку речь шла о специалистах высшей квалификации.

К рассмотренным на конференции важным вопросам, несомненно, принадлежат проблемы истории церкви в ходе восстановления польского государства в 1918—1920-е годы. Примечательно, что ранее эти вопросы мало привлекали внимание светских историков. В Польше эти проблемы оставались в сфере практически исключительно церковной католической историографии и присутствовали только в обобщающих трудах по истории польской католической церкви и, следовательно, несли на себе все ее специфические особенности.

В докладе *А. Шабацюка* (Католический ун-т, Люблин) была проанализирована церковно-политическая ситуация 1918 г. в Подляшье и Люблинщине, на территории бывшей Холмской губернии — выделенной в 1912 г. из состава царства Польского и непосредственно присоединенной к России. Тогда основанием для этого акта и его главным поводом стало положение там православной церкви и якобы воля к тому православного населения. Таким образом, эта относительно небольшая территория стала средоточием административных и политических противоречий между католиками, униатами и православными, которые, по мнению автора доклада, нашли разрешение с провозглашением польской независимости. Согласно выводам докладчика, относительно мирный исход десятилетнего конфликта свидетельствовал, что корни его лежали в церковной политике царских властей и не затрагивали глубоко этнополитическую и конфессиональную ситуацию в Холмщине.

Автор доклада «Религиозная и церковная жизнь в России и в Польше после 1918 г.» *Г. Лашкевич* (Варшавский ун-т) констатировал, что 1918 год стал переломным рубежом в церковной организации Польши как для католической, так и для православной церквей. Перед Польским государством встала задача интегрировать церковные структуры, входившие ранее в Россию, Германию и Австро-Венгрию; определить систему отношений с Ватиканом и центрами мирового православия; адаптировать церковные структуры и общины верующих к массовым миграциям населения в эпоху революционных потрясений; восстановить кадровую систему духовенства и подготовки священников, которые повсеместно понесли потери и пострадали в годы войн и революций. А церковная организация должна была установить отношения со светским государством с учетом особой роли католицизма в Польше. Аналогичные задачи стояли и перед церковными организациями в России, с учетом ее многоконфессионального характера, роли и позиции церкви в годы Гражданской войны, а также противоречия между формальным конституционным отделением церкви от государства и атеистической идеологией большевизма. Разумеется, все эти противоречия в России концентрировались в репрессивной политике советских властей в отношении духовенства. Религиозные организации и массы верующих и в Польше, и в России столкнулись с вызовами новой эпохи, которые были неведомы или не осознавались ранее. Новое содержание получили проблемы соотношения религиозного и научного мировоззрения; христианских ценностей и политики (в частности появление христианских партий, участие церквей в пацифистском движении и в движении в защиту мира); формирования религиозными конфессиями социальных доктрин. Наконец, вызовом новой эпохи, получившим широкий общественный отклик, стало противоречие между трансформацией и традиционализмом как в рамках самой церковной организации и догматики, так и в обществе в целом, на что Церковь уже не могла не реагировать.

В подавляющем большинстве докладов затрагивались проблемы источниковедения, однако были и такие, в которых вопросы источниковедческого характера находились в центре рассмотрения, например источники мемуарного характера. При этом воспоминания современников и участников событий послужили для авторов докладов не только материалом для установления и подтверждения тех или иных фактов и процессов. Они стали комплексным воплощением эпохи,

отражением социальных движений и ментальных сдвигов общественного сознания. Важным источником является личная корреспонденция, которая была проанализирована в докладе *Е. Пайонка* (ун-т Яна Кохановского, Кельце). Особенность подхода автора к анализу материала состояла в том, что оказавшийся в его распоряжении комплекс писем еще во время формирования прошел отбор австрийской военной цензуры, что наложило существенный отпечаток на содержание и тенденциозность комплекса в целом. А это в свою очередь требовало применения особой методике при его анализе

Заметное место на конференции было уделено архивоведческой проблематике. В докладе *В.П. Тарасова* были рассмотрены отраженная в документах архива история создания Красной армии, ее организационная структура и органы управления эпохи Гражданской войны, а также ее командные кадры, в том числе генералы и офицеры русской императорской армии. Данный обзор был сделан в контексте противостояния Советской России с германскими войсками и военными силами и армией Польской республики. К архивоведческой проблематике можно отнести и историко-архивоведческие вопросы в докладах *М. Волоса* и *Я. Пискуревича* (ун-т кардинала им. С. Вышиньского, Варшава), источниками для которых послужили, в том числе, и материалы разведывательного характера, что потребовало от авторов применения особой методике их верификации. Видное место среди источниковедческих проблем принадлежало и семейным архивам (доклад А. де Лазари). Таким образом, историко-архивоведческая проблематика нашла в работе конференции заметное место.

Одно из центральных мест на конференции занимали доклады, посвященные проблемам истории России и Польши межвоенного периода 1920–1930-х годов и XX в. Один из таких докладов *Л.П. Марней* и *Б.В. Носова* (Исл РАН) был посвящен рассмотрению проблем истории России и Польши XX в. в трудах Комиссии историков России и Польши. Докладчики показали, что за полувекую историю Комиссии проблемы XX в. неизменно находились в поле ее зрения. Причем их обсуждение проходило по всем направлениям: от экономики и социально-политических проблем — до культуры, образования и науки, включая дискуссионные историографические проблемы. При этом в рамках комиссии российские и польские историки, несмотря на существенные расхождения в оценках многих событий и тенденций, использовали труды друг друга, осваивали достижения российской и польской исторической науки, совершенствовали концепции, оттачивали аргументацию. Как показали докладчики, опыт работы Комиссии в области изучения истории XX в., свидетельствует, что ее труды способствовали взаимопониманию между историками двух стран и служили обогащению как российской, так и польской исторической науки.

Одним из ярких примеров взаимодействия российской (советской) и польской историографий стал вопрос о возрождении независимого Польского государства в 1918 г. Оценке данной проблемы политическими деятелями и историками двух стран были посвящены доклады *Я. Шумского* (Ин-т истории науки ПАН) и *И.С. Яжборовской* (Ин-т социологии РАН). В обоих докладах, и особенно у *И.С. Яжборовской*, было показано, как постепенно преодолевались идеологические политизированные оценки обеих сторон: большевистские воззрения 1920-х годов в СССР и аполитетика пилсудчиков в Польше межвоенного периода. Начиная с 1950-х годов, на их место пришли более объективные, взвешенные и научно обоснованные характеристики социальной природы, государственного устройства и исторического значения Второй польской Республики.

Важный аспект польско-советских отношений 1920–1930-х годов осветил *С. Лотыш* (Ин-т истории науки ПАН) в докладе с броским названием «Если бы вместо России было море...», посвященном техническим и политическим проблемам мелиорации польского Полесья. Докладчик показал, что проблема осушения полесских болот для развития там аграрной колонизации требовала согласования с СССР, так как советская сторона контролировала течение важнейших рек этого водного бассейна. В Москве также проявляли заинтересованность в поддержании водного баланса в виду строительства Днепрогэса. Переговоры о сотрудничестве в этой области велись в Москве и в Варшаве, однако завершились безрезультатно из-за политических противоречий. В ходе дискуссии был поднят ряд существенных вопросов о диспропорциях в структуре населения и народного хозяйства межвоенной Польши, об источниках и потенциале аграрной колонизации в стране. Однако главный вывод был поддержан единодушно: Польша и Россия неизменно на протяжении всей своей истории обладают значительным потенциалом взаимовыгодного экономического сотрудничества, невзирая на имеющиеся политические противоречия и разногласия. Этот потенциал должен и может стать залогом добрососедства.

Вопросам трактовки истории России XX в., эпохи Великой российской революции и истории Польши 1918–1930-х годов был посвящен доклад *К.А. Кочегарова* (Исл РАН). Вначале докладчик остановился на ряде теоретических и методических вопросов, вытекающих из Федерального государственного образовательного стандарта РФ 2010 г., в частности, на проблемах содержания исторического образования в школе, на соотношении понятий учебник и учебное пособие, на роли авторов

и методистов в определении содержания учебников. К.А. Кочегаров констатировал, что с начала 2000-х годов произошла «смена идеологических ориентиров российского общества», повлиявшая на трактовку революционной эпохи, которая определяется тезисом о «национальной трагедии» «без обвинения сторон», хотя ответственность за развязывание войны возлагается на большевиков. Эти принципы положены в основу и концепции изложения истории российско- (советско)-польских отношений «периода Гражданской войны 1918–1922 гг.», завершающегося образованием СССР. Восстановление польской независимости трактуется в учебниках как закономерное следствие революции и как реализация права польского народа на самоопределение. Советско-польская война 1920 г. не рассматривается более как составная часть Гражданской войны (в духе советского тезиса о «третьем походе Антанты»). Она представлена как акт борьбы за территориальную целостность Советской России и союзных с нею Советской Украины и Советской Белоруссии. Тезис о характере и хронологических рамках советско-польской войны вызвал дискуссию. Представленную докладчиком точку зрения российских учебников подвергла критике А. *Лейнванд* (Ин-т истории ПАН), опираясь на разработки данной проблемы в новейшей польской историографии.

Особое место на конференции принадлежало докладу В.П. *Мастерова*, многие годы работавшего корреспондентом ведущих российских СМИ в Польше, в настоящее время обозревателем «Независимой газеты». Доклад озаглавлен: «Информационное поле – пространство противостояния или взаимопонимания (общественные дискуссии об истории и современности российско-польских отношений)». Автор охарактеризовал, начиная со второй половины 1980-х годов, важнейшие тенденции в позициях российских и польских СМИ по вопросу истории и состоянии российско-польских отношений, показав, что и в России, и в Польше в них, несмотря на присутствующий мейнстрим наличествуют и существенные расхождения. Вместе с тем, «настойчиво звучащий с обеих сторон тезис о некоем экзистенциальном геополитическом противостоянии России и Польши обоснованно подвергается критике как несостоятельный с научной точки зрения и служащий эгоистическим интересам определенных политических кругов». По докладу развернулась оживленная дискуссия, в ходе которой, отвечая оппонентам, В.П. *Мастеров* констатировал, что, по его убеждению, «перемирия или примирения в информационном поле ожидать не приходится, вместе с тем ощущается потребность в развитии самых разнообразных связей и контактов».

Говоря о содержании конференции, хотелось бы отметить активное участие в ней молодых польских историков, нового поколения исследователей истории Польши и российско-польских отношений. Они энергично содействовали ее организации, выступили с докладами и участвовали в дискуссии. В качестве примера можно привести доклад М. *Ясинского* (Ин-т истории науки ПАН) о судьбах православного населения царства Польского в годы Первой мировой войны, проиллюстрированный уникальными фотодокументами, запечатлевшими реалии этой трагической эпохи. Однако следует подчеркнуть, что фотографии в его работе это отнюдь не дань моде, требующей представить так называемый «видеоряд», а уникальный исторический источник, позволяющий решить ряд существенных исследовательских и источниковедческих проблем, учитывая, что за последние два десятилетия фотодокументы становятся предметом специального исследования польских историков и источниковедов. Доклад М. *Пекарского* (Ин-т истории науки ПАН) был посвящен «образу России и русских на страницах варшавского журнала “Музыка” 1924–1938 гг.». В нем на основе журнальных публикаций были проанализированы разнообразные и интенсивные контакты польских музыкантов и музыкальной общественности со своими российскими коллегами, показан глубокий интерес польской общественности к достижениям музыкальной культуры в России, к ее композиторам-новаторам, в частности – к Д.Д. Шостаковичу, к выдающимся исполнителям, к русскому музыкальному театру. Доклад вызвал интересную дискуссию. Я. *Малицкий* (Варшавский ун-т) упомянул, что в межвоенный период в Польше проводились три конкурса Ф. Шопена, и на всех победу одержали пианисты из СССР. В дискуссии отмечалось, что культурные связи Польши и России преодолевали все преграды, что такого рода исследования в области музыкальной культуры полезно было бы распространить и на другие сферы, например на литературу. Отмечалось, что советская культура развивалась в русле мировых идейных и эстетических тенденций, несмотря на партийное администрирование и идеологический догматизм советской культурной политики. Выступавшие отмечали также существенные различия в подходе к культуре, к содержанию и задачам культурной политики, а также к идеологическим и эстетическим нормам культурного канона у Пролеткульта, у Ленина и Сталина.

Подводя итоги конференции, Ю.А. Петров и Лешек Заштовт подчеркнули ее позитивный характер и творческую атмосферу.

© 2019 г. Л.П. *Марней*, Б.В. *Носов*
bnossov@mail.ru
DOI: 10.31857/S0869544X0004773-3

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИСЛАВА ЯКИМОВИЧА ГРОСУЛА

В феврале 2019 г. отметил юбилей видный российский и молдавский историк – балканист и рунист – Владислав Якимович Гросул, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

В.Я. Гросул родился 11 февраля 1939 г. в Тирасполе. Его отец, известный молдавский историк член-корреспондент АН СССР, первый президент Академии наук Молдавской ССР Яким Сергеевич Гросул (1912–1976).

По окончании в 1961 г. Кишиневского госуниверситета Владислав Якимович поступил в аспирантуру тогда еще единого Института истории АН СССР, где его научным руководителем стал академик Н.М. Дружинин. На основе кандидатской диссертации, защищенной в 1964 г., была опубликована первая монография В.Я. Гросула «Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е годы XIX в.» (М., 1966). По окончании аспирантуры Владислав Якимович Гросул в течение ряда лет занимался проблемами российско-румынских отношений в XIX в. в Институте истории Академии наук Молдавской ССР, опубликовав в 1969 г. монографию «Россия и формирование румынского независимого государства» (совместно с Е.Е. Чертаном). В эти годы он стал одним из инициаторов нового проекта – серийного кишиневского издания «Балканский исторический сборник». Круг его научных интересов постепенно расширялся. Наряду с российской политикой в Юго-Восточной Европе, процессами нациообразования и государствообразования в регионе в него входили проблемы экономической истории в условиях начинающегося разложения феодализма (статьи об экономических отношениях между крестьянами и боярами в Дунайских княжествах в первой половине XIX в. и др.).

С начала 1970-х годов В.Я. Гросул работает в Москве в Институте истории СССР АН СССР (с начала 1990-х годов Институт российской истории РАН). Главной темой его исследований на долгие годы становится деятельность российской революционной эмиграции на Балканах в тесной связи с освободительным движением балканских народов. По этой тематике им была опубликована серия монографий: «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874)» (Кишинев, 1973); «Революционная Россия и Балканы (1874–1883)» (М., 1980); «Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг.» (М., 1988). В 1976 г. В.Я. Гросул защитил в Институте истории СССР докторскую диссертацию.

Освоение проблематики русской революционной эмиграции в контексте становления освободительного движения на Балканах позволило В.Я. Гросулу позже перекинуть мостик к систематическому исследованию русского зарубежья XIX в. в общеевропейском (а с учетом США и во всемирном) масштабе. Определенный резонанс в профессиональном сообществе получили его монографии «Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX века» (М., 2001), «Русское зарубежье в первой половине XIX века» (М., 2008), а также статьи об участии русских революционеров в европейских революциях XIX в.

Работы В.Я. Гросула об отклике российской общественности на освободительное движение балканских народов в определенном смысле заложили со временем основы другого важнейшего направления в его исследованиях последних десятилетий – речь идет об отношениях власти и общества в Российской империи начиная с времен Екатерины II. Вслед за многочисленными статьями и разделами в коллективных научных трудах последовала фундаментальная монография «Русское общество в XVIII–XIX веках. Традиции и новаторство» (М., 2003). В 2000 г. под редакцией В.Я. Гросула вышел коллективный труд ИРИ РАН «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» (М., 2000). Итогом многолетней скрупулезной работы в архивах явились фундаментальные

монографии 2010-х годов – «Общественное мнение в России XIX в.» (М., 2013) и «Общественное движение в России первой половины XIX в.» (М., 2017).

При всей широте научных интересов В.Я. Гросула одним из главных направлений приложения его творческих сил всегда оставалась история родной Молдавии. В работах по истории Бессарабской губернии и Левобережного Приднестровья в XIX в. он попытался, опираясь на большой фактический материал, проследить, как общие принципы управления многонациональной державой преломились конкретно в политике царизма на юго-западных национальных окраинах Российской империи, в преддверии Балкан, как менялась эта политика и какие изменения претерпевал на протяжении XIX в. этнический состав населения края (среди прочего разделы в коллективных трудах: «Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления» (М., 1997); «Русское население национальных окраин России. XVII–XX вв.» (М., 1999); «Русские в Евразии XVII–XIX вв.» (М., 2008); «Этнические элиты в национальной политике России» (М., 2018; и др.). Ряд статей посвящен генезису бессарабской автономии в составе России начала XIX в.

В монографии «Молдавское движение до и после образования Румынии (1821–1866 гг.)» (Кишинев, 2014) В.Я. Гросул попытался выявить и проследить ту тенденцию в развитии общественных движений и общественной мысли Молдавского княжества, которая и в эпоху объединения Дунайских княжеств акцентировала внимание не на румынской культурно-языковой общности, а на молдавской специфике, и была связана с сохранением верности немалой части элиты собственным традициям государственности и культуры Молдавии. Работа эта органично вписалась в контекст непрекращающихся дискуссий по проблемам молдавской национальной идентичности, вызвав возражения со стороны приверженцев панрумынского подхода. В книге «Молдавские выходцы в России Нового времени» (Кишинев, 2016) содержится обилие собранной В.Я. Гросулом за десятилетия работы в науке информации о вкладе уроженцев Молдавии (военачальников, государственных деятелей, дипломатов, ученых и т.д.) в историю и культуру России.

На протяжении более полувека творческой деятельности В.Я. Гросул постоянно обращался к дипломатической истории, разрабатывая проблемы истории международных отношений на Балканах и формирования в этом контексте юго-западных границ Российской империи. Только в последнее десятилетие им опубликованы новые работы о российских дипломатических представителях на Балканах в первой половине XIX в., о влиянии Бухарестского мирного договора 1812 г. на формирование новых границ России и Адрианопольского мирного договора 1829 г. на исторические судьбы Молдовы и Валахии. Итогом многолетних историко-дипломатических штудий стала недавняя фундаментальная монография В.Я. Гросула «Бессарабия в международных отношениях Нового времени» (Кишинев, 2018).

Историк широкого кругозора, одинаково уверенно себя чувствующий в проблемах Новой истории России и Балкан, В.Я. Гросул в ряде статей и докладов обращался к выявлению общего и особенного в развитии монархий Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, писал в сравнительно-историческом ключе о соотношении реформаторского и революционного начал в общественных движениях России и Балкан (см. сборник его избранных работ «Труды по теории истории». М., 2014). Его перу принадлежат и статьи по проблемам периодизации всемирной и отечественной истории. С другой стороны, он отдал дань и локальной (не макро-, но микро-) истории, опубликовав монографию об истории своего фамильного села «Карагаш – минувший и нынешний (История одного приднестровского села)» (М., 2001), «Очерки истории Тамани» (совместно с Н.Ф. Бугаеи. М., 1996).

Интерес В.Я. Гросула к историческому многообразию форм решения национального вопроса на российском имперском и постимперском пространстве со всей закономерностью предопределил его внимание к «советскому проекту» на его ранней стадии именно как к реализовавшемуся на практике способу обустройства межнациональных отношений на территории, ранее входившей в состав Российской империи. Дискуссионным проблемам посвящена монография «Образование СССР. 1917–1924» (М., 2007), в которой автор пытается доказать, что образование СССР было в первую очередь предопределено принявшими большой размах и направленными на интеграцию общественными движениями на землях бывшей Российской империи, а не давлением центра (большевистского режима в Москве).

Начиная с 1970-х годов В.Я. Гросул неоднократно представлял СССР, а затем Россию на международных конференциях в рамках ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы, немало сил отдал многолетней работе в двусторонней комиссии историков России и Румынии. Занимаясь долгие годы проблемами российско-румынских и российско-молдавских отношений, В.Я. Гросул проявлял первостепенный интерес к той части общего исторического наследия, которая не разделяла, а объединяла народы. Показательно его внимание к фигуре известного российского реформатора графа П.Д. Киселева, имя которого стало символом конструктивного сотрудничества двух народов,

разделенных множеством исторически сложившихся противоречий (очерк В.Я. Гросула в книге «Российские реформаторы, XIX – начало XX в.» М., 1995). Выступая в жанре исторического портрета, В.Я. Гросул обращался и к другим ярким (и очень разным по духу) персонажам трех столетий. Это и сын молдавского господаря, ученого-энциклопедиста Дмитрия Кантемира успешный российский дипломат и первый русский светский поэт Антиох Кантемир, это и Христиан Раковский – румынский революционер болгарского происхождения, а позже один из основателей Украинской ССР и крупный советский дипломат. Ему принадлежит заслуга постановки серьезных научных проблем – например, о конституционалистских экспериментах российских реформаторов за пределами России и их влиянии на передовую общественную мысль и политическую практику в балканских странах (в том числе о влиянии реформ Киселева в Дунайских княжествах на болгарских реформаторов). Первые работы о конституционалистской политике России на Балканах были опубликованы им еще в конце 1960-х годов, а в серии статей 2011–2012 гг. о конституционализме как инструменте российской внешней политики он вернулся к этой теме на более высоком уровне, с учетом новых фактов и подходов, наработанных в историографии.

В течение ряда десятилетий В.Я. Гросул – участник проектов Института славяноведения и балканистики АН СССР, позже Института славяноведения РАН, автор многих статей в журнале «Славяноведение», с которым он сотрудничает с 1973 г. В.Я. Гросул опубликовал немало статей по широкому кругу проблем на страницах журналов «Новая и новейшая история», «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал», «Преподавание истории в школах», на протяжении многих лет был членом редколлегии журнала «Отечественная история» (ныне «Российская история»). Научную работу профессор В.Я. Гросул сочетает с преподавательской и просветительской. Он много выступает в российской и молдавской прессе по проблемам национальных отношений, преподает историю в вузах, осуществляет научное руководство аспирантами. Как многолетний член диссертационного совета Института славяноведения РАН, эксперт ВАКа неизменно сочетает доброжелательность к начинающим ученым с высокой требовательностью и принципиальностью. Педагог, подготовивший немало специалистов, работающих сегодня не только в Москве, но также в Кишиневе и Тирасполе, В.Я. Гросул прилагает (зачастую в весьма неблагоприятных объективных условиях) большие, если не сказать подвижнические усилия для сохранения и развития профессиональных связей историков, живущих на постсоветском пространстве.

Коллеги – слависты и балканисты

Коллектив Института славяноведения РАН, с которым В.Я. Гросул сотрудничает около полувека, и журнал «Славяноведение» желают юбилюру здоровья и новых творческих свершений.

ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ МИХАЙЛОВНЫ ФАЛЬКОВИЧ (1932–2018)

19 декабря 2018 г. ушла из жизни Светлана Михайловна Фалькович – видный историк-полонист, одна из старейших сотрудников Института славяноведения РАН. Ее значительный вклад в науку получил высокую оценку в России и послужил основанием для её признания научным сообществом за рубежом нашей страны как специалиста международного уровня по истории Польши и польско-российских отношений, а также по социально-политической истории и культуре народов Центральной Европы Нового времени.

С.М. Фалькович родилась в семье медицинских работников. В 1955 г. она закончила исторический факультет МГУ со специализацией по истории южных и западных славян и там же – аспирантуру. Затем три года она работала научным редактором в Издательстве восточной литературы АН СССР, однако сохранила верность призванию славяноведа, продолжая трудиться над диссертацией «Польская эмиграция накануне восстания 1863 г.», которую успешно защитила в 1962 г.

Тогда же Светлана Михайловна поступила на работу в Институт славяноведения, в котором неизменно трудилась более 50-ти лет до выхода на пенсию в 2018 г. Но этот рубеж был только формальным, поскольку она продолжала сотрудничать с институтом в рамках его исследовательской программы. Таким образом, можно без преувеличения сказать, что научная работа и Институт славяноведения стали для Светланы Михайловны делом жизни и смыслом жизни.

В 1977 г. С.М. Фалькович защитила докторскую диссертацию «Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907–1912)». Таким образом, проблематика польского и русского освободительного движения, как и революционной демократии ведущих стран Европы, стала одним из центральных направлений ее научной работы. Сфера ее научных интересов постоянно расширялась. Под руководством С.М. Фалькович были подготовлены фундаментальные коллективные труды, посвященные ряду актуальных научных проблем: социально-политической трансформации на польских землях XIX – начала XX в.; национальному вопросу в европейских странах в эпоху революций 1848–1849 гг.; истории царства Польского в составе Российской империи в конституционный период 1815–1830 гг. и в период между Ноябрьским восстанием 1830 г. и Январским восстанием 1863 г. Она также посвятила цикл работ проблемам национальных стереотипов, взаимных представлений друг о друге поляков и русских.

С.М. Фалькович – автор ряда монографий, опубликованных в России и в Польше. Среди ее научных достижений нельзя не упомянуть участия в подготовке уникальных многотомных публикаций исторических источников по истории советско-польских отношений, Польского восстания 1863–1864 гг., российско-польских общественных и культурных связей XIX в. Ее перу принадлежит не одна сотня научных статей, сообщений, рецензий и иных научных публикаций, которые неизменно отличали глубина замысла, безупречный литературный стиль, строгая доказательность и оригинальность наблюдений и выводов. Особо следует отметить участие Светланы Михайловны в научных конференциях, ее яркие запоминающиеся выступления с докладами и искрометные реплики в дискуссиях. Она не раз представляла отечественную историческую науку на проводимых в Польше международных конгрессах зарубежных исследователей польской истории.

С.М. Фалькович вела большую научно-организационную работу, будучи многие годы активным членом Комиссии историков России и Польши, способствуя развитию научных связей ученых двух стран. Говоря о ее вкладе в работу института, нельзя также не упомянуть ее активную научно-педагогическую деятельность по подготовке молодых историков-славистов, в частности в составе диссертационного совета по истории.

Институт славяноведения был для Светланы Михайловны, говоря без преувеличения, вторым домом. Коллектив сотрудников института, сложившийся в 1960–1970-е годы, отличали не только выдающийся научный уровень, но и уникальная творческая атмосфера общественной и культурной жизни. И в этих областях Светлана Михайловна проявила себя яркой, незаурядной личностью. Сотрудники старшего поколения помнят ее как талантливую автора текстов, в том числе поэтических, и блестящего исполнителя характерных ролей в институтских капустниках, в которых также проявился и ее вокальный талант.

В последние три года С.М. Фалькович испытывала серьезные проблемы со здоровьем. Но это не сломило ее поистине «железной воли», воли к научному творчеству, увлеченности всеми сторонами общественной жизни, искреннего добросердечного участия в делах, радостях и горестях родных и близких, коллег и друзей. До последних дней она вела научную работу, опубликовав монографию «Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века» (М.: СПб., 2017). Две статьи были завершены ею буквально накануне кончины. Статьи эти нам – коллегам Светланы Михайловны – еще предстоит опубликовать.

© 2019 г. *О.С. Каштанова, Г.В. Макарова, Б.В. Носов*

Slavyanovedenie № 3, 2019

ARTICLES

IDEAS OF THE REGIONS OF EUROPE IN THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Robinson M.A.</i> (Moscow). Regions of Europe in the historiosophic treatise of Vladimir I. Lamansky «Three worlds of the Asian-European continent».....	3
<i>Matejko L.</i> (Bratislava). Myths about the «depravity of the West» and «spiritual purity of the Slavs» in the Slovak literary discourse.....	13
<i>Aloe S.</i> (Verona). Italy in the concepts of the Slavists of the nineteenth century.....	25
<i>Zelenka M.</i> (České Budějovice). Central Europe in the concepts of Czech Slavists of the interwar period.....	39
<i>Gorizontov L. Ye.</i> (Moscow). Regional terminology of the Slavic studies in Russia.....	46
<i>Stobiecki R.</i> (Łódź). East Central Europe the Polish public discourse yesterday and nowadays.....	56

* * *

<i>Stankov N.N.</i> (Moscow). Ilya M. Geitzman and his project for Czechoslovakia (1920).....	68
<i>Kosik V.I.</i> (Moscow). USSR in the reports of Croatian diplomats from Sofia during the war (1941–1944).....	76

ESSAYS

XVI INTERNATIONAL CONGRESS OF SLAVISTS (BELGRADE, AUGUST 20–27, 2019)

REVIEWS OF THE SECTIONS' AND THEMED PANELS' WORK

<i>Pilipenko G.P.</i> (Moscow). Review of the papers of the sections on Sociolinguistics, interference, language contacts and dialectology.....	85
<i>Ganenkova T.S.</i> (Moscow). Review of the papers of the section «Semantics and pragmatics».....	91
<i>Zapolskaya N.N.</i> (Moscow). Review of the papers of the themed panel «Functionality of Slavic literature».....	94
<i>Plotnikova A.A.</i> (Moscow). Review of the section on ethnolinguistics.....	101
<i>Tolstaya S.M.</i> (Moscow). Review of the themed panel «Historical memory in the language».....	106
<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). Review of the work of the sections on literary studies.....	111

IN MEMORIAM

<i>Sloistov S.M.</i> In memoriam of my teacher Galina Pavlovna Murashko (1932–2018).....	114
--	-----

REVIEWS

<i>Gusev N.S.</i> Д.О. Лабаури. Евангелие и револьвер: Социальные и психологические основы болгарской национальной революции в Македонии и Фракии в конце XIX – начале XX в....	121
<i>Strelets M.V.</i> Н.Б. Шавлинский. Первая Мировая война и национальный вопрос в деятельности белорусских партий, организаций и обществ на территории России и Украины.....	126

SCHOLARLY LIFE

<i>Marney L.P., Nosov B.V.</i> Discussion of Russian and Polish historians on the consequences of World War One, Great Russian Revolution and restoration of Poland's independence.....	128
---	-----

JUBILEES

To the jubilee of Vladislav Yakimovich Grosul.....	137
--	-----

OBITUARIES

<i>Kashtanova O. S., Makarova G.V., Nosov B.V.</i> In memoriam of Svetlana Mikhailovna Falkovich.....	140
---	-----